Сегодня будут флаги литься,
И песни
литься
веселей,
Сегодня
у тебя, столица,
Сто
комсомольских
площадей!
Пришла весна.
Я вижу это,
Пришла,
действительно красна.
День съезда юных —
вот примета,
Что к нам, в Москву,
пришла весна.
Николай ДОРИЗО
ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 16 (1817)

15 АПРЕЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КОЛУМБ ВСЕЛЕННОЙ

Год тому назад мир был потрясен вестью:

— Советский человек — в космическом пространстве.

Эти слова передавались из уст в уста в Нью-Йорке и Дамаске, в Токио и Сиднее, в Гаване и Рейкьявике. Все хотели знать, кто он, этот Колумб Вселенной?

Теперь весь мир знает Юрия Алексеевича Гагарина. Во многих странах побывал первый космонавт, миллионы людей покорил не только своим мужеством, но и обаянием улыбки, веселым блеском глаз, острыми речами.

Мы застали Юрия Алексеевича в минуту отдыха в кругу его семьи.

Фото В. Круглико[в]

Copyrighted material

Делегаты XIV съезда ВЛКСМ Маргарита Богомолова, контролер металлургического цеха Московского комбината твердых сплавов, и Олег Гольцов, секретарь комсомольской организации Московского молочного комбината.

Фото Дм. Бальтерманца.

В ознаменование великой победы разума и воли человека, в ознаменование первого в мире полета советского человека в космос Президиум Верховного Совета СССР постановил: установить празднование «Дня космонавтики» и отмечать его ежегодно 12 апреля.

СЛАВА ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ — ВЕРНОМУ ПОМОЩНИКУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Copyrighted material

ПРАВДА ПРИШЛА

В. ПОЛЯКОВ

Это случилось в 1942 году. Ночью из штаба дивизии пришла телеграмма. Начальник политотдела приглашал к себе летчика-истребителя капитана Кузьму Селиверстова. Причем предлагалось прибыть обязательно до рассвета и с трехдневным пайком.

— Что бы могло быть? — спрашивал Селиверстов у командира полка, но тот лишь пожимал плечами: мол, не знаю.

Командиру не хотелось отпускать Селиверстова. Ему дорог был сейчас каждый летчик. Ведь чуть забрезжит рассвет — начнутся боевые полеты. А тут забирают одного из лучших истребителей.

Сняв телефонную трубку, командир вызвал штаб дивизии. Не ошибка ли? Почему именно Селиверстова? И, убедившись, что ошибки нет, что требуют именно Селиверстова, командир приказал летчику немедленно отправиться в политотдел.

— Задание у вас необычное, весьма ответственное,— говорил Селиверстову начальник политотдела.— Вы полетите во вражеский тыл, и не на истребителе, а на «кукурузнике» (так шутя называли самолет «ПО-2»). Не с бомбами, а с газетой «Правда».

Газета предназначалась для одного из полков, выполнявших задание в немецком тылу, примерно в 100 километрах от линии фронта.

Надо было пройти эту стокилометровую полосу обязательно до рассвета, найти своих, приземлиться, сдать газеты, получить необходимые сведения и на другую ночь вернуться в дивизию.

Вскоре маленькая машина поднялась с дивизионного аэродрома и скрылась в предрассветной мгле. Восход солнца застал Селиверстова в районе станицы Курагинской, там, где должен был находиться полк. Самолет прошел вдоль станичных окраин, затем уклонился в сторону на несколько километров, снова возвратился на старое место, но полка летчик не находил. Кружиться далее было опасно, а лететь назад в утренние часы и вовсе невозможно. Селиверстов посадил самолет в поле, между копен, прикрыл его соломой, взял мешок с газетами и осторожно пошел к станице. Фашистов там не было.

Полк тем временем был уже далеко, в совершенно другом районе. В каком именно, Селиверстов не знал. Как же быть с газетой? Теперь он не может ее доставить по назначению.

«Объявлю в станице, что «Правда» пришла, раздам местным жителям газету»,— решил Селиверстов.

В хате, где остановился Селиверстов, жила колхозная звеньевая. Он попросил ее сходить к надежным людям и сказать: «Правда» пришла...

Скоро от избы к избе, а затем и от станицы к станице понеслось:

— «Правда»... Из Москвы прислали...

Вечером в дом, где остановился Кузьма Селиверстов, пришли представители шести близлежащих станиц и хуторов, просили номер «Правды». Селиверстов давал по одному-два номера газеты, просил обязательно дать соседям, а если можно — коллективно почитать. И когда все газеты были розданы, пришел еще один человек. Он прошел пешком почти 30 километров. Его послали жители самого дальнего хутора. Что же он ответит им? Нельзя же сказать, что нет больше «Правды». Да и в самом деле — вот она рядом, в руках любезной хозяйки дома, «Правда» за 13 августа 1942 года. Но разве отдаст хозяйка? Ни за что! Читать и перечитывать самой, а потом соседям — вся станица будет читать эту «Правду».

— Помогите, товарищ,— сказал пришедший, обращаясь к Селиверстову.— Давайте перепишем этот номер «Правды».

Обычные листки ученической тетради становились страницами «Правды».

Вот передовая, призывающая партизан крепче бить врага... Сводка Совинформбюро, сообщения о победителях всесоюзного социалистического соревнования...

Так, строчка за строчкой, была переписана вся газета. Сто двадцать семь страничек из ученических тетрадей составили номер «Правды». Каждый из этих листков читался десятками людей. Многие листки с передовой статьей, сводкой Информбюро переписывались снова и снова и попадали к новым читателям.

...Весной 1943 года вместе с Селиверстовым мы побывали в тех местах, куда доставил он «Правду». Узнали кое-какие подробности. Фашисты так были напуганы появлением «Правды», что снарядили для поисков газеты специальные отряды. Но «Правда» была неуловима. Для нее не существовало преград. Номер газеты, доставленный Селиверстовым в станицу, через месяц, оказывается, был уже в донецком городе Красный Луч. Его искали в Красном Луче, а он читался уже в Луганске. Может, это и не обязательно тот самый августовский номер. Может, другой. «Правда» ходила по всей стране, она поднимала, вдохновляла людей, звала их на решительную борьбу с фашизмом.

Мы попытались найти рукописный номер «Правды». Это оказалось трудным, почти невозможным делом, ибо статьи «Правды», словно эстафету, передавали из рук в руки, из станицы в станицу. Удалось найти лишь несколько листков и отправить их в политическое управление фронта. Возможно, они сейчас в музее. Подойдет человек, посмотрит такой листок с расплывшимися буквами. Вспомнит, как родился этот листок, как голос партии звал людей на священную борьбу с фашизмом. Вспомнит и скажет: как же могуча сила ленинской «Правды»!

Судьбу одного из листков ученической тетради, на котором была переписана часть передовой «Правды», мне удалось узнать уже в конце войны. Вернувшись в освобожденную станицу в 1943 году, Селиверстов разыскал того человека, с которым переписывал номер «Правды», и при его содействии разыскал несколько листков. Один из них (начало передовой статьи) был переписан рукой самого Селиверстова. И летчик взял его на память о своем знаменитом полете в тыл врага. Механик самолета старшина Кривошеев сделал искусную рамку и по просьбе летчика повесил ее в кабине самолета. С тех пор и почти до конца войны листок с передовой «Правды» был спутником Селиверстова во всех воздушных боях. К концу войны на счету Селиверстова числилось больше двадцати сбитых самолетов противника. Он стал Героем Советского Союза.

В дни, когда началось последнее наступление на логово врага, Селиверстов по нескольку раз вылетал на задание. В одном из воздушных боев он был тяжело ранен в районе Ростока. Слабеющая рука пилота вела самолет в расположение наших войск. Почти у линии фронта машина пошла на посадку. Самолет скапотировал, но не разбился.

На самолете рядом с приборами управления висела рамка с листком, переписанным из «Правды». Ее поставили на могиле летчика. Он пронес «Правду» как боевое знамя от донских степей до Берлина.

«ДА» СВОБОДЕ

Л. КОРОЛЕВ

Франция сказала «да» свободе Алжира.

Более 90 процентов французов, участвовавших в голосовании, одобрили Эвианские соглашения. 417 тонн бумаги было истрачено на бюллетени, 1 миллиард 200 миллионов франков составили расходы — таковы итоги референдума.

8 апреля простые французы заявили то, что говорили год, и два, и семь лет назад, за что неустанно боролись с теми, кто еще вчера упрямо называл Алжир «старой французской землей», кто считал войну «единственным возможным способом переговоров» с алжирцами. Кое-кому из правых политиков, которые сегодня хотят набить себе цену, нелишне напомнить об их ответственности за все 2 695 дней этой грязной войны, которая стоила Алжиру миллиона человек убитыми, двух миллионов брошенных в тюрьмы и концлагеря, пропавших без вести. А сколько французских юношей последний раз видели небо над горами Атласа или в Сахарской пустыне? 500 тысяч! Не Франция посылала их туда, не за ее интересы гибли они. Не в народный карман текли доходы от военных поставок, не для простого люда сахарская нефть превращалась в солидные стопки хрустящих банкнот. Для народа Франции один день этой войны стоил 3 миллиарда франков, и каждый день приносил извещения о гибели французов.

Подлинные патриоты Франции сразу же после начала войны сказали ей «нет». В декабре 1954 года коммунисты в Национальном собрании предложили признать обоснованные требования алжирского народа, жаждущего свободы. «Только такое един-

ГОД ТРУДОВ И ДЕРЗАНИЙ

Г. С. Титов приветствует первого космонавта Ю. А. Гагарина в годовщину первого полета в космос.

Copyrighted material

← «Да» — миру, «Нет» — фашизму, говорят не только бюллетени, опущенные во время референдума. К этому семь лет призывала, этого требовала вся честная Франция.

Фото из журнала «Авангард».

АЛЖИРА

ственно демократическое решение проблем, возникающих в Алжире,— говорили депутаты-коммунисты,— может удовлетворить чаяния свободолюбивого алжирского народа и обеспечить защиту интересов Франции в рамках отношений дружбы, взаимного доверия и братского сотрудничества между алжирским и французским народами».

Трудящиеся Франции поддерживали своих депутатов. История сохранила результаты народных опросов, может быть, не таких широких, как прошедший 8 апреля, но не ставших от этого менее значительными. Один из них был организован Национальным советом мира Франции в ряде департаментов еще в ноябре 1957 года. Активисты совета посещали семьи, предприятия, учреждения, беседовали с представителями самых различных слоев населения относительно мирного урегулирования алжирской проблемы. Подавляющее большинство французов сказали «да» миру в Алжире. 639 семей из 657 опрошенных в городе Гюа (департамент Аверон) подписали петиции, требовавшие восстановления мира в Алжире. Из 86 человек, опрошенных на заводе «Точкисс-Барражо», за мирные переговоры высказалось 82 человека, в одном из кварталов Сен-Дени из 30 опрошенных 29 сказали: «Мир Алжиру».

Такова была точка зрения народа Франции все годы, пока продолжалась война в Алжире. Его мнение не изменилось. Изменилась позиция правящих кругов, которые под мощными ударами национально-освободительного движения, под давлением общественности Франции и всего мира вынуждены были отступить и признать право Алжира на независимость. Это первая важная победа, но она еще не означает, что борьба окончена. «По ту сторону баррикад...— говорил недавно Н. С. Хрущев,— стоит сильный и опытный враг, который вовсе не собирается сдавать своих позиций, идет на любые преступления для того, чтобы подавить естественный порыв народов к свободе, а где удастся,— то и восстановить свое былое господство».

Сказав «да» на референдуме, народ Франции заклеймил твердолобых колонизаторов, которые в надежде сорвать Эвианские соглашения пустили в ход все свои козыри вплоть до оасовских налетов с автоматами и пластическими бомбами. Французские ультра неистовствуют, чувствуя, что почва ускользает из-под ног. Они сеют смерть всюду: на улицах, в больницах, школах, магазинах, автобусах, на площадях. Наследники первых завоевателей Алжира словно следуют приказу французского командования, отданному летом 1830 года, когда французские колониальные войска высадились на земле Алжира: «Уничтожайте всех, как собак, кто не будет ползать у наших ног». И сегодня, 132 года спустя, этот приказ пытаются претворить в жизнь те, кого трудно назвать людьми. Ежедневно на улицах алжирских городов устраивают они дикие расправы над безоружными жителями. Вот одно из таких злодеяний, рассказ о котором поместил на днях французский журнал «Пари-матч». «В алжирском квартале Баб-эль-Уэд мусульманин был ранен из револьвера. Тот, кто стрелял, подошел к раненому и приставил пистолет к виску. Убийца нажимает на курок, но пистолет дает осечку. Алжирец, распростертый посреди улицы, неимоверным усилием натягивает себе на лицо одежду. Убийца еще дважды пытается выстрелить. И каждый раз осечка. Наконец раздается выстрел. Одним погибшим в Баб-эль-Уэде стало больше...»

Для алжирцев, которые падают, обливаясь кровью, на улицах, Эвиан не подвел черту под войной. Не подведена эта черта и для французских солдат в Алжире. «Французы убивают французов,— писала недавно буржуазная газета «Монд»,— а в Париже находятся депутаты, которые откровенно радуются этому». Газета имеет в виду ультра в депутатских фраках, которые стремятся оправдать убийц из фашистской организации Салана. Послушайте, что говорит один из ультра, полковник Тренкье. «Дайте мне сотню головорезов,— заявил этот вояка,— и я терроризирую Париж. Я просто буду оставлять каждую ночь по пять трупов на улице. Вы скажете, что я фашист, но ведь мы должны сделать население послушным».

Сегодня все эти тренкье убивают алжирцев и французских солдат на улицах Алжира и Орана. Завтра они хотят устлать трупами бульвары Парижа. Вот он, кровавый урожай мягкого обращения властей с бандитами из ОАС.

Народ Франции голосованием 8 апреля ясно высказал свое мнение об ОАС и ее покровителях. Решительное «да» миру прозвучало как «нет» колониализму, диктатуре и фашизму. Точка зрения простого француза полностью совпадает с мнением алжирца. «Надо избавить Алжир и Францию от фашистской и расистской чумы, которая угрожает миру,— писало недавно алжирское агентство печати.— Сотни алжирцев, убитых после прекращения огня, десятки сынов Франции, убитых оасовцами, умерли не зря. Их кровь укрепит и сцементирует франко-алжирское сотрудничество».

Народы Франции и Алжира объединились в своей борьбе. И кучке головорезов из ОАС не закрыть солнца свободы над Алжиром!

→ Для этого алжирца Эвиан не подвел черту под войной...

Фото из журнала «Пари-матч».

— 12 апреля 1961 года назвали утром космической эры,— сказал Герман Титов, выступая в Центральном Доме Советской Армии на вечере, посвященном празднику — Дню космонавтики.

С того исторического утра минул год, наполненный трудами и дерзаниями людей, прокладывающих пути во вселенной. Об этом говорили поздравлявшие юбиляра — первого советского космонавта Юрия Гагарина.

На этом вечере Юрий Гагарин, вспоминая о своем историческом полете, горячо благодарил всех тех, кто помог ему осуществить этот рейс. Он надеется, что роль летчика-космонавта в освоении вселенной будет все время возрастать.

В День космонавтики советские люди славят не только героев-космонавтов, но и всех, чей самоотверженный труд обеспечил возможность космических полетов, принес новый триумф стране социализма.

Ю. А. Гагарин, Н. П. Каманин. Фото Галины Санько.

Джунгли продолжают стрелять

В последние недели агрессия США в Южном Вьетнаме разрослась до масштабов грязной войны. Даже американская буржуазная печать пишет о широких военных действиях против южновьетнамского народа, ведущего борьбу с режимом кровавой марионетки Нго Динь Дьема. Самолеты с белыми звездами на фюзеляже бомбят мирные селения, американские офицеры руководят десантами карателей в «партизанских районах», специалисты Пентагона инструктируют, как выжигать посевы и допрашивать «подозрительных» крестьян.

Недавно американская военщина начала реализовывать в Южном Вьетнаме широкий, детально разработанный «план изоляции партизан от населения». Села южновьетнамцев сжигают, сравнивают с землей, а их жителей насильно переселяют в так называемые «стратегические деревни», нечто вроде охраняемых резерваций, откуда крестьянам трудно оказать помощь отрядам Вьет Конга.

Военные действия против патриотических сил Южного Вьетнама развязаны вопреки воле американского народа, без формальных санкций конгресса, в нарушение Женевских соглашений 1954 года. Проливая кровь вьетнамцев и американцев ради спасения прогнившего режима Нго Динь Дьема, правительство США покрывает себя позором в глазах всех народов. Оно ведет не только грязную, но и бесперспективную войну. Ни тупым насилием, ни изощренной тактикой «выжженной земли» нельзя остановить освободительное движение народов.

— Джунгли стреляют,— со страхом говорят американские солдаты и офицеры. Джунгли продолжают стрелять и после бомбежек, прочесываний, переселений в «стратегические деревни»...

Л. СТЕПАНОВ

Военные самолеты США над Южным Вьетнамом.

Фото из английского журнала «Сфир» и американского журнала «Ньюсуик».

Десант с американского вертолета.

Copyrighted material

Знакомьтесь, Йоко Кубо!

МУЗЫКА МИРА

И. ВЕРШИНИНА, Р. ЛИХАЧ

За эти пять недель улица Герцена стала центральной улицей Москвы. В 9 часов утра в Большой зал консерватории на конкурс спешат толпы москвичей.

В руках синие книжечки с биографиями участников. Раскройте любую, и вы увидите на полях страниц целую диссертацию. Тут и оценка, и комментарии, и особые отметки, и номера, и баллы. Слушатели не скупятся ни на высокие оценки, ни на аплодисменты в зале, ни на восторги в фойе. Надо сказать, что для этого есть все основания!

Когда играла 18-летняя Йоко Кубо, казалось, даже Мусоргский и Бетховен, Шуберт и Шопен повернули к сцене головы, чтобы разглядеть девочку, которая играет так восторженно, так радостно, так солнечно. Быстрый смычок в ее руке в этот яркий весенний день похож был на солнечный лучик. Радость была на лицах слушателей, радость на лицах членов жюри — радость и недоумение: откуда этой девчушке понятно все — и философское раздумье Баха, и жизнерадостное восприятие мира Моцарта, и лирическая задушевность Чайковского. Нет в ее биографии ни родителей-музыкантов, ни знаменитых колледжей, ни прославленных учителей, ни международного признания. Впервые выехала она из Японии, и вот...

А на сцене уже другая девушка, немного постарше. Ирине Бочковой 23 года, и это тоже ее первый Международный конкурс. Но как слушает ее зал, как слушает жюри, как слушают другие участники... Уж на что не отрываются они от своих инструментов ни днем, ни ночью, но на выступлении Бочковой правое крыло амфитеатра, отведенное конкурсантам, было забито до отказа.

И случилось же такое, что во время очень темпераментного исполнения «Чаконы» Баха лопнула струна. Болью отозвался этот звук во всем зале, а особенно в сердцах тех, кто сидел здесь, в амфитеатре. Настороженно ждал притихший зал, когда Ира меняла за кулисами струну, волновался, когда она вновь начала играть, а через мгновение все было забыто, зал опять находился во власти музыки... Даже жюри было поражено волей, самообладанием, подлинным артистизмом этой девушки. А ведь в жюри прославленные музыканты мира. Вот Давид Ойстрах и Леонид Коган... Конкурсанты рассказывали нам, как стремились они на их концерты, будь то в Токио или Париже, Нью-Йорке или Праге. А рядом знаменитые маэстро Ж. Сигети и Е. Цимбалист, Ма Си-цун и Дж. Джорджеску... Что ни имя, то школа, плеяды учеников...

А жюри виолончелистов...

Патриархи виолончели М. Марешаль, Г. Пятигорский, К. Вилкомирский,— скольким поколениям музыкантов давали они на конкурсах путевки в жизнь! Не они ли в 1950 году в Праге единодушно присудили 1-ю премию советскому молодому музыканту Мстиславу Ростроповичу... А сейчас он сидит среди них. И к его голосу они прислушиваются с тем же признанием, с каким теперь слушатели всего мира прислушиваются к голосу поющей в его руках виолончели.

— Ужасно трудно на конкурсе отдать кому-то предпочтение,— говорит нам американский маэстро Григорий Павлович Пятигорский. — Искусство — это не спорт: там положил на лопатки — победитель! В искусстве же всякий, кому есть что сказать, интересен, и здесь что ни музыкант, то яркая индивидуальность. И тем не менее уже сейчас можно сказать, что советские мальчики и девочки замечательны. Мы единодушно пропустили их всех на второй тур, единодушны были в дальнейшем признании...

— Мне приходится участвовать во многих международных конкурсах, — говорит Марешаль,— и всюду побеждают советские музыканты. Это понятно. Ведь воспитание музыкантов так поставлено в Советском Союзе, что соперничать с ними становится невозможно. Можно только мечтать, чтобы во всех странах поменьше денег тратили на вооружение и побольше на музыку.

Конкурс виолончелистов заканчивается.

Сегодня будут известны имена победителей. Собственно, победителями могут себя считать все 12 виолончелистов, которые вышли в III тур. Это — 6 советских музыкантов — В. Апарцев, М. Виллеруш, Н. Гутман, В. Фейгин, М. Хомицер и Н. Шаховская; 3 представителя США — Д. Дейвис, Л. Парнас и Т. Сакс; Л. Мезё из Венгрии, де Лемос — ФРГ и Э. Раутио — Финляндия.

По просьбе жюри премиями будут награждены не 6 человек, как предполагалось ранее, а 8, ибо состав участников очень сильный. Остальные участники III тура получат дипломы.

Коллекционный Страдивари! Сколько замечательных музыкантов играло на этой скрипке! Сейчас она в надежных руках Ирины Бочковой.

Они подружились в Москве. Юрген де Лемос приехал из ФРГ, Иозеф Шваб — из ГДР.

Copyrighted material

Родословная юности нашей

За круглым столом «Огонька» встретились комсомольцы разных поколений. Редакция журнала собрала их накануне очередного съезда ВЛКСМ. И вот они перед нами. Делегат III съезда РКСМ, ныне доцент МГУ Г. Г. Толмачев. Один из первых строителей Комсомольска-на-Амуре, а теперь ленинградский хозяйственник А. Е. Яременко. Секретарь ЦК ВЛКСМ в 30-е годы Т. Ф. Васильева, награжденная орденом Ленина за умелое руководство движением «Девушки, на трактор!». Смелый партизанский разведчик, ныне капитан 3-го ранга В. М. Волчков. И совсем еще юный бригадир токарей ленинградского Металлического завода Павлик Афанасьев, делающий детали для Братской, Воткинской и других гидроэлектростанций...

Разные люди, разные возрасты, разные характеры. Но что-то есть в их облике схожее. Горение души и неиссякаемый оптимизм роднят седовласых ветеранов юношеского движения и того парня, который водружает нынче алый флаг над новым мартеном. Вы его видите на обложке журнала. Репортаж о нем и его товарищах по комсомольской ударной стройке вы прочитаете в этом же номере...

Договорились, что каждый из участников встречи расскажет только об одном дне, об одном эпизоде своей комсомольской жизни. И хотя каждый говорил о себе или о своем друге, беседа невольно вылилась в большой разговор об Октябрьских традициях, о преемственности этих традиций в комсомоле, о коммунистической партии, воспитавшей поколения комсомольцев — своих боевых помощников.

Стенограмма беседы, которую мы публикуем, к сожалению, не может передать интонации, жеста, выражения лица. Иные детали, которые запомнились рассказчику и были характерны для своего времени, могут показаться несущественными. Какие-то важные подробности, напротив, стерлись из памяти. Но каждый из участников встречи почувствовал главное: жив в нашей молодежи дух Октября, жив и будет жить!

Не все, что было связано со встречей, с ее подготовкой и проведением, попало в нашу стенограмму. Антон Яременко нашел в эти дни старого друга — Ивана Алещенко. Вместе вступали в комсомол, вместе строили Днепрогэс. Тридцать лет не видались — с того дня, как Иван проводил Антона с Днепра на Амур. Полковник И. А. Алещенко охраняет сегодня мирное небо нашей Родины.

Павлик Афанасьев подружился с Вячеславом Карповым и увез нового друга на денек в Ленинград показать ему родной город.

Не все, кого мы звали на встречу, могли в этот день оторваться от своих дел. Одни прислали нам письма и телеграммы. К другим поехали корреспонденты «Огонька».

Читая наш отчет, многие обратят внимание на фразу, которая встречается почти в каждом выступлении: «Мне было тогда семнадцать...» «День семнадцатилетнего человека» — так можно было назвать отчет об этой встрече. Но дело не в названии, дело в том, что каждый день каждого из поколений комсомола был насыщен делами — будничными, но героическими, иной раз незаметными, но незабываемыми.

Об этом еще будут рассказывать и рассказывать очевидцы и творцы истории славного Ленинского комсомола. Их долг, долг историков собрать воедино выдающиеся факты нашей героической эпохи, которые составят цельную летопись Коммунистического Союза Молодежи. О том, что нашему юношеству нужна такая летопись, единодушно говорили все участники встречи.

КАК МЫ БЫЛИ У ЛЕНИНА

Е. М. ГЕРР,
член президиума I съезда РКСМ

1918 год. Накануне I съезда Союза рабоче-крестьянской молодежи состоялась Петроградская областная конференция. Она избрала делегатов на Всероссийский съезд. Попала в число их и я.

Надо сказать, что у нас тогда не было платных работников. Мы все были заняты на какой-то работе, а деятельность в Союзе молодежи была общественной. Я, например, работала начальником политотдела уездного партийного комитета. Когда прибыло извещение о начале съезда, мы — Оскар Рывкин, первый секретарь Союза молодежи, и я — выехали в Москву.

Мне было еще 17 лет, когда я поехала на съезд.

В первый день съезда, 29 октября, почетными председателями были выбраны В. И. Ленин и Карл Либкнехт. Мы мечтали встретиться с Лениным и сразу решили: когда встретимся, должны будем отчитаться перед ним.

И вот 4 ноября члены президиума съезда отправились к Ленину в Кремль.

По нынешней улице Кирова спустились вниз, на площадь Дзержинского. В торговых рядах стояли соблазнительные запахи. Сообща мы купили буханку хлеба, разделили на всех поровну. По дороге стали обсуждать, как мы будем говорить с Лениным. Один парень предложил, чтобы мы беседовали с Лениным стоя, а не сидя. Другой придумал еще смешнее: «Давайте говорить будем все хором».

В конце концов уполномочили говорить одного Ефима Цейтлина. Почему именно его? Во-первых, он пришел в кожаной куртке, это была, так сказать, революционная форма. Во-вторых, начистил сапоги, принарядился. И вообще был для этого дела подходящим парнем.

Когда пришли в Кремль, оказалось, что мы опоздали на четыре минуты.

Секретарь Ленина товарищ Фотиева встретила нас нелюбезно: «Вы опаздываете на целых четыре минуты!» Выслушали ее и решили уйти. У Ленина в это время был наркоминдел Чичерин. Пока мы нерешительно топтались в приемной, дверь кабинета неожиданно распахнулась. Владимир Ильич проводил Чичерина, весело глянул в нашу сторону и пригласил нас к себе. Мы гуськом прошли в кабинет. Ленин быстро огляделся — стульев не хватало. Тогда он вышел и стал таскать стулья. А мы, вместо того, чтобы сразу помочь ему, стояли ошеломленные. Близость Ленина, его простота так нас смутили, что мы совсем окаменели. В груди было много всяких чувств, но слов не находилось, чтобы все выразить.

Ленин рассадил нас. Ефим начал прерывающимся голосом говорить: «Дорогой, многоуважаемый Владимир Ильич...» Молчание. Потом опять повторяет: «Дорогой товарищ Ленин!» Мы были возмущены его растерянностью. В конце концов он увидел, что ничего не получается, и махнул рукой, сел. Тогда Ленин улыбнулся и стал задавать нам вопросы. Он понял наше состояние, и благодаря ему мы быстро позабыли свои страхи, начали разговаривать. Ленин расспросил, из каких районов мы приехали делегатами. Особенно его интересовала деревня, Сибирь, Закавказье. Владимиру Ильичу важно было знать все. Все ли делегаты успели прибыть на съезд? Удалось ли добраться в Москву товарищам с Украины, бывшей за линией фронта? Чем занимаются местные организации молодежи? Какие у нас отношения дома с родителями, со старшими? Как они относятся к нашей общественной деятельности?

Зашла речь о том, что наш Союз принял название «Коммунистический». Не забуду слов Ленина. Он сказал, что не в названиях главное, и добавил: хорошо, что вы называете себя коммунистами, показываете свою идейную направленность, но главное в том, как вы на деле будете оправдывать звание коммунистов. Владимир Ильич без прикрас показал, какая суровая борьба идет, какие бедствия терпит наша страна: враги — это не только русская и международная буржуазия. Вошь, тиф и грязь — все это тоже враги. Сейчас жестокий враг — голод. Всех этих врагов надо побороть. Если вы, молодые люди, называющие себя коммунистами, приложите все свои силы, чтобы побороть их, мы построим социалистическое общество. Нет в этом никакого сомнения. И ваше будущее — социалистическое общество. Вы должны быть первыми строителями этого общества. Но складывается все это из маленького: надо построить поселки, надо починить бани, нужно ликвидировать неграмотность, помогать семьям красноармейцев.

Помню один смешной эпизод, вместе с тем характеризующий внимательность и чуткость Владимира Ильича. Меня усадили в кресло. Я не доела кусочек хлеба, свою долю той буханки, зажала его в кулаке и так прошла в кабинет. А когда сидела в кресле, обнаружила этот кусочек и старалась спрятать руку. Ленин, видимо, это заметил. Он на минуту вышел, потом осмотрел нас внимательно. Вид, конечно, у нас был не блестящий. Ленин мягко улыбнулся и неожиданно спросил:

— А есть хотите, ребята?

Мы наотрез отказались.

Ленин опять улыбнулся.

— Как хотите! А между прочим, в кремлевской столовой сегодня щи. И каша, если не ошибаюсь, с маслом.

Мы переглянулись, а Ильич уже протягивал нам записку в столовую.

Говоря о будущем, о том, что победить мы обязаны, рисуя нам картину этого прекрасного будущего, Ленин вместе с тем направлял наше внимание на конкретные дела. Он говорил, что к этому будущему ведет сегодняшний день.

Ленин знал, конечно, о телеграмме германской революционной молодежи, которая вместе с Либкнехтом приветствовала наш съезд. Ильич поинтересовался, как встретил съезд эту телеграмму. Спросил, знакомы ли мы с международным юношеским движением. Достал с полки журналы на немецком языке «Интернационал молодежи», узнал, владеет ли кто из нас языком, и дал нам несколько экземпляров, чтобы мы ознакомили других товарищей. Там, кстати, были и статьи Ленина.

Copyrighted material

ПАКЕТ ДЛЯ БЛЮХЕРА

Г. В. МАЛАНДИН,
член ВЛКСМ с 1918 года,
кавалер ордена Красного Знамени

На колчаковский фронт я попал семнадцати лет. Записался добровольцем. Отбор тогда был тщательный и строгий. Помнится, один боец, находясь на посту, съел целую селедку. Предназначена она была для нескольких товарищей. А он один съел. Наказали его сурово. Нарушил правила товарищества — не годишься в бойцы революционной армии. Решили не брать его добровольцем на фронт. Он плакал, просил прощения. Но так его и не взяли.

В девятнадцатом году обстановка на Восточном фронте сложилась напряженная.

Шла осень. Суровая сибирская осень. Все дороги были разбиты. Отступали пешком. Ни о каких повозках не могло быть и речи. Уставали так, что падали спать прямо на землю. Однажды ночью нас — меня и еще одного красноармейца из роты связи, Великжанина,— подняли. Пришла телеграмма из штаба дивизии: любой ценой пробраться к Блюхеру. Связи с ним не было. Его части были окружены.

Дело предстояло нам серьезное. Надо было идти к Блюхеру непроходимыми болотами, кулацкими хуторами, которые были настроены против Красной Армии. Вызвали нас в штаб бригады. Командир подготовил все документы, разработал для нас маршрут. Комиссар Степанов произнес целую речь перед нами двоими.

— Смерти не боитесь?

— Не боимся, товарищ комиссар. Готовы умереть во имя революции.

— Вот это и плохо. Нужно остаться живыми во что бы то ни стало. Жить, чтобы доставить пакеты и спасти жизнь сотен товарищей. Только жить!

Нам вручили пакеты. Дали крестьянскую одежду, шапки, ручные гранаты. Пакеты я зашил в брюки. Простились с ребятами и пошли. Дело было вечером. Когда шли по болоту, то нельзя было отклониться ни в одну, ни в другую сторону. Около Тобольска ночью уперлись в ограду. Увидели, что костры горят. Мы пошли прямо на костры. Шли по дороге среди белых, не стесняясь. Так и дули через все село. Если бы нас спросили, кто мы, сказали бы, что подводчики. У нас были на этот случай с собой вожжи, узда и веревки. По тракту мы дошли до деревни, где жил один надежный человек — проводник. Через болотистый лес идти одним было нельзя. Крестьянина этого не оказалось дома, была одна старуха. Она сказала, что есть другой проводник, однако он против Красной Армии, едва ли пойдет. «Но он очень жадный, может, вы его чем-нибудь купите».

Я пробрался к этому мужику. Это был здоровый дядя. Кисть одной руки была отрублена. Я сказал, что мы два подводчика, бежали от Красной Армии. Попросил у него хлеба, кусок сала. Сказал, чтобы взамен он взял наших лошадей, которые стоят на опушке. Пришли на опушку. Дальше по болотам пешком идти нельзя, но там есть искусственные каналы, можно по ним двигаться на лодке. Он спрашивает, где лошади. А мы ему: «Давай вези!» Он на нас заорал: не повезу! Тогда мы наставили на него оружие. Увидев, что мы ребята решительные, он согласился.

На вторые сутки вышли к конечному пункту нашего путешествия — усталые, похожие на леших. Простились с проводником, зашли в село. Увидели красноармейца, и сразу спросили, где штаб. Когда в штабе узнали, откуда мы пришли, нас провели в штаб первой бригады. Мы сдали пакеты, попросили, чтобы нам дали расписки. И тут же свалились. Проспали 26 часов. Когда проснулись утром, то увидели на столе записку, хлеб, сахар. За ночь наши части сделали демарш и спутали белым все карты.

Сутки, которые мы провели с Великжаниным в болотах, запомнились на всю жизнь. Позже приказом РВС республики каждого из нас за этот переход наградили орденом Красного Знамени.

Участники встречи комсомольцев разных поколений в редакции журнала «Огонек» (слева направо): в первом ряду — Е. М. Герр, Г. В. Маландин, А. И. Мильчаков, Р. Я. Юровская, Г. Г. Толмачев, Е. В. Ефремова, Т. Ф. Васильева; во втором ряду — М. И. Дубров, А. Е. Яременко, В. М. Волчков, С. А. Киеня, П. Б. Афанасьев, М. К. Горбачев, Е. Г. Кожевникова, В. В. Карпов, А. Я. Очкин.

Фото Ю. Кривоносова.

Случай на шахте № 23

С. А. КИЕНЯ,
инженер Метростроя, делегат X съезда ВЛКСМ

На Метрострой я рвалась, когда строительство еще не начиналось. Я училась тогда в техникуме. Потом по призыву партии в числе первых комсомольцев пришла на шахту.

Была бригадиром. Ребята подобрались замечательные. Работали мы на перегоне между «Комсомольской» и «Красными воротами». Подготовили площадку. Началась проходка ствола шахты № 23-бис. Геологические условия были тяжелые. Уже на небольшой глубине нас поджидал плывун.

Плывун — это весьма неприятная штука. Такой очень мелкий песок, почти ил, пропитанный водой. Решили применить против него кессон. Это камера, куда нагнетается воздух, чтобы отжать воду и чтобы песок был не влажный, а сухой. Только тогда можно более или менее нормально работать.

И тут мне пришлось здорово повоевать. Не с плывуном. Нет. Сперва с начальством.

Вдруг мне говорят: женщинам в кессоне работать запрещено. Всем можно, а мне, видите ли, нет. Расстроилась я страшно, и ребята ходили хмурые. Пришлось вначале руководить по телефону. Но какое это руководство — на расстоянии! В перерывах между телефонными разговорами ругалась с начальством. Требовала, чтобы пустили в кессон. Начальство ни в какую: мол, в истории такого случая не было. И все-таки я добилась. Получила разрешение.

Один день особенно врезался в память. Вернее, не день, а ночь. Почему-то все происшествия на Метрострое случались ночью. Произошла одна неприятность и на шахте № 23-бис.

Чтобы кессон работал непрерывно и без недоразумений, компрессор должен поддерживать определенное давление. В ту ночь что-то приключилось на МОГЭСе. Напряжение резко упало. Прошло всего несколько минут — и забои затрещали по всем швам. Щитов у нас не было, проходка велась горным способом: все в дереве. Срочно стали делать дополнительные крепления. Но поздно. Стала поступать к нам вода. И тут — обвал!.. Засыпало четырех наших парней. Из песка торчали только головы. Но все остались живы. Мы приняли все меры... (О подробностях Софья Александровна Киеня умолчала. Это она бросилась первой на помощь, оградив товарищей досками от осыпающейся породы.— Прим. ред.)

Ребята в тот раз дрались с песком и водой самоотверженно. Спасали людей. Снова и снова укрепляли забой...

КАНАЛ ВО ЛЬДУ

А. Е. ЯРЕМЕНКО,
участник первой конференции ВЛКСМ Комсомольска-на-Амуре,
заместитель директора Балтийского судостроительного завода

Закалку я получил еще на Днепрострое. Там приобрел опыт, специальность, навыки комсомольской работы. На Дальний Восток поехал, как говорится, не с пустыми руками, хотя мне шел всего восемнадцатый год.

История строительства Комсомольска-на-Амуре известна. Может быть, и не так тяжело было в 1932-м, как в восемнадцатом. Но и на Амуре досталось молодежи крепко.

Вот один эпизод.

В первый период жизни на Дальнем Востоке нам пришлось вести упорную схватку с тайгой. Готовили площадку для будущих предприятий и города. Корчевали лес, который нужен был и для строительства. Зима с 1933 на 1934 год была на стройке особенно трудной потому, что леса не хватало. То, что было заготовлено, уже пустили в дело. А нужно было уже возводить корпуса завода. В лютую сорокаградусную стужу нам пришлось выехать на заготовки леса на правый берег Амура... За короткий срок шестьсот комсомольцев заготовили несколько десятков тысяч кубометров.

Но как доставить древесину? Лесозавод вот-вот остановится — сырье на исходе. Амур в районе Комсомольска широкий. Река, конечно, стала. Решили рубить лед, чтобы сплавить лес по воде. Но толщина льда — полтора-два метра. Дело долгое. Выход был найден такой. Во льду выдолбили канал, который заполнили водой из прорубей. Встали мы вдоль канала цепочкой и баграми стали толкать бревна. Дело пошло быстро: мороз дремать не давал. Обмундирование у нас было не особенно блестящее. Кое-кто из парней щеголял в дамских чулках. Прислали нам их в подарок несколько десятков пар. А девчат тогда на стройке почти не было. Но не пропадать же добру!

Так вот. Пошел лес по каналу. Вода замерзать в нем не успевала, потому что работали мы споро, не останавливаясь ни на минуту. Я был на канале комсоргом, носился то туда, то сюда. В одном месте поскользнулся. Бухнулся в воду. Пока выбрался — обледенел. Мороз, ветер. Товарищи говорят: «Чеши, Антон, домой, а то промерзнешь, захвораешь». Побежал через весь Амур в барак отогреваться. Побежал вперегонки с бревнами вдоль канала. В этот день лесозавод получил сырье и заработал в полную силу.

Ну, а я добрался домой. Товарищи сняли с меня ледяной «скафандр». Выпил горилки — и на койку. А утром снова побежал на работу. И хоть бы кашлянул разок после этого купания!

ЗЕРКАЛЬЦЕ

А. Я. ОЧКИН,
кинорежиссер, участник битвы за Волгу, член ВЛКСМ с 1941 года

В музее обороны Волгограда хранится комсомольский билет, пробитый осколком снаряда. На страницах, где отмечают уплату членских взносов, написано: «Отдам жизнь за родину, но ни на шаг не отступлю... Сталинград. 3-д «Баррикады».

Владелец этого билета чудом остался жив. Он рассказывает, как это произошло.

Так писал на комсомольском билете не только я. Многие. На войне люди раскрывались, как нигде.

Был у нас капитан Богданович. Думали о нем — служака, сухарь. А по-настоящему узнали только в бою, в центральной излучине Дона, когда шли на нас бронированные колонны фашистов. Необыкновенной душевной доброты был человек. Погиб капитан во время бомбежки — уступил место в щели другому, зацепило его осколком — и все.

А Ваня Федоров! Он был комсомольцем всего один день. Я его увидел на станции, когда мы ехали на фронт. Он примостился меж-

Copyrighted material

ду вагонами, маленький, неуклюжий, в чьей-то длинной шинели. Согнал его раз. На следующей станции, смотрю, снова едет. Я ему:

— Катись-ка ты отсюда, пацан! — И стаскиваю его с поезда.

А он:

— Сам ты пацан! — И в драку.

Поезд тронулся, обоих нас втащили в вагон. Я был немного старше его. Семнадцать мне тогда было.

Пришлось взять парня с собой. Расспросили, кто он и откуда. Оказалось, отец и мать погибли. Хочет мстить.

Ваня Федоров погиб в районе Тракторного. У него кончились патроны. Раненный, он отбивался кирпичами. Накануне мы приняли его в комсомол...

А история моего комсомольского билета такая.

Еще за Доном мне поручили узнать судьбу пропавшего полка. Он остался за рекой, и неизвестно было, где он и что... С разведчиками мы отправились на задание.

Полк погиб. Фашистов было гораздо больше. Силы неравные. Рассвет застал нас вблизи вражеской траншеи. Мы залегли, притихли. Помню, как фашист ел арбуз, бросался корками и одной попал в меня.

Из разведки мы тогда принесли несколько окровавленных партийных и комсомольских билетов, оружие. По дороге в одном из наших подбитых танков я достал зеркальце, сделанное из уральской стали.

С боями мы отходили к Волге. Много погибло товарищей. Тяжелые были дни. Мы вели бои в районе Мамаева кургана, «Красного Октября», «Баррикад», в районе Тракторного. В те дни решалась судьба нашей Родины на главном направлении войны.

14 октября — самый тяжелый день. Было примерно такое ощущение, будто тебя посадили в царь-колокол и бьют по нему тысячами молотов. Небо было черное — столько самолетов в воздухе.

Но мы устояли и в тот день и в следующие. Мы знали, что отступать некуда.

Я командовал батареей «сорокапяток». Эти противотанковые пушки действовали в боевых порядках пехоты. Но в день, о котором пойдет речь, и этих-то пушек у нас уже не было.

Мы держались на волжском откосе, пятьдесят семь человек — остатки дивизии. Два противотанковых ружья, два десятка автоматов и столько же винтовок — вот все вооружение. Несколько танков мы подбили.

Боеприпасы были уже на исходе. А на нас снова пошли танки. Гранаты кончились. Осталось одно противотанковое ружье и несколько патронов к нему.

На меня медленно полз танк. И тут патрон заклинило! Что делать? Я выскочил на кручу — спускаться было нельзя, берег отвесно уходил вниз — и начал выбивать каблуком затвор. Фашист в танке, видимо, понял, что бояться ему нечего. Когда я наконец справился с затвором и снова взялся за патрон, то увидел, как башня танка разворачивается пушкой на меня. Видно, фашист не хотел стрелять из пулемета, а решил эффектно прихлопнуть.

И он опередил меня. Снаряд разорвался рядом. Меня изрешетило осколками. Один из них пробил комсомольский билет, но дальше не пошел: под билетом лежало то самое зеркальце из уральской стали, которое я нашел в разведке. Оно и спасло мне жизнь.

Тысячи хороших советских парней, комсомольцев отдали жизнь за победу. Разве можно их забыть?! Есть памятники в бронзе, есть памятники в мраморе, а есть еще память сердца — она крепче и бронзы и мрамора. Много моих ровесников осталось у Волги, под Курском, Берлином. Это настоящие герои! Они помогают нам летать в космос и строить будущее.

Просто суббота

В. КАРПОВ,

наладчик Минского завода запасных частей, ударник коммунистического труда

Здесь выступали старые коммунисты и комсомольцы — участники октябрьских событий и гражданской войны, строители Комсомольска и метро, первые ударники и защитники Отечества в войне с фашизмом. Мне трудно выступать после вас. Когда вы завоевывали Советскую власть, меня еще не было. А когда сражались с гитлеровцами, я еще под стол пешком ходил.

Какой же день своей небольшой жизни выбрать? Может, рассказать о том дне, когда меня избрали депутатом Минского областного Совета? Или о том утре, когда я на два часа опоздал на работу и меня не ругали, а качали до потолка, потому что в тот день я стал отцом?

Но, пожалуй, лучше расскажу о последнем дне перед отъездом в Москву на эту вот встречу. Была суббота. Обыкновенный день. Впрочем, не совсем обыкновенный — он короткий, шестичасовой. Такими у меня будут все дни недели 1965 года.

Как шел этот день, так я и буду рассказывать. В том же порядке.

Утро должно было начаться со звонка. Но звонка не было. Накануне сын основательно занялся будильником, и тот перестал звонить. Сын у меня уже большой, ему два года — весьма самостоятельный мужчина. В субботу он прихворнул. В ясли мы его не повели, оставили дома.

С утра у нас в комнате стояла суматоха. Жена должна была пойти на преддипломную рабочую комиссию. И ей казалось, как всегда в таких случаях, что она «горит».

На работе у нас сейчас главное — туман. Нет, я не синоптик, но мы все же делаем туман. Вся наша бригада занимается туманом.

Суть дела коротко вот в чем. Охлаждение на станках производилось специальным составом. От этого в цехе все время стоял сизый дым. Сейчас ученые разработали охлаждение при помощи распыленной жидкости. Короче говоря — туман. Выгода огромная: чистый воздух, чистое рабочее место, здоровая обстановка.

Наша группа «туманщиков» небольшая: три инженера, два слесаря и я, наладчик. Но не считайте, что инженеры думают, а наладчик и два слесаря только исполняют их идеи. Нет, мы думаем, спорим вместе. Иначе и быть не может. Например, Володя — наш слесарь — занимается в университете, я — в институте.

В ту субботу мы как раз закончили работу над первой опытной установкой тумана. И хотя говорили себе, что самое трудное позади, отлично знали, что это не так. Раньше мы искали, теперь будем внедрять. А нужно внедрить тридцать установок до конца месяца!

Часы бегут незаметно. Во время обеденного перерыва позвонил в горком комсомола. Накануне я был на заседании комитета комсомола одной из больниц. Там разбирали персональное дело одного парня. Ему тяжело, нужно помочь.

Так шел этот день, эта рядовая суббота.

Пока я был на работе, к сыну приходили медсестра и врач. Ничего страшного — немного простудился.

Вечером жена рассказала, как прошла преддипломная рабочая комиссия: все в порядке!

Я рассказал про обычную субботу. Она не пришла сама по себе. Этому дню предшествовало очень многое: борьба поколений наших дедов и отцов, великий труд и тысячи жизней, отданных во имя будущего.

ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

П. АФАНАСЬЕВ,

бригадир токарей ленинградского Металлического завода имени XXII съезда КПСС, член ВЛКСМ с 1960 года

Я родился через несколько дней после Победы, в мае 1945 года.

Сейчас мне шестнадцать лет. Работаю в гидротурбинном цехе бригадиром. Никаких особых событий в нашей бригаде не было, потому что она существует всего несколько месяцев, а точнее — с конца декабря прошлого года. Все только начинается. Все впереди.

Тогда, в декабре, к нам на участок пришел комсорг Виктор Горбунов. Рассказал нам о предстоящем съезде комсомола. Предложил: «Почему бы вам, ребята, не организоваться в молодежную бригаду?» Идея пришлась всем по душе. Только, честно говоря, мы здорово сомневались, что нам вообще разрешат организовать такую бригаду. Во-первых, молоды — восьмерым из нас нет и восемнадцати. Во-вторых, только двое из восьми выполняли производственные нормы. Сомнения наши оказались напрасными. Состоялось комсомольское собрание, на котором предложение Горбунова было принято единогласно. И бригада Горбунова взяла над нами шефство. Комсомольское бюро посоветовало принять в нашу молодежную бригаду председателя совета новаторов завода Бирюкова. Он нам очень много помогает.

С первых же дней мы боремся за звание коллектива коммунистического труда. Работать стало интереснее и труднее. Нельзя же подвести наших товарищей! Они ведь за нас тоже отвечают! В январе у нас уже только четверо не выполнило норм, а в феврале — двое.

Конечно, если бы не было у нас таких шефов, если бы не пришел в нашу бригаду Бирюков, то ничего бы у нас не получилось. Но есть в нашей стране хороший закон: старший помогает молодому, готовит смену, передает ей свои достижения и опыт. Жизнь никогда не останавливается. Когда-нибудь мы станем работать лучше, чем и Бирюков и Горбунов. Потому что к их опыту мы прибавим еще и свой. А потом научим других тому, что будем знать сами.

Снова в дорогу!

Это будет очень скоро. В Сибири, в совхозе «Ражевский», в Тюменской области.

Потеплее пригреет солнце, закипит работа. Вместе с коренными сибиряками придут на поле коренные москвичи, приехавшие в совхоз по призыву мартовского Пленума ЦК КПСС.

...На Ярославском вокзале в Москве — радостные юноши и девушки с чемоданами и рюкзаками и грустные люди постарше — матери и отцы.

Маленький импровизированный митинг. Короткие взволнованные речи. И в каждой — слова: «В дорогу!» На трибуне — ею служит тележка, застеленная ковром,— Людмила Дмитриева. В день отъезда она вышла замуж. Муж тут же, рядом — Владимир Матыгин. Едут вместе.

Наташу Воронкову, девятиклассницу 282-й московской школы, провожает весь класс.

— А как же школа?

— Буду продолжать учиться там. Но главное — работать! Очень хочется работать там, где трудно.

Монтажницу Таисию Сазонову и обмотчицу Лидию Шаркову окружили друзья по цеху. Спрашиваем, почему решили уехать. Отвечают песней «Я люблю тебя, жизнь!».

В этот день песни отвечали на многие вопросы.

...«уходили комсомольцы на гражданскую войну...»,

...«меня мое сердце в тревожную даль зовет...»,

«Комсомольцы — беспокойные сердца».

Поезд медленно трогается. Он везет молодых москвичей навстречу новому дню.

Copyrighted material

В 22 ГОРОДАХ

23 часа 30 минут... Очередной номер «Правды» подписан к печати. А уже через час из типографских ворот выезжают первые машины, нагруженные связками свежих номеров газеты.

По всем шоссе, лучами расходящимся от Москвы, мчатся грузовики с короткой надписью «Связь» и белыми полосами по бортам. Крытые фургоны устремляются в аэропорты, где 35 рейсовых самолетов готовы принять на борт газету.

В Москве печатается лишь одна треть тиража «Правды». В Киеве и Алма-Ате, в Красноярске и Тбилиси — в 22 крупных городах страны «Правда» печатается на месте, с матриц, которые ежедневно доставляются туда на самолетах.

Бьют часы на Спасской башне Кремля. 6 часов утра. Открываются газетные киоски, через которые только в одной Москве продается более 250 тысяч экземпляров «Правды». Люди один за другим подходят к киоскам и берут в руки свежую, еще пахнущую типографской краской газету:

— Что сегодня в «Правде»?

Л. КАФАНОВА

На снимке: почтальон А. Г. Григорьева в 6 часов утра разносит «Правду» подписчикам Дзержинского района Москвы.

Фото Я. Рюмкина.

КРОСС БОЛЬШИХ НАДЕЖД

В спортивном календаре с нынешней весны появился «новосел» — кросс «Правды». Эти всесоюзные массовые соревнования проводятся в честь 50-летия центрального органа КПСС.

Необычайно широк «статут» новых увлекательных легкоатлетических соревнований. В кроссе «Правды» может принять участие каждый желающий, и во многих городах нашей страны — Фрунзе, Баку, Ереване — уже даны старты первого этапа. Повели борьбу бегуны заводов, институтов, учреждений, колхозов. Затем будет разыграно первенство городов и районных центров, а 6 мая в Москве состоится финал кросса.

На старт забегов сильнейших (8 километров для мужчин и 2 километра для женщин) наряду с нашими бегунами выйдут и спортсмены многих зарубежных стран. Так, например, уже сейчас известно, что выразил желание выступить один из сильнейших стайеров мира — спортсмен из ГДР Ханс Гродотцки.

Нет сомнений, что кросс «Правды» привлечет к спорту новые массы советской молодежи.

В. КОРОБЕЙНИКОВ

БОЕВОЙ ДУХ ПОБЕЖДАЕТ

Передо мной десять огромных, пухлых томов в жестких картонных переплетах. Несколько десятилетий хранятся они в шкафах Центрального Государственного исторического архива в Ленинграде. На обложках надписи: «Главное Управление по делам печати... Об издании в С.-Петербурге газеты «Правда».

Около двух с половиной тысяч листов, и каждый повествует о преследовании легальной газеты «Правда» в 1912—1914 годах. Донесения С.-Петербургского комитета по делам печати в Министерство внутренних дел, распоряжения градоначальника, постановления прокурора городской судебной управы...

Чиновники царской цензуры весьма пристально читали «Правду» и чуть не на каждый номер сочиняли доносы.

На первых же страницах дела, начатого 22 апреля 1912 года, сказано: «Редактора привлечь к уголовной ответственности, на газету наложить арест». За что? «Стихотворение Влад. Невского «Завод», напечатанное в «Правде» № 1,— заявляет цензор,— призывает рабочих ковать мечи для борьбы с существующим государственным строем».

Переворачиваем еще страницу: новое донесение, датированное 24 апреля, «о преступном деянии» редактора ежедневной рабочей газеты «Правда», опубликовавшего несколько «крамольных» материалов. «В статье «Итоги ленской трагедии»,— говорит цензура,— рабочим внушается, что перед ними выдвинут с особой настойчивостью вопрос о самоорганизации для защиты своих интересов... Эта мысль о необходимости для рабочих вести политическую борьбу за свободу выражена также в стихотворениях, начинающихся со слов: «Сильная грудь и могучие руки», «Наш путь нам завещан борцами». Но наиболее ярко, и притом в революционной окраске, выражена эта идея в стихотворении в прозе «Цветок»,— утверждает цензура.— «В нем революционное возбуждение переходит уже в прямой призыв к борьбе!»

Царская цензура требовала расправы с «Правдой» за то, что она писала об эксплуатации рабочих капиталистами, о непрерывной стачечной борьбе рабочего класса, о бедственном положении крестьян.

«Корреспонденция «Из деревни Петербургской губернии», помещенная в № 32 за 6 июня 1912 года,— говорится в донесении № 1524,— в резкой и грубой форме противопоставляет голодающих и безземельных крестьян сытым, богатым господам и ставит своей задачей нарушить спокойствие деревни и возбудить вражду между сословиями».

В «Правде» часто печатались статьи и заметки Владимира Ильича Ленина. Только в 1912—1914 годах их было помещено в газете свыше 280! Цензорская служба редко когда обходила их своим «вниманием» и всегда с особым усердием, подчас даже не зная, что автор их Ленин, требовала принятия строгих мер к газете и автору. Доносы, которые касаются публикации ленинских материалов, самые пространные.

Беден лексикон правительственных и административных органов, преследовавших «Правду». В делах повторяются одни и те же слова: «Наложить арест!», «Конфисковать!», «Оштрафовать!», «Возбудить преследование!», «Посадить!». Кого? Редактора М. Д. Шумилова «за статью «Предвыборные собрания», каковые по закону для рабочих не могут быть разрешены», редактора И. Е. Неклюдова за статью, в которой говорится, «что только рабочий класс способен бороться за права народа и отстаивать их», редактора Ф. П. Сабурова за передовую статью против черносотенцев...

Сколько редакторов оштрафовано, посажено? Много! Только в трех свидетельствах, выдаваемых на издания «Правды», названы имена 13 редакторов.

Но «Правда» регулярно выходила, и даже запрещенные цензурой номера попадали к читателям. Правдисты научились конспиративно обходить сложные цензурные рогатки.

В цензуру «Правду» носил медлительный, тихонький старичок. Пока он шел от Ивановской до Театральной, где находилась цензура, в типографии успевали отпечатать тысячи экземпляров. Постоянно держалась связь с конторой, где цензуровали газету, и как только узнавали, что ее конфискуют, начинали все пускать в ход, лишь бы побольше вынести газет из типографии и отдать разносчикам, дежурившим за углом.

Прилетит полиция, наряд городовых оцепит здание, околоточный мчится прямо к машине, а там ничего уже нет. Идет в экспедицию:

— Где газета?

— А вот, пожалуйста, читайте,— дают ему оставшийся экземпляр. Околоточный рычит, хватает «Правду» и прикладывает ее в качестве оправдательного документа к протоколу. Вот и получается: один номер взяли, а тысячи «конфискованных» номеров разошлись по рукам.

Цензура день и ночь строчила доносы на «Правду»: «Принимая во внимание крайнюю опасность, проистекающую от совершенно открытой революционной пропаганды, на путь которой вступила газета «Правда»,— цензура ставит вопрос о закрытии газеты».

Но перестала выходить «Правда» — появилась аналогичная по своему боевому духу «Рабочая правда». Недолго она просуществовала, менее месяца. Но вместо запрещенной «Рабочей правды» появилась «Северная правда».

Более половины номеров «Правды», вышедших в 1912—1914 годах, подверглось репрессиям, конфискации и штрафам. Но как бы цензура ни неистовствовала, она не в силах была сломить боевой дух правдистов. И идеи коммунистов проникали в народ!

К. ЧЕРЕВКОВ

Вениамин Каверин.

УТВЕРЖДЕНИЕ МУЖЕСТВА

Недавно «Новый мир» опубликовал повесть Вениамина Каверина «Семь пар нечистых». Она небольшая, всего тридцать пять журнальных страниц. Но и в ней явственно отразились черты таланта писателя, высокая культура языка, любовь к острому сюжету. Собственно говоря, сюжеты всех каверинских книг неожиданны. Еще в 1920 году «странная фантазия» начинающего автора привлекла к себе внимание на литературном конкурсе, объявленном Домом литераторов в Петрограде, когда поступил рассказ восемнадцатилетнего студента Каверина под названием «Одиннадцатая аксиома».

В 1937 году в санатории под Ленинградом писатель услышал спор двух людей о романе Николая Островского «Как закалялась сталь». Молодой ученый, который защищал роман, понравился писателю. «Это был человек, в котором горячность соединялась с прямодушием, а упорство — с удивительной определенностью цели. Он умел добиться успеха в любом деле... Ясный ум и способность к глубокому чувству были видны в каждом его суждении».

Шесть вечеров подряд молодой ученый рассказывал писателю о своей жизни, полной удивительных приключений и такой похожей на жизнь многих советских людей его поколения. Так началась работа Каверина над романом «Два капитана» — одной из любимых книг нашего юношества. Роман выдержал более тридцати изданий. Жизнь Сани Григорьева, главного героя «Двух капитанов», стала примером для многих. И не случайно один юноша-индонезиец писал о «Двух капитанах», что они вложили в его руки острое оружие, и это оружие называется: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Романтика творческого труда, научных открытий, романтика мужества и подвига движет мыслями и чувствами лучших каверинских героев — от Сани Григорьева из «Двух капитанов» до Тани Власенковой из «Открытой книги» и Николая Веревкина из последней повести.

Шестидесятилетний юбилей Вениамин Каверин встречает вместе с нестареющими своими героями, которые давно уже идут по жизни, помогая строительству коммунистической морали.

В. АННЕНКОВ

Copyrighted material

Г. Томенко (Харьков). МОЛОДЕЖНАЯ ВЕСНА.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

А. Черкасский (Алма-Ата). ЦЕЛИНА.

Copyrighted material

Е. Рубин (Ленинград). ПУЛКОВО.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Copyrighted material

Электронный мозг блюминга

Его называют сверхмощным, блюминг «1300», он воплощается сейчас в металле на Уралмашзаводе. И действительно, за год этот стан даст шесть миллионов тонн слитков — почти вдвое больше, чем крупные современные блюминги.

Но особенность нового блюминга не только в его мощности. Это первый в стране блюминг-автомат.

Представьте себе огромный корпус, вытянувшийся более чем на полкилометра, в нем сотни сложнейших машин и механизмов — это и есть новый стан. Окутанные красным заревом, плывут по рольгангам многотонные раскаленные слитки. Вот исчезают они в рабочей клети, и валки с огромной силой обжимают металл, придавая ему нужную форму.

А кто же управляет всем этим процессом? Где операторы, которые, священнодействуя у рычагов, ведут по определенному руслу огненные ручьи стали?..

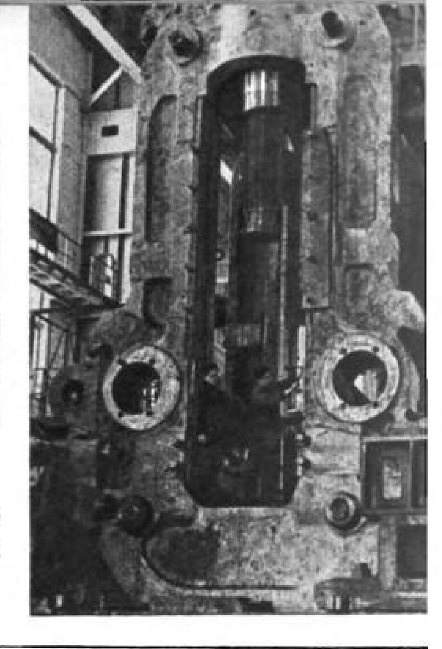
Операторов на новом блюминге вы не увидите. Те пятьдесят тысяч переключений, что в течение смены приходилось делать каждому оператору, совершат по точно заданной программе электронные машины.

В то время как в цехах завода делаются детали обжимного стана, во Всесоюзном научно-исследовательском институте электромеханики создается «электронный мозг» счетно-управляющей машины. Он будет состоять из многих сотен тысяч клеток — полупроводниковых элементов. Научные работники разрабатывают и специальную программу для этой машины. На язык цифровых систем переводят бесчисленные операции управления прокатом. Ведь электронные машины заменят не только операторов, но и около двухсот рабочих при стане.

Четыре таких сверхмощных блюминга будут изготовлены на «Уралмаше» до конца семилетки. Сверхмощных! Долго ли удержится за новыми машинами такой эпитет? Уже сейчас конструкторы завода увлечены идеей создать новый универсальный прокатный стан почти сказочной производительности — двенадцать миллионов тонн проката в год. Сейчас ведется подготовка к его проектированию.

Не имеющие себе равных станы-автоматы предназначаются для новых металлургических баз страны, о создании которых говорил Н. С. Хрущев в своем докладе на XXII съезде КПСС.

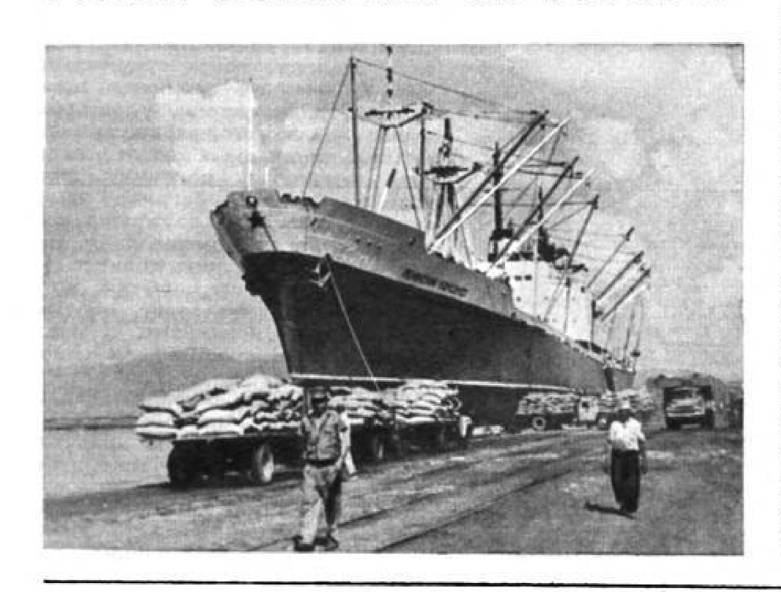
А. ГРИГОРЬЕВ



→ Одна из деталей блюминга «1300». Идет сборка рабочей клети стана-автомата.

Фото А. Андреева.

ФЛАГИ ОСТАЮТСЯ ЗА КОРМОЙ



В январе этого года советский турбоход «Ленинский комсомол», подходя к Суэцу, обогнал английское пассажирское судно «Читрэл». Корабли расходились так близко, что в бинокль можно было разглядеть удивленные лица пассажиров на «Читрэле». Капитан английского судна не хотел уступать: он приказал увеличить скорость. Но и это не принесло успеха: британский флаг все же остался за кормой советского турбохода.

«Ленинский комсомол» — судно молодое. Всего два года прошло с тех пор, когда оно швартовалось в новом порту Ильичевске. Но за столь короткое время лайнер добавил славы и советским морякам и отечественному кораблестроению. Не так давно капитаны иностранных судов были удивлены тем, что «Ленинский комсомол» обогнал целый караван судов при выходе из Суэцкого канала. Однако тогда сочли это случайностью. Но вот второй, третий, четвертый рейс — и снова на морских перекрестках советский корабль встречается с иностранными. И снова суда под флагами самых разных стран остаются позади.

«Ленинский комсомол» — гость многих иностранных портов. И везде турбоход вызывает большой интерес. Когда он стоял под погрузкой в кубинском порту Касильда, люди шли к причалу непрерывным потоком. Лайнер словно продолжил советскую промышленную выставку в Гаване. Все члены экипажа были в те дни экскурсоводами. Кубинцы восхищались грациозными линиями судна, четкой работой его механизмов и приборов.

Иностранцы иногда не верят, что «Ленинский комсомол» построен в Советском Союзе. В японском порту Нокогама, например, служащему компании Ямашита-Лайн пришлось даже показать заводское клеймо — марку Херсонского судостроительного.

Турбоход молод, и экипаж у него молодежный, в основном комсомольцы. Трудятся хорошо. За все время плавания не было ни одного простоя из-за неисправности механизмов. Здесь есть свои рационализаторы, здесь все учатся. Двадцать три человека — почти половина экипажа — носят высокое звание ударников коммунистического труда, двадцать четыре человека награждены почетными грамотами Министерства морского флота СССР.

Счастливого плавания тебе, славный «Ленинский комсомол»!

Р. КОРОБОВА

На снимке: «Ленинский комсомол» в Сантьяго на Кубе. Идет погрузка сахара-сырца.

Фото Т. Тупицына, первого помощника капитана.

ГИРЛЯНДНАЯ ГЭС ДАЕТ ТОК

Деревенька Порожки раскинулась на берегу извилистой речки Тверцы. Красивые здесь места, хорошие дома у колхозников, да вот беда: не было электричества. Уж очень далеко отсюда до электросети, и тянуть специальную линию дорого.

И все же зажглись прошлым летом электрические лампочки в домах деревни. Электроэнергию колхозникам дала речка Тверца. Здесь установлена бесплотинная гирляндная ГЭС конструкции инженера Блинова.

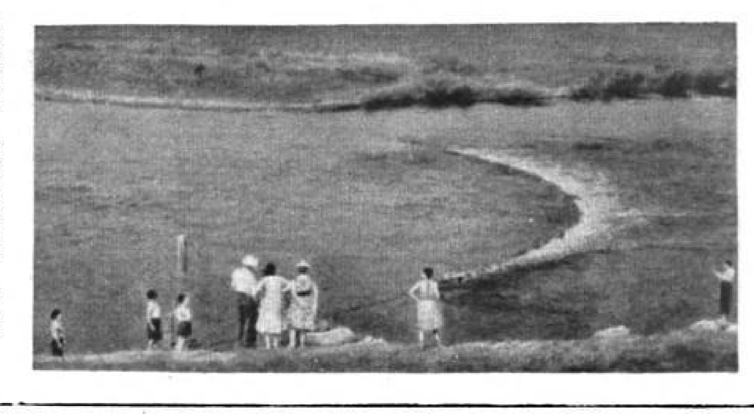
...Среди многочисленных писем, полученных редакцией журнала «Огонек» после опубликования статьи «Гирляндная ГЭС», было письмо от В. Н. Кангина. Директор Профессионально - технического училища № 3 в городе Калинине просил редакцию связать его с инженером Блиновым.

И вот колхозники деревни Порожки одни из первых приобрели гирляндную ГЭС, заготовки для них выпустило Профессионально - техническое училище № 3.

Стоимость комплекта заготовок — под сборку точечной сваркой — 1 рубль 38 копеек, а под слесарную сборку — 1 рубль 90 копеек. Комплект состоит из двух турбин и узла их закрепления на тросе.

Желающих приобрести заготовки много: из Якутии, с Алтая, Дальнего Востока...

А. ГОЛИКОВ



Косинус альфа кроит пиджак

Дипломная работа лежала в портфеле. Игорь Данилов, выпускник технологического института легкой промышленности, пожелал самому себе «ни пуха ни пера» и отправился на Московскую швейную фабрику имени Тельмана.

— Вот новые лекала для раскроя жакетов,— сказал он в закройном цехе,— тех самых, что шьют у вас больше всего. Эти лекала сделаны по математическим расчетам. Используйте их — сэкономите тысячи метров ткани.

Предложение Данилова не было неожиданным. В технологическом институте давно работают над экономичными выкройками. Заведующий кафедрой Александр Савостицкий уже десяток лет отдал этой проблеме. Увлек он ею и студентов. Игорь Данилов был среди тех, кто кроил пиджаки и платья по формулам.

В конце минувшего года газеты сообщили, что на соискание Ленинской премии выдвинута работа Савостицкого и группы инженеров-швейников. Работа называется «Новый метод конструирования деталей одежды».

Итак, за одежду взялись инженеры. Повысился жизненный уровень советских людей — повысились и требования их к одежде. Теперь недостаточно заботиться лишь о количестве, швейники задумываются и о том, чтобы одежда была модной, элегантной. Что же придумали для этого инженеры?

— Взгляните на эту шапочку,— предложил мне Александр Савостицкий в одном из кабинетов технологического института легкой промышленности. Шапочка была сделана без единого шва. Не ошибся математик Пафнутий Львович Чебышев: без портновской иглы можно придать ткани любую форму.

Чебышев в свое время написал работу «О кройке одежды». При помощи формул Чебышев определял, как разумнее вырезать из материала различные фигуры. Зеленая шапочка как раз и сделана по формуле.

И началось путешествие в мир манекенов, тканей, ножниц и вытачек. Между прочим, Савостицкий то и дело поминал вытачки недобрым словом. Они поглощают время, труд и материал. Теперь с этим будет покончено.

...Опыт проводили на спинке жакета. Ее вырезали из ткани, накололи на манекен и стали натягивать — то к рукавам, то к талии. Натягивать так, чтобы нити смещались под нужным, заранее рассчитанным углом наклона. Это и дает форму покроя. Ободренные хорошим результатом, Александр Савостицкий, Елизавета Коблякова, Ерванд Меликов, Иван Антонов, Людмила Флерова, Василий Яценко, Татьяна Модестова и Борис Бузов пошли дальше. А не поступить ли со швами так же, как и с их сестрами-вытачками? Освободиться сначала, скажем, от переднего шва на рукаве и по краю борта. Ведь тогда можно пригласить в помощь портным полуавтоматы.

Теперь на швейных фабриках машины возьмутся за изготовление воротников, бортов, рукавов. Отпали многие операции, которые делали раньше вручную. Ясно, что времени станет уходить на каждую деталь в пять, а то и в десять раз меньше. А сколько сберегут ткани! Подсчитали: лишь на фабрике имени Тельмана за прошедший год сэкономили 45 тысяч рублей.

Конечно, инженерный расчет — это хорошо. Но не проиграет ли фасон одежды от математического подхода к ней? Напротив, каждое изделие, пусть даже миллионное по счету, будет выглядеть, как на картинке из журнала мод.

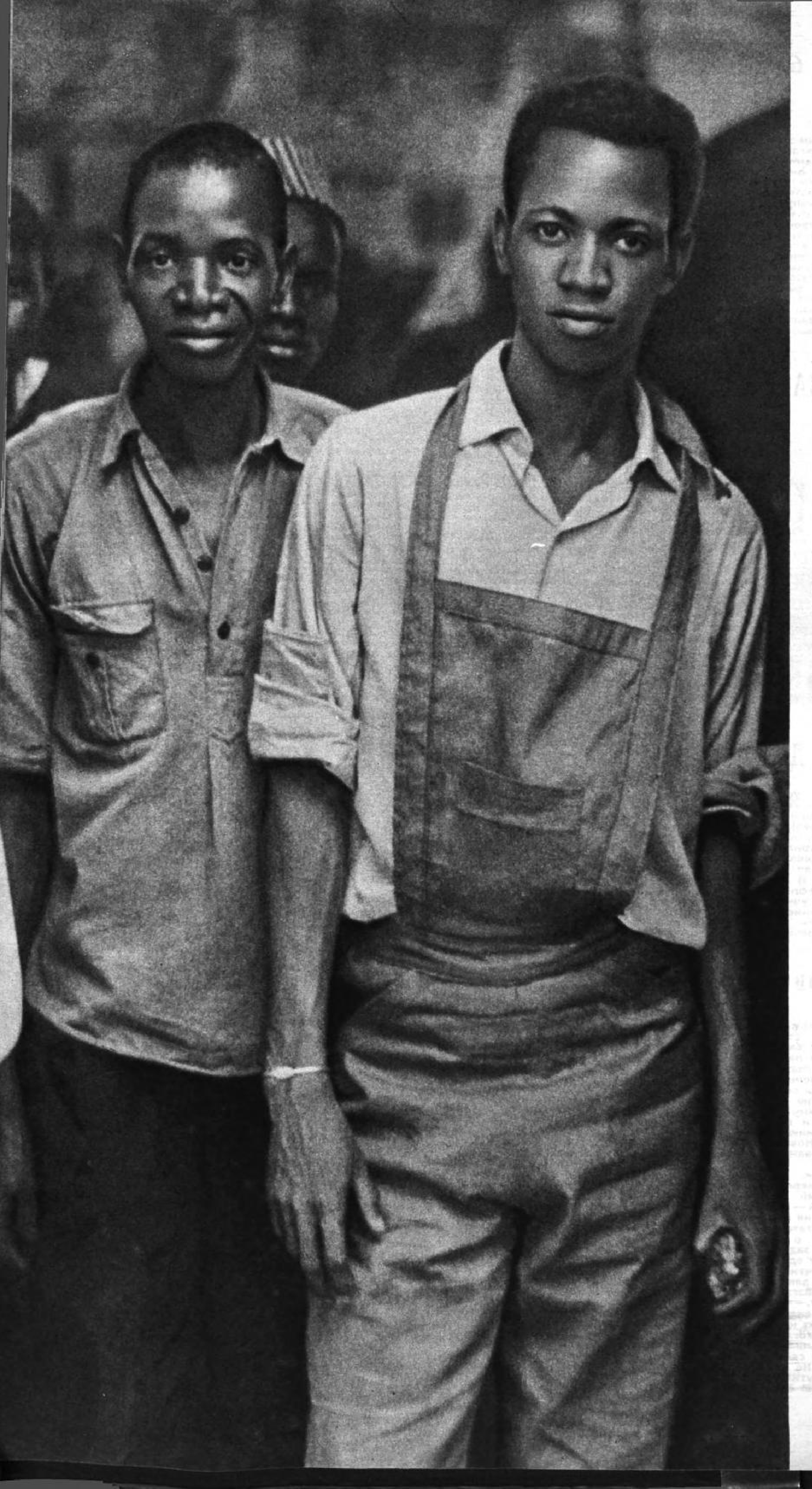
У нового метода конструирования деталей одежды большое будущее. Александр Савостицкий признался, что инженеры-швейники уже давно приглядываются к электронно-счетным машинам со своей профессиональной точки зрения. Они подумывают, не заставить ли их создавать готовые чертежи одежды.

Л. БИРЧАНСКАЯ

Инженеры-швейники В. В. Яценко, Е. Х. Меликов, А. В. Савостицкий, И. А. Антонов за чертежами одежды.

Фото Р. Лихач.

ВОКРУГ НАС



Ба

зем

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Фото автора.

Красная пыль упрямо пробивается сквозь плотно закрытые стекла автомашины.

Она ложится багровой пудрой на волосы, на костюм, на ботинки. Она окрасила в розоватый оттенок ярко-зеленую январскую листву африканских деревьев и сделала почти оранжевыми уже выжженные солнцем, шелестящие травы саванн. И когда вечером я сую отяжелевшую голову под прохладные струи воды, вода стекает в раковину тоже красная. Это пыль багряной земли Африки. Земля поразительного цвета — багрово-шоколадная. Она раскалена январским солнцем и жгучим водопадом событий, которые за последние годы обрушились на этот континент, формой своей напоминающий человеческое сердце.

Громко бьется сегодня сердце омоложенного континента. И если с детства Африка представлялась мне черной-черной, как ночь, сегодня я ловлю ее красную землю глазами и слышу ее сердцебиение, пускай еще с перебоями, но уже торжествующее.

Громкие удары красного сердца.

У нас принято говорить о чудесах двадцатого века — видеть эти чудеса еще удивительнее. В воскресенье я катался на лыжах в заснеженном Подмосковье, торопливо растирая подмерзающие уши, а во вторник тридцатиградусный ветер Африки знойно стучится в стекло автомашины. И чернолицый шофер недоверчиво смотрит на мое облезающее (все-таки обморозил!) ухо.

— Что это, от солнца? — спрашивает он наконец.

— Нет, обморозил...

— Да, сейчас холодно,— соглашается водитель.— Я по утрам перчатки натягиваю...

Перчатки в почти нестерпимую жару?.. Но я вспоминаю закутанных в шинели, натянувших вязаные шлемы на голову полицейских возле моста через Нигер и понимаю: в Африке сейчас зима — считается, что холодно. В мае температура подымется до сорока пяти. И тогда будут говорить, что наконец стало жарко.

Справа и слева до чуть всхолмленного горизонта раскинулись саванны. Их не с чем сравнить: такого у нас нет... Отдельные деревья, по колено стоящие в траве. И так — до горизонта. Некоторые огромны — гигантский ствол с могучими ветвями. Это баобабы.

Иногда над травой встают, словно грибы-великаны, возвышения. Это постройки термитов.

← Рабочий класс молодой республики.

Copyrighted material

гряная

— Полезны... Мы кормим ими кур,— объясняет шофер.

Дорога, отороченная с обеих сторон красной полосой земли и бескрайним простором саванн, тянется от Бамако до Сегу, а дальше к Маркале, к могучей плотине, перегораживающей степенное течение Нигера. А здесь он, пожалуй, не уже Волги...

Бамако — столица республики Мали. Она еще очень молода, эта африканская республика. В конце прошлого года она отмечала свою годовщину.

С конца прошлого столетия народ Мали находился под игом французского колониализма. До чудовищной нищеты довели зарубежные захватчики африканский народ. Здесь торжествовали голод, болезни, несправедливость. Французский губернатор, чувствуя себя царем и богом, величал себя не иначе, как «Людовиком XIV всего Судана».

Страшное наследство безжалостного, грубого колониализма и сегодня дает себя чувствовать на каждом шагу. Но зато какой радостной силой свободы озарена сегодняшняя жизнь африканских тружеников! Как много мечтают они сделать для счастья своей страны, эти люди с темными лицами и ослепительно белой улыбкой!

Только вчера мы побывали на государственной животноводческой ферме Сотюба.

Тридцать пять лет существовала эта опытная ферма при французах, а практических результатов никаких.

— Чего же от них было ждать,— говорит нам директор фермы Кулибали Занга, еще совсем молодой африканец в снежно-белом халате.— Получая гигантские оклады в колонии, деятели фермы за полгода прокучивали их в Париже. Да разве они были заинтересованы развивать животноводство в Мали? Куда там! При довольно значительном количестве скота нам почти миллион литров молока приходится ежегодно импортировать из Европы. Ведь коровы-то здесь дают не более полутора-двух литров в день!

Молодой ученый с горечью и волнением рассказывает нам о том, что было. Он говорит и о том, что будет. О начатых работах по борьбе с сонной болезнью скота, передаваемой мухой цеце. О выведении новых пород, противостоящих болезням. О проблемах искусственного осеменения для выращивания высокоудойных пород.

Сквозь магическое стекло микроскопа мы заглядываем в мир бесконечно малого. Там, среди голубоватых пятен — это красные кровяные шарики,— пристроилась розовая запятая. Это трипаносом — паразит, вызывающий сонную болезнь.

— Колонизатора, вызывавшего сонную болезнь страны, мы изгнали. Придет час, мы и этого тоже изгоним,— говорит доктор.

Я верю ему. Смелому, полному свежих сил, мечтающему перестроить работу всего научного центра.

Да, еще живуче наследие прошлого, но с неистребимой силой шагает счастливое настоящее.

Я вспоминаю деревню Уолодо, через которую мы проезжали и не могли не задержаться в ней. Среди небольших глинобитных домиков, крытых соломой, под развесистым деревом работали люди. Ритм был напряженный и нарастающий.

Обнаженные до пояса женщины, многие с ребятишками, привязанными за спиной, длинными шестами толкли в широких деревянных ступах зерна дерева каритэ. Из этих зерен получают ценнейшее масло для лучших кондитерских изделий мира. Каждая капля этого масла продается на вес золота.

Его получали здесь так же сотни, а может быть, и тысячи лет тому назад. Музыка труда, глухие звуки шестов смешивались со звуками песни, которую пели женщины. И ребятишки прыгали, привязанные, за их спинами. И янтарные капли масла искрились на солнце.

— Они поют, потому что работают для себя,— торжественно сказал нам староста деревни Факоле Траоре — старый африканец с редкими вспышками абсолютно белых волос в черной курчавой шевелюре.

Для себя... Это новое и прекрасное слово в лексиконе малийцев.

Не этим ли словом был окрашен труд крестьян, молотивших в поле миль — африканское просо? Долго, потрясенные, смотрели мы на это вдохновенное зрелище.

На помощь одной семье пришла вся деревня. Человек пятьдесят мужчин, вооружившихся цепами, сделанными из лиан, в каком-то боевом экстазе устремились на продолговатые стрелки миля, разбросанные по площадке. Они били цепами в каком-то удивительном по своему созвучию ритме. А женщины вокруг подпевали этой музыке труда, этой битве за жизнь и хлеб Африки. Они готовили пищу и с песней ждали конца работы.

Нет, они не были в ответе за колониальное прошлое, которое на столетия отбросило их назад. Они мечтали о будущем и тянулись к нему. И оно уже было красивым, их будущее.

Таким же красивым виделось нам будущее скромного металлического заводика «Ателье Шариат Маркала», расположенного на берегу Нигера, километрах в двухстах от столицы. Это единственный завод в стране, выпускающий металлические изделия.

Скромен и очень необычен по своему подбору ассортимент заводской продукции. Здесь соседствуют металлические понтоны с обыкновенными тачками, трубы для мелиоративной сети и прозаические металлические кровати с сетками.

— Но обратите внимание на эти плуги,— сказал нам Сибиде Секу, директор завода,— ведь они впервые изготовляются в стране!

И в этих словах была великая правда всего происходящего. Этим плугам, с еще не отполированным отвалом, бороздить багряную землю Африки. И эти кровати, может быть, тоже первые во многих семьях страны.

Мы вышли с завода и по отлогому берегу широченного Нигера направились к плотине.

Кипела и грохотала вода, прорываясь сквозь наклонные щиты водосбросов. Поднятая на пятиметровую высоту, она образовала огромное водохранилище. По зеркалу воды скользил моторный катер, оставляя за собой расходящуюся дорожку, у берега стояли остроносые пироги. Отсюда по плодородной долине Нигера, по старому его руслу, на хлопковые поля уходит вода.

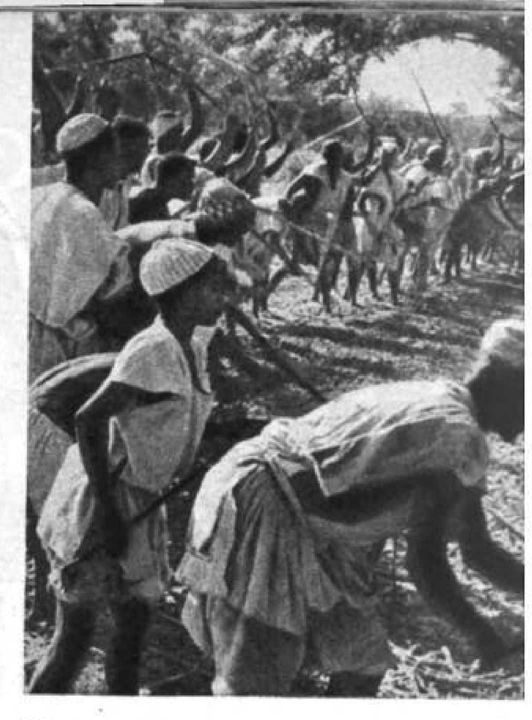
«Офис дю Нижер» — назвали когда-то французы это гигантское сельскохозяйственное предприятие, имевшее целью полностью обеспечить Францию хлопком. Название осталось и сегодня, но оно приобрело совсем другой смысл. Хлопок, рис стали достоянием нации.

Вместо сорока пяти тысяч гектаров новой освоенной земли, предусмотренной по пятилетнему плану, труженики малийской земли собираются освоить шестьдесят.

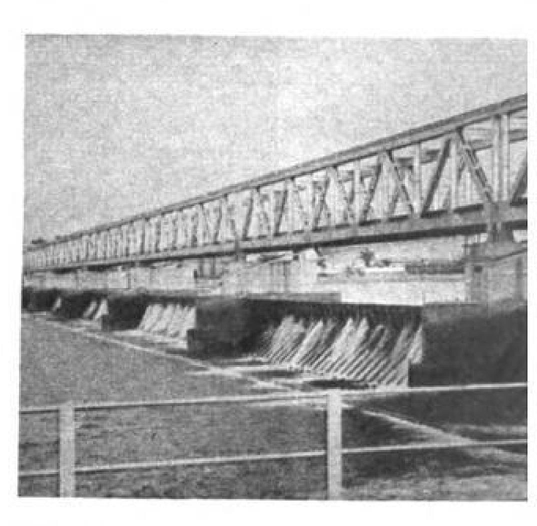
Да оно и понятно: люди работают для себя...

Тысячи и тысячи вопросов встают сегодня перед малийским народом. Нужна техника, и нужны кадры, нужно приобретать опыт, и необходимо планировать завтрашний день. Ведь еще только около десяти процентов детей посещают школу. В стране еще нет ни одного высшего учебного заведения. И на одну больничную койку приходится 1 700 человек.

Но уверенно смотрит в будущее народ молодой республики. Ему помогают дружеские народы социалистических стран. Ему помогает ветер свободы, который проносится над багряной землей Африки, и остановить его невозможно.



Музыка труда.



Плотина на Нигере.

Баобаб.

ля Африки

Copyrighted material

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПРЕМЬЕРЫ

Юргис Гайжаускас на репетиции.

А. МОРОВ

Фото Д. Ухтомского.

Они стоят почти рядом — костел и Дом культуры в селе Кидуляй. Стоят, как олицетворение его вчера и сегодня. Костел чуть пониже, окруженный каменным забором. Дом культуры колхоза «Нямунас» — на высоко приподнятой, обсаженной молодыми деревцами, открытой полянке. Деревья хорошо принялись; пройдет немного времени — здесь будет отличный парк.

Долгое время костел был самым красивым зданием в селе. Переливаясь огнями, по воскресеньям и в дни религиозных праздников там горела большая хрустальная люстра, играл орган, раздавались церковные песнопения. И даже те, кого не привлекало благолепие храма, ходили сюда ради музыки.

Когда образовался колхоз, положение изменилось не сразу. Ксендз очень гордился этим. Встретив как-то Витавтаса Гирджюса, коммуниста-двадцатипятитысячника, незадолго перед тем избранного председателем артели, он заговорил с ним почти покровительственно:

— Я слышал, вас хвалят...

Гирджюс промолчал.

— Что ж, оно понятно,— продолжал ксендз.— Людям, конечно, живется теперь много лучше прежнего. Только ведь не единым хлебом жив человек. И душу его вам не завоевать!

— Это почему же?

— Очень вы в землю зарылись. Заготовками заняты, кормами... А у нас в костеле хор поет— заслушаешься! Не были? Приходите!

— Напрасно рассчитываете,— сказал председатель и ушел.

Поговорка гласит, что только терпение превращает тутовый лист в шелк. Гирджюс никогда не забывал об этом.

Начав работать в колхозе, председатель знакомился с людьми. И ему казалось, что он хорошо знает каждого. Но так ли? Что интересовало его, например, в Юстинасе Вирпше, в Эдвардасе Битинайтисе, в Эмилии Аранаускене? Это были хороший тракторист, толковый инженер-механик, знающий агроном, и только. А ведь, говорят, помимо всего прочего, Юстинас — отличный танцор, Эдвардас влюблен в виолончель, а Эмилия — прямо настоящая артистка.

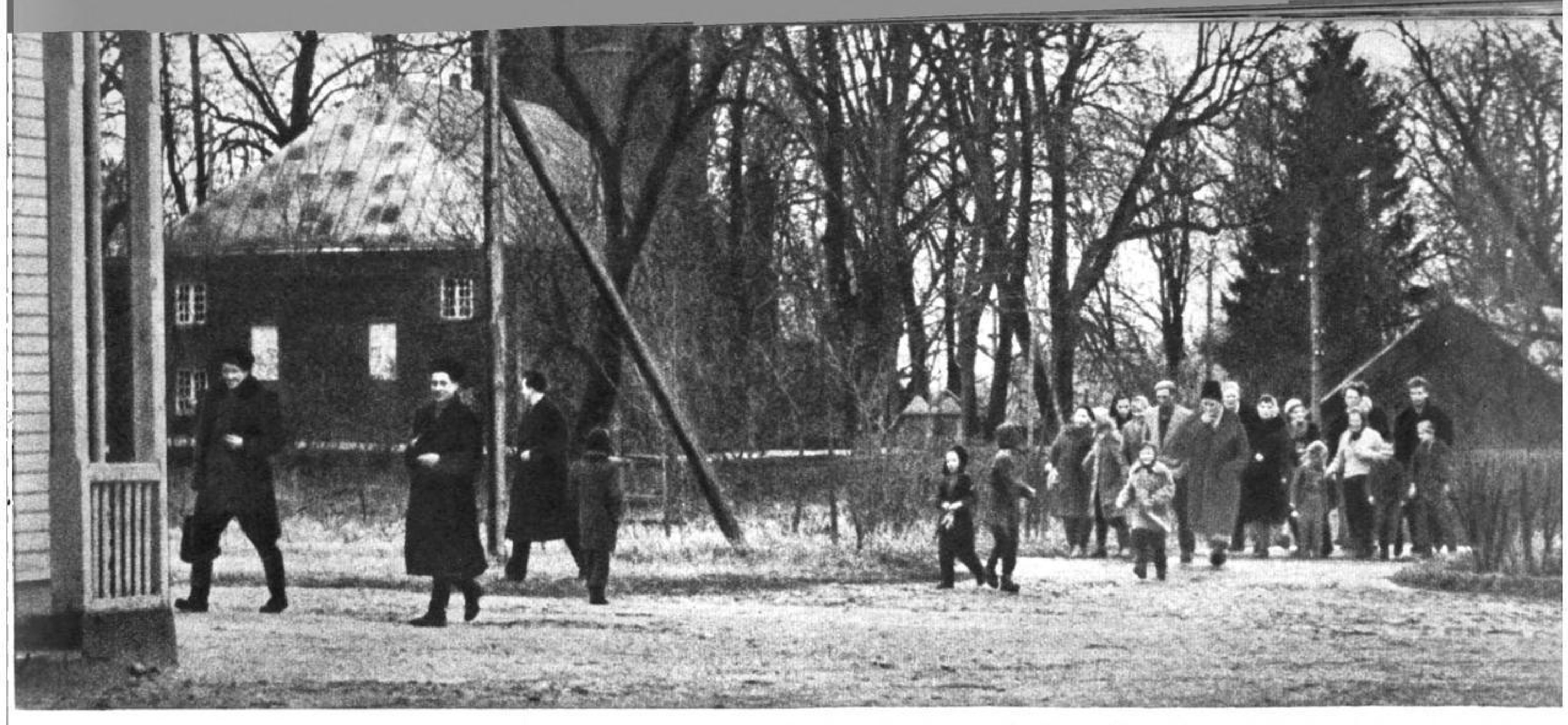
Видно, знать деловые качества работника — это еще не все. И Гирджюс начал свое знакомство с людьми заново.

Благо тому делу, за которое берется хороший организатор! Скоро в «Нямунасе» был уже свой

Председатель колхоза «Нямунас» Витавтас Гирджюс.

Клементас Дайлиде разучивает свою партию в оперетте.

Copyrighted material



Воскресный день... В Дом культуры села Кидуляй.

ансамбль. Нашлись и певцы, и танцоры, и музыканты — литовская земля никогда не была ими бедна. Вслед за юношами и девушками в ансамбль потянулись старики. «Деды» создали свою танцевальную группу и доказали, что есть еще порох в пороховницах.

Концерты, с которыми стала выступать колхозная самодеятельность, понравились в селе Кидуляй. А тут еще Гирджюс придумал повезти ансамбль «Нямунас», что означает Неман, сначала к соседям, а потом и в Каунас, Тракай, Вильнюс и даже в Москву!..

Церковный хор быстро редел. Заниматься в ансамбле оказалось куда интереснее. Убедившись, что и ему в общем-то становится нечего делать в пустеющем костеле, покинул его, попросившись на работу в колхоз, и органист Клементас Дайлиде. Собственно говоря, он давно считал религию сугубо старушечьим делом. И на свою службу в костеле смотрел чисто профессионально: «Как ни говорите, кормит!» Теперь это с бо́льшим успехом мог сделать колхоз. Что ж, тем лучше!

Позднее история Клементаса Дайлиде легла в основу оперетты, которую сейчас готовят артисты из «Нямунаса». Но еще до того, как была задумана оперетта, в селе построили Дом культуры.

Когда правление колхоза приняло решение о строительстве Дома культуры, Гирджюс вызвал к себе старого рабочего Иозаса Демянюса. До тех пор Иозас строил только сараи, коровники и склады; правда, отличались они добротностью и даже щегольством отделки, но ведь Дом культуры не хозяйственная постройка! К тому же как строить такое здание без проекта и, значит, без чертежей!

— Я мог бы макет сделать, — предложил Демянюс.

Отказаться? Пригласить архитектора? Нет, решил Гирджюс. Надо помочь человеку поверить в себя, разбудить в нем творца.

Он объяснил Иозасу, что здание должно главенствовать над селом, быть выше и краше костела. Показал ему ту полянку, где следовало возвести Дом культуры.

Когда Демянюс закончил стройку, портрет его, написанный известным художником из Вильнюса, колхозники вывесили на почетном месте — в верхнем фойе нового здания.

А сам Иозас? Где он теперь? Да все там же, в Доме культуры. Вместе с Аранаускене, Битинайтисом, Вирпшей и другими участвует в готовящемся спектакле.

Сама жизнь помогала рождению этого спектакля.

Например, приехали в гости к колхозникам литовцы, проживающие в Америке, и это тоже использовали в либретто. Потом была создана своя музыкальная школа... Однако Юргис Гайжаускас, композитор, написавший оперетту из жизни села Кидуляй, склонен искать причину всех событий в Гирджюсе.

— Он всегда полон планов! Придумает что-нибудь новое и не успокоится, пока не выполнит!..

Юргиса Гирджюс встретил в Вильнюсе и предложил ему пожить в «Нямунасе», познакомиться с людьми, с их радостями и печалями. Уже тут композитор узнал, что такое же предложение получил и писатель В. Бложе.

Когда колхозники рассказали композитору и писателю о своей жизни, познакомили с бывшим органистом Клементасом Дайлиде, покинувшим костел ради колхоза, с сельской художественной самодеятельностью, с бригадой колхозной молодежи, тут и родился сюжет оперетты. А за ним — и музыка.

Оперетту назвали «Рамуне», то есть Ромашка, по имени героини. В пьесе это дочь органиста, роль которого, к слову сказать, исполняет сам Клементас Дайлиде.

Пока Юргис Гайжаускас работал над музыкой, он так сжился с колхозом и его людьми, что, по правде сказать, покинуть «Нямунас» ему уже не хотелось. К тому же и местность тут прекрасная: река, лес.

И как только почуял Гирджюс такое настроение гостя, тотчас пришел к нему с предложением. Нужен музыкальной школе директор и преподаватель по классу скрипки. Ведь скрипка, кажется, специальность Гайжаускаса? Да и в художественной самодеятельности для него найдется немало работы! И если бы он согласился, можно ему дом в селе построить. Ведь у него девять детей, не так ли? И три старших сына, как и отец, любят музыку? Вот и квартет можно бы организовать. А для творческой деятельности композитора сельская обстановка куда лучше городской!..

Ну разве можно было удержаться от соблазна! И Юргис переехал в колхоз совсем.

Сейчас он работает в музыкальной школе и руководит в Доме культуры репетициями «Рамуне». Узнав о новом произведении Гайжаускаса, Каунасский музыкальный театр решил осуществить постановку оперетты и на своей сцене. Но композитор решил, что премьера «Рамуне» раньше всего должна состояться в колхозе. Так оно и будет.

А Гирджюсом, как мы слышали, овладела уже новая мысль: мечтает создать в колхозе детскую танцевальную группу.

Герои оперетты «Рамуне».

Репетиция духового оркестра.

Copyrighted material

Познакомьтесь! Вот они перед вами: Женя Алейничкин, Александр Федосов, Иван Борисов, Николай Фомичев, Алексей Пенкин, Владимир Рябов, Володя Агапов. К сожалению, мы не видим на этом снимке еще двух членов бригады — Мишу Бикморзина и Виктора Фирсова, но вы еще успеете познакомиться и с ними.

→

1.
Виктор Фирсов и Иван Борисов предпочитают обрабатывать мяч не руками, а ногами. Они страстные футболисты и в ожидании весны не теряют времени, занимаясь в заводском спортивном зале.

2.
Стремительны и точны движения Владимира Агапова. С каждой тренировкой он чувствует себя все уверенней в воде бассейна.

БРИГАДА СПОРТС

Дмитрий ГРУЗДЕВ,
комсорг прессо-кузового цеха завода малолитражных автомобилей

Фото А. Бочинина.

Они хорошо мне знакомы, эти молодые ребята. И не только потому, что все они комсомольцы. Я работаю с этими слесарятами вместе на одном участке. Они делают кузовы для «Москвичей», а я гравирую для них штампы.

Вот уже год (я хорошо запомнил эту дату, потому что в тот день первый человек прорвался в космос), как их бригаде присвоено высокое звание коммунистической. Ребята тогда очень гордились, что так получилось, и говорили, что вместе с Гагариным вышли на орбиту космического полета. А потом они узнали, какую большую роль в тренировке первого космонавта сыграла спортивная выучка, и снова удивились совпадению. Ведь и в их подготовке спорт сказал свое веское слово...

Молодые рабочие из бригады Ивана Борисова давно уже увлекаются самыми разными видами спорта. На стадионе их было бы трудно, почти невозможно собрать в одну команду, но вот на заводе все они: и пловец Володя Агапов, и волейболист Владимир Рябов, и стрелки Николай Фомичев, Александр Федосов и Алексей Пенкин, и баскетболист Миша Бикморзин, и штангист Женя Алейничкин, и футболисты Иван Борисов и Виктор Фирсов — образуют исключительно дружную рабочую команду, которая не раз добивалась больших побед.

Это и понятно: если бы ребята из бригады Борисова не работали отлично, то разве стала бы их бригада бригадой коммунистического труда? Но, как известно, хорошо работать—это еще полдела. Каждый член бригады должен еще и учиться, повышать свою квалификацию, и здесь я мог бы рассказать много интересного о том, как занимаются герои этого очерка в различных учебных заведениях, институтах, техникумах, школах рабочей молодежи. Но все они считают, что молодой рабочий современного советского завода должен быть еще и спортсменом. И вот, когда кончается трудовой день, когда убран участок, когда задан корм рыбкам (не удивляйтесь: ребята завели в цехе аквариум), никто не торопится домой. Одни из них идут в цеховой тир, другие — на стадион, третьи — в бассейн. А теперь уже вслед за ребятами из бригады Ивана Борисова потянулись и другие — мастер Коронов, слесари Рожок, Карабанов...

О том, как занимаются спортом девять молодых рабочих нашего завода, и рассказывает этот фотоочерк

3.
Но есть еще одна интересная игра — волейбол. Ее горячим поклонником является Володя Рябов. Посмотрите, как уверенно он производит завершающий удар.

4.
А вот и Миша Бикморзин. Он весь внимание: удастся ли ему этот штрафной бросок?

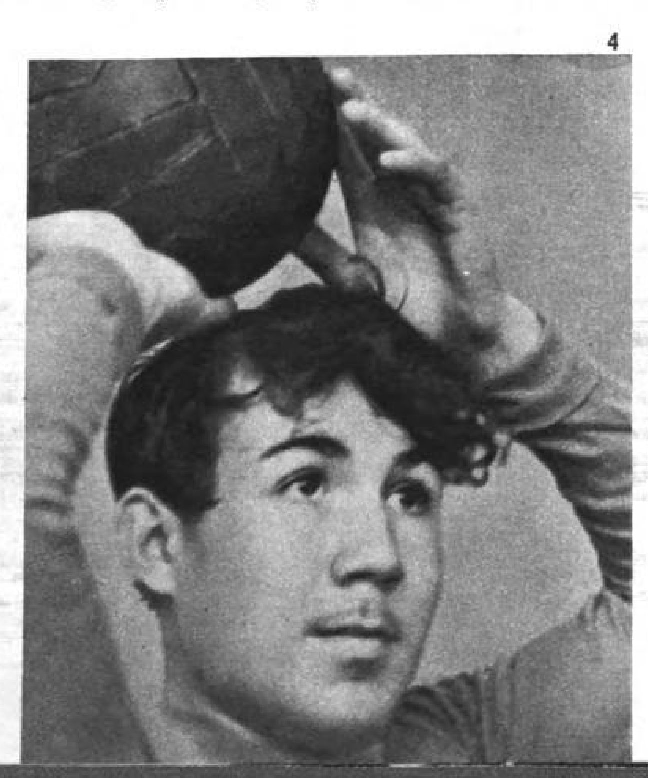
5.
Штанга — это дело серьезное. И от нее так привычно и приятно пахнет металлом. Может быть, поэтому полюбил тяжелоатлетический спорт Женя Алейничкин?

6.
Мы в цеховом стрелковом тире. Он построен самими ребятами. Это они освободили помещение от негодного оборудования и мусора, побелили потолок, покрасили стены, отремонтировали пол. Вся бригада работала целую неделю не покладая рук. И вот тир открыт. Каждый день идут здесь занятия. Вот и сейчас испытанный стрелок Николай Фомичев показывает мишень Александру Федосову и Алексею Пенкину.

7.
Закончен еще один трудовой день. Ребят ждут разные дела. Сегодня не все они смогут заняться спортом. Владимир Рябов проведет вечер в спортивном зале, а Николай Фомичев — в автомеханическом техникуме. Но это ничего — ведь есть еще завтрашний день!

3

4



5

Copyrighted material

МЕНОВ

6

7

Ее забота

Н. ХРАБРОВА

Живет в городе Риге женщина. Если попытаться рассказать ее биографию, ничего нового не скажешь. Ну, трудное было детство — а как оно могло быть легким, если пришлось на войну? Ну, трудно было учиться — а как могло быть иначе, если годы учения пришлись на послевоенное время? Училась, не обращая внимания на материальные трудности, вот и все! Потом стала работать, и это тоже нелегко, потому что у нее семья: муж и трое детей. Теперь трудности уже не материальные — семья хорошо обеспечена. Теперь в жизни Анны Алексеевны есть трудности иного характера: она не может заниматься только домашними делами. Ее профессия инженера-экономиста держит ее в гуще самых интересных дел, она полна заботами и успехами нашей промышленности, нашей экономики — да как же сменить это только на мытье полов, на чистку кастрюль?

У Анны Алексеевны Рудаковой появилась такая забота, о которой стоит рассказать. Это забота о том, как живут в городе дети в самые отрадные для них «уличные» минуты и часы.

Несколько лет назад Рижский горком комсомола по-деловому взялся за детские комнаты при домоуправлениях. Сейчас их в городе много, есть в них интересные дела. Родители горячо помогают горкому комсомола, и Анна Алексеевна — в числе самых последовательных активисток. Но комната есть комната! Детский сад — тоже комната. И дома уроки учат — тоже в комнате. Дети растут без воздуха.

Вот с этих пор Анна Алексеевна и стала много ходить пешком — осматривала дворы, сады, пустыри. Только на территории домоуправления № 68, где она живет, есть шесть садиков, скверов и пустырей, где можно устраивать детские игровые площадки, не говоря уже о десятках запущенных дворов!

Из наблюдений и раздумий родились предложения, с которыми надо было идти в горисполком. А после этих визитов Анне Алексеевне пришлось обратиться в редакцию «Огонька».

С письмом Анны Алексеевны я и приехала в Ригу. И вот мы у заместителя председателя горисполкома товарища Зацепина, к которому попали не без труда.

— Товарищ Зацепин,— говорит Анна Алексеевна,— у меня есть предложения по устройству рижских дворов и некоторых парков и скверов для детских игр.

И она быстро разворачивает синьку, на которой в чертежах и рисунках изображены самые различные детские игровые площадки, требующие совсем немного места: простой спортивный комплекс, невысокая стенка с круглыми отверстиями для соревнования в точности попадания мячом, несколько вариантов качелей и качалок, бумы и лестницы для лазания — полтора десятка веселых и полезных занятий, которые лучше всех нотаций, лекций и душеспасительных разговоров отвлекают детвору от игр на тротуарах, от шалостей и хулиганства.

Проект этот Анна Алексеевна получила от молодых рижских архитекторов, которые, в свою очередь, многое позаимствовали от ленинградских архитекторов,— оказывается, архитекторы давно уже позаботились о детях! Полгода назад Анне Алексеевне удалось увлечь этим проектом Рижский горисполком, тогда даже принято было решение — внедрить! Но никто не помнит, кто отвечал за внедрение. Те, кто присутствовал на обсуждении, говорят: что-то в этом роде помнится, только мне никто не поручал. Анна Алексеевна опять ходит по кабинетам, все начинает сначала. Тщетно. Вот и пришлось нам вдвоем говорить с товарищем Зацепиным. Он вызывает главного архитектора города Эдгара Пучина, знакомит нас и тут же начинает хвататься за телефонные трубки и всячески показывать, что он смертельно занят. Справедливости ради надо сказать, что сколько-то он и с нами разговаривает:

— А куда деть взрослых, если парки будут отданы детям?

Анна Алексеевна объясняет:

— Взрослым не надо игровых площадок. Они не хотят скакать через веревочку, а любят сидеть на скамейках и читать или гулять по аллеям. Чтобы дети им не мешали, надо сделать для них специальные уголки с разными играми, это и называется «игровые площадки».

И товарищ Зацепин опять хватается за телефонную трубку. Нам остается только уйти, не пробыв в этом кабинете и десяти минут. Кстати сказать, львиная доля этих десяти минут ушла на изучение моего служебного удостоверения. Это, конечно, верно — удостоверение надо проверить. Ну, а если бы я просто пришла к товарищу Зацепину без всякого служебного удостоверения посоветоваться об общественном воспитании детей, со мной и говорить бы не стали?

А как же отнесся к предложению Анны Алексеевны главный архитектор? Мы продолжили с ним разговор в коридоре. Он развернул проект и увидел его веселую, яркую деревянную архитектуру. Оказалось, что товарищ Пучин — человек очень увлекающийся и деятельный. Разговор в коридоре прошел в духе полного взаимопонимания, было обещано сочувствие и поддержка, и я уехала. А на днях получила от Анны Алексеевны хорошее письмо. Она пишет: «В среду мы встретились с товарищем Пучиным и все подробно обсудили. Он очень хороший человек, и я верю, что именно он и сдвинет все с мертвой точки. Договорились с ним о следующем: 1. При проектировании новых домов обязательно будет выделяться место для детской площадки с подготовленной планировкой и некоторыми капитальными сооружениями для детей. 2. Всем архитекторам города будет дано общественное поручение — группами по 2—3 человека они обследуют территории домоуправлений и изучат возможности перепланировки старых дворов и устройства на них игровых площадок. (Это предложение товарища Пучина. Ведь это же замечательно, не правда ли?) 3. Включить в номенклатуру деревообделочных комбинатов изделия для детских площадок (чертежи обещают сделать конструкторы). Эти изделия продавать через райжилуправления домоуправлениям.

Только тут опять вопрос упирается в средства! Мне кажется, что горисполком смог бы найти дополнительные средства для выпуска и покупки оборудования детских спортивных и игровых площадок».

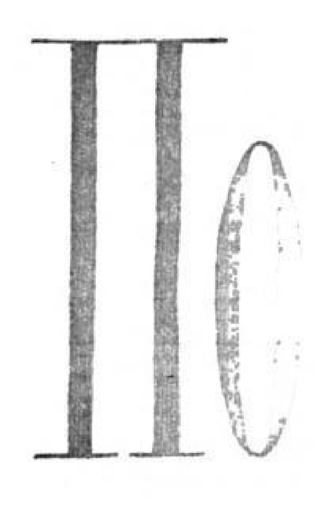
Можно читать такое письмо без волнения? Я, например, не могу. Не могу потому, что знаю: у Анны Алексеевны ребятишки один за другим болеют гриппом, а она все равно ни на час не откладывает своей главной заботы — о всех рижских детях. Знаю, сколько раз ее обижали, сколько раз были к ней несправедливы, сколько раз от нее отмахивались и даже посмеивались над ней, а она все равно ходит, добивается, думает. Продумывает новые возможности, ищет новые пути.

Но почитаем ее письмо дальше: «Помните, мы говорили о том, что можно подготовить и воспитателей для игр на воздухе в общественных местах. Их можно бы готовить и при школах и при домоуправлениях. Право же, государству это обойдется во много крат дешевле, чем перевоспитание подростков со всеми материальными и моральными потерями, которые пока неизбежны. Ведь не случайно стоит вопрос о расширении сети интернатов и школ продленного дня — все это звенья одной цепи. Но пока у нас нет интернатов и школ продленного дня для всех ребят,— надо не пожалеть мизерных затрат на устройство разумного, веселого и здорового отдыха ребят в свободное время на улице. Именно на улице — ведь городским ребятам дорога каждая минутка, проведенная на воздухе. Я уверена, знаю, что эту мысль поддержат родители, если понадобится, они помогут и материально, надо только, чтобы они почувствовали, что и городские организации озабочены тем же, что есть организованное руководство. Вот пишу и думаю: как бы поубедительнее рассказать об этом, добиться, чтобы в горисполкоме и в горкоме партии каждый человек разобрался и поверил в это — ведь это же так просто и неопровержимо».

Привожу письмо Анны Алексеевны дословно, со всей его взволнованностью, со всей заинтересованностью в том, чтобы хорошо было всем ребятишкам красивого города Риги. Со всей страстностью, которую люди чаще всего пока еще вкладывают лишь в свои сугубо личные заботы. И с большой радостью: ведь вот она, личная заинтересованность в общественном деле нашего — лично нашего — государства.

Сомнений нет — в Риге наступил перелом. В ближайшее время, конечно, будут почищены рижские дворы, а в парках появятся детские уголки. И разговор о том, что дети отнимут у взрослых парки, покажется смешным даже самому товарищу Зацепину. Яркая деревянная архитектура детских площадок нисколько не испортит, а украсит город, поселит в нем живую искорку любви к детям, заботы о них. А Рижский горисполком будет более внимателен к общественникам — ведь теперь они будут все чаще и чаще приходить в горисполком!

Copyrighted material



По секрету

О. КУПРИН

Вариант номер один на земле

На большой стройке весну первыми ощущают шоферы. Никаких красивых слов по этому поводу они не говорят. Совсем наоборот. Ну как же! Вчера еще можно было в пять минут проехать от мартена к слябингу, а сегодня проблема: хоть снег кое-где еще не растаял, но дорогу развезло. Тут уж не до красивых слов.

И все-таки весна — это хорошо, хоть и хлопотно. С моря тянет ветерок какой-то особый. Девушки тщательнее причесываются. Парни с остервенением моют сапоги в умывальниках общежитий и, должно быть, по вечерам говорят все-таки красивые слова, но только шепотом, чтобы никто не слышал, кроме одного-единственного человека.

Так было везде и всегда, но у строителей это еще профессиональная привычка. Они заражают ею всякого, кто с ними имеет дело. И тогда о хорошем рассказывают только по секрету, а на людях ругают друг друга на чем свет стоит.

Неделю я путешествую по строительству завода имени Ильича в городе Жданове и все больше убеждаюсь в этом.

И мне хочется рассказать обо всем, что я узнал по секрету.

Собственно, завод имени Ильича — предприятие довольно старое. Сейчас расширяется. Расширяется — не то слово. По существу, строится новый завод. И строит его молодежь, комсомольцы. Это не секрет.

Итак, весна. Шофер, который вез меня на стройку, не преминул добавить эпитет «будь она трижды проклята». Когда мы подъезжали к строительной площадке новомартеновского цеха, он направил на себя зеркальце, сдвинул шапку на затылок, взбил кудрявый чуб и сказал:

— Сейчас начнется синусоида,— покрепче вцепился в баранку и, подмигнув, добавил: — А между прочим, девчата у нас первый сорт! Курортный город!

Дорога действительно была похожа на синусоиду, извивающуюся и в вертикальной и в горизонтальной плоскости. В стенгазете на строительстве я прочел ехидную заметку такого содержания: «Знаете ли вы, что первые искусственные дороги были еще во времена скифов, а первым учреждением, занимавшимся прокладкой и расчисткой дорог, был Разрядный приказ, созданный в XVI веке».

На стройке, видимо, нет ни скифов, ни Разрядного приказа. Зато в комсомольском штабе приезжим выдают неплохие резиновые сапоги. Ходи сколько душе угодно, смотри и слушай.

Ходил, смотрел, слушал.

В комсомольском штабе комсорг СУ-4 Лена Осетрова прорабатывала художников за то, что нарисовали не три «Позора», а только один. «Позор» — этим словом, написанным большими черными буквами, начинаются самые неприятные «молнии», которые в солидном количестве издает комсомольский штаб.

Саша Сидоренко, начальник штаба, отправился с комсомольцами в очередной рейд по строительству. А рейды, как известно, проводятся не для того, чтобы кого-то хвалить.

Арматурщики тем временем честили работников столовой. Работники столовой весьма нелестно отзывались об арматурщиках — мол, тащат с улицы грязь. Сталевары, грешившиеся у мартена, уже поставленного на сушку, отпускали соленые шуточки в адрес монтажников. Монтажники, в свою очередь, огрызались, называя сталеваров дармоедами: «не пыльная работа — кирпичи в печке греть». Но, пожалуй, больше всех горячился начальник рождающегося новомартеновского цеха Зарубин. Он носился из конца в конец стройки очень сердитый и озабоченный.

Вечером Николай Гаврилович Зарубин устроил нам, нескольким московским журналистам, небольшую импровизированную пресс-конференцию. Мы настигли его в клубе. Разговор шел в маленькой комнатенке за кулисами. На сцене в это время кого-то ругали за сорванные сроки и непоставленное оборудование.

— Со строителями я дерусь страшно,— говорил Зарубин.— Бездельниками называю, разгильдяями. А сказать по секрету, любуюсь их работой. Молодые девчата и парни делают такое!..

И он начал рассказывать, каким будет его цех. Перед нами сидел очень умный и знающий человек, увлекающийся и даже немного восторженный. В Жданов он приехал из Новокузнецка, там тоже был начальником мартеновского цеха. Не жалеет? Нет, куда там! В рассказ о новом цехе он то и дело вставлял такие слова: уникальный..., в мире ничего подобного не найдете..., на всей планете такого в натуре нет..., вариант номер один на земле... Количество металла на одного работающего будет в пять раз больше, чем в старых цехах. О состоянии подыны будут докладывать изотопы. А какие ковши! А мульды! Автоматическое управление тепловым режимом с применением электронных приборов!.. Короче говоря, вариант номер один на земле.

Пресс-конференция закончилась. Зарубин отправился в зал слушать, как ругают тех, чьей работой он по секрету любуется. На город опускалась весенняя ночь. Откуда-то издалека долетала песня:

И наше первое свидание
Пускай пройдет на высоте...

Мимо нас проходили парочки. Шепотом говорили, наверное, о чем-то хорошем.

Ленинский профиль

История стройки пока недлинная: всего несколько лет. Но летописцы уже спорят друг с другом. Что было тут осенью пятьдесят девятого? Одни защищают маловероятную версию, будто тут шумел ковыль. Другие утверждают, что росла кукуруза. Третьи доказывают, что первым геодезистам пришлось пробираться сквозь стебли подсолнуха.

Я так и не докопался до истины. Но сейчас здесь стоит громадное здание прокатного стана и слябинга. А на нем метровые буквы: «Комсомольская ударная стройка» — и большой значок с силуэтом Ленина, как на комсомольском билете.

Историю одного комсомольского билета мне рассказал Анатолий Евменов. Он секретарь комитета комсомола треста «Ждановметаллургстрой». Когда-то мечтал стать летчиком. Поступил в летное училище. Летал. Потом неудачная посадка. Инвалидность. Лечение. Отдых.

— Какая же у вас группа инвалидности? — спросил я его.

— Не знаю.

— Как так?

— Очень просто. Пошел на переосвидетельствование. А там очередь большая. Все люди пожилые. Повернул, как говорится, оглобли — и в райком. Оттуда вот сюда.

На лацкане пиджака Анатолия значок с силуэтом Ленина. Такой же, как на здании прокатного стана и на комсомольском билете.

— Случилось это осенью. Как раз перед праздником. Тогда мы еще стан строили,— начал свой рассказ комсомольский секретарь.— Народу приезжало много. Всех я, конечно, не знал. И Лешу встречать, наверно, встречал, но не запомнил. Не видный он был парень. Обычный. Как все...

Алексей Морозюк на комсомольскую стройку приехал после демобилизации из армии. Пошел в бригаду путеукладчиков. Днем работал, вечерами немного занимался. Хотел поступить в вечернюю школу. Нравилась ему стройка. Стан нравился. Думал он работать на этом стане оператором.

Была еще одна мечта. Но о ней тогда мало кто догадывался. Мечту звали Машей. Работали они в одном управлении.

В тот день транспортники тянули пути к стану. Оставалось уже немного, но стало смеркаться. Рабочий день кончился. Можно бы и разойтись. Только вот куда деть инструмент и кабель? Не тащить же, на ночь глядя, за три версты в контору, а утром обратно! Решили оставить все на месте, в будке, и чтоб кто-нибудь подежурил ночь. Дежурить остался Леша.

Стемнело. Леша забрался в будку. За стеной бодрствовала стройка. Время от времени слышались какие-то глухие удары. Словно пульс у великана.

И вдруг... Леша не сразу понял, что случилось. Взрыв. Пламя. Это взорвался бачок с бензином. С трудом Леша вытолкнул горящий комок, похожий на шаровую молнию, за дверь. На нем загорелась одежда. Попытался потушить — не получилось. Начал снимать — обгоревшие руки были нерасторопны.

В будке бушевало пламя. Там инструменты и кабель. Нельзя же их оставлять. Алексей снова бросился в огонь.

Когда его везли в больницу, он слабо стонал.

— Что, очень больно?

— Билет...— прошептал он и потерял сознание.

Комсомольский билет Алексея Морозюка сгорел. Да и как ему было не сгореть, когда и на самом

Copyrighted material

В ковши хлынула
стальная река.

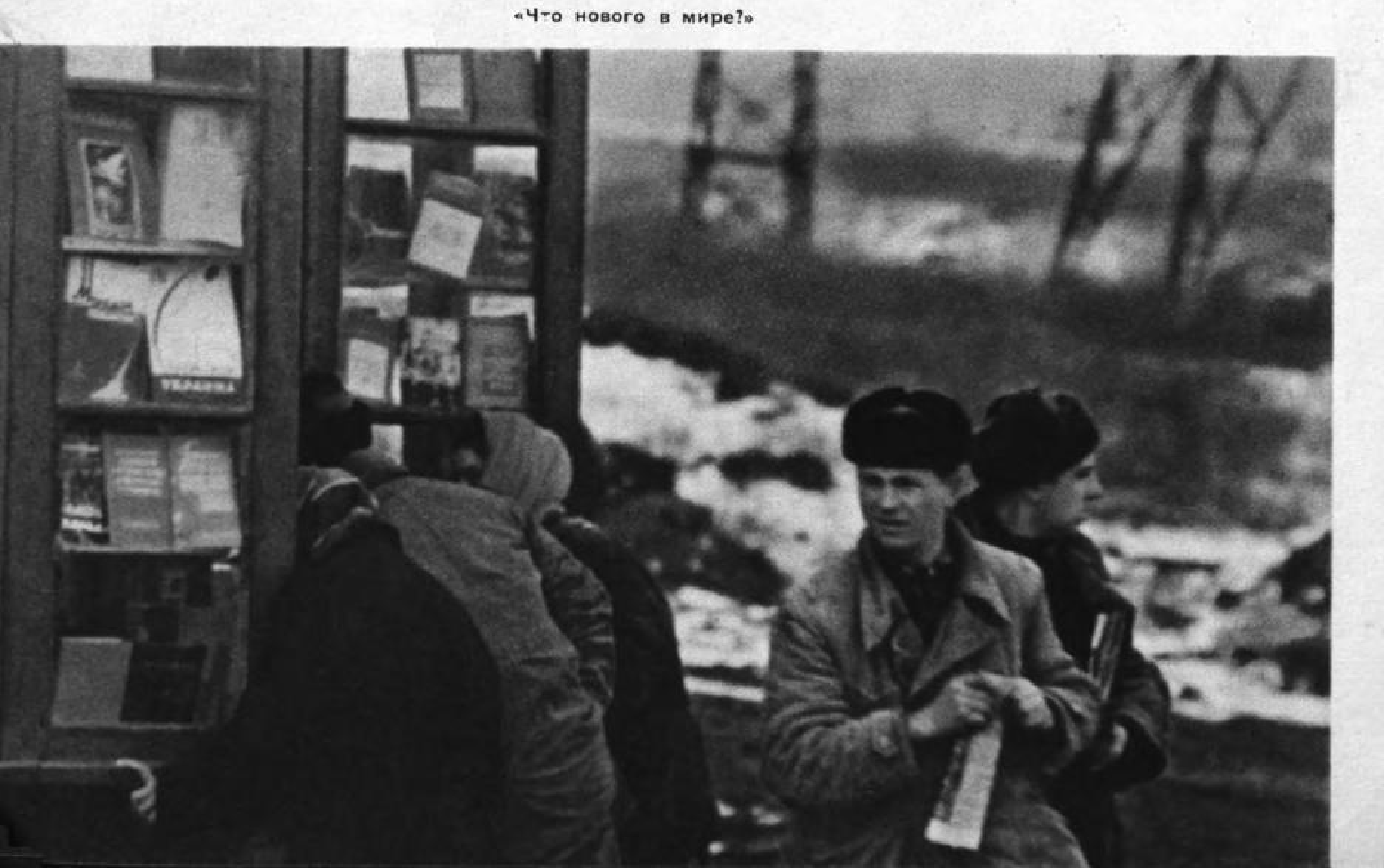
Ударная комсомольская рапортует.

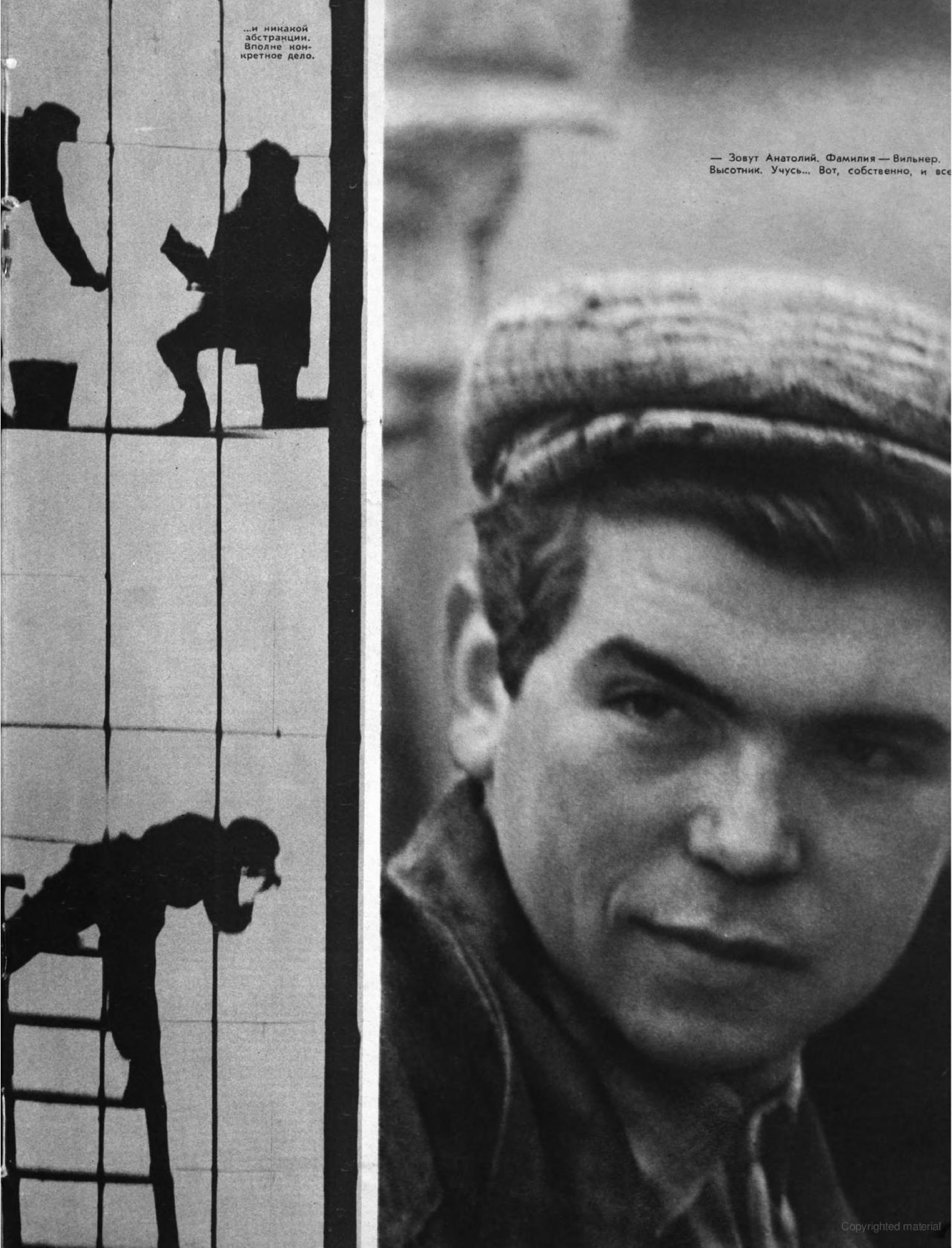
Фото Г. Копосова.

«Не кочегары мы, не плотники...»

Аня Яковец — делегат комсомольского съезда Украины.

«Что нового в мире?»





...и никакой абстракции. Вполне конкретное дело.

— Зовут Анатолий. Фамилия — Вильнер. Высотник. Учусь... Вот, собственно, и все

Copyrighted material

О. Верейский. СНЕГУРОЧКА.

Copyrighted material

его владельце не было живого места! Ожог первой степени.

Первыми в больницу прибежали Маша и Гена Пузиков — комсорг управления. Врачи сказали коротко: «Очень плохо. Но надежда есть. Нужна кровь. Нужна кожа».

Разговор в комитете комсомола треста длился считанные минуты.

Евменов: «Как народ в бригаде? Сознательный?»

Пузиков: «Да не очень чтобы... Всякие есть».

Евменов: «Тогда так. Соберем комсоргов. Все расскажем. Ребята поймут».

Пузиков: «Нет. Сначала надо в бригаду».

Так и сделали. Комсоргов собирать не пришлось. Автобус сделал два рейса в больницу. В один желающие не уместились.

В больнице установили круглосуточное дежурство. Дежурили по двое. Одной всегда была Маша.

Каждый день начальнику управления комсомольцы докладывали о состоянии здоровья Морозюка. Гена Пузиков носился по магазинам — искал мандарины.

В комитете комсомола девушки сбились с ног. Комитет решил выдать Алексею новый комсомольский билет. Нужна была фотография. А где ее взять? С трудом отыскали. В палате заводской больницы состоялось внеочередное заседание комитета комсомола с повесткой дня: вручение комсомольского билета Алексею Морозюку.

Леша не лежал, а скорее висел над кроватью, привязанный за руки и за ноги. Когда Анатолий Евменов прочел решение, Алексей попросил:

— Покажите мне.

Анатолий подошел к кровати и развернул перед его глазами книжечку с силуэтом Ильича. По обожженным щекам Леши покатились слезы, и он не мог их вытереть. Он молчал и думал о друзьях, которые спасли ему жизнь и которым нужно еще отдать эту жизнь. Всю, без остатка.

— Вот как это было,— закончил рассказ Евменов.— Потом Лешу выписали. Сейчас он пока на инвалидности.

— А Маша?

— Маша — его жена. Работает там же. Сейчас мы узнаем, как ее найти.— Он взял телефонную трубку, куда-то позвонил. Слушал, улыбался, а когда трубка легла на аппарат, сказал: — Не работает Маша. Пошла в декретный отпуск. Недавно уехали они к родителям.

В окно комитета комсомола видна дорога на стан. По ней идут и идут машины. Там, чуть подальше, строят цех холодного проката. Пока закладывают фундамент. А когда достроят, то на здании тоже укрепят большой значок с силуэтом Ленина.

Красота

В цеху слябинга в Жданове стоит избушка. Спросил: «Что это такое?» Ответили: «Прорабский участок». Тот самый, что строил эту громадину. Отвечала девушка. Она сидела на пороге избушки и сдирала с ногтей остатки маникюра. Дело было в понедельник. Значит, в воскресенье покрасовалась — и хватит. Она арматурщица.

Молодежь всегда хочет быть красивой. А это очень трудно.

Бензорезчица Аня Яковец с нескрываемой горечью сказала мне:

— Чувствую, что грубею на стройке. Вот посмотрите руки...

Большие, крепкие руки рабочего человека, они, быть может, не очень гармонируют с милым, очаровательным лицом и стройной фигуркой этой девушки. Но я не верю ее словам о грубости. И вот почему...

Жизнь у нее была трудная. Отец бросил семью, когда Ане исполнилось всего полтора года. Уехал. Забыл. А мать вскоре забыла свою мечту — институт. Работала токарем на большом заводе. Растила дочку, переадресовала ей свое заветное желание.

После школы пошла Аня на Ждановскую сетевязальную фабрику. Пошла не столько работать, сколько зарабатывать стаж для вуза.

Цех был чистый, люди приветливые, работа не очень трудная. Два-три года пролетят быстро — а там институт. Только медицинский.

Время действительно летело быстро и весело. Появились друзья, от ухажеров не было отбоя. На проспекте, где она часто гуляла вечерами с подругами, ее считали уже старой знакомой, раскланивались, старались заговорить.

И вдруг все изменилось, все пошло совсем не так, как она загадывала. В проходной фабрики повесили объявление: в городе начиналась комсомольская стройка — прокатный стан. Решение пришло мгновенно: туда. А институт? А мама? Что она скажет? Институт потом. А мама поймет.

В тот день Аня взбаламутила весь цех. Выяснилось, что не одна Яковец взяла на прицел объявление в проходной.

В отделе кадров осторожно попытались внушить: конечно, дело, мол, хорошее, но трудное. Намаетесь, сбежите. Но девушки настояли на своем.

Первое задание на стройке было до обидного простым — вырыть траншею. И вовсе не на строительной площадке, а вблизи проходной старого завода. Земля подавалась туго, спина ныла уже после первого часа работы, лопаты вываливались из рук. Хотелось сесть и заплакать от досады и от собственного бессилия. А тут еще кончилась смена на заводе. Мимо шли ребята. Те, что вежливо раскланивались на проспекте. И каждый издевался, как мог:

— Ба, знакомые все лица! А почему сапоги? Где же туфельки-гвоздики?

— Что, по пятнадцать суток схлопотали, красавицы? Как же это? А?

Так прошел первый день.

Зато потом началось!.. Начала разворачиваться стройка. И жизнь у Ани началась новая. Грубее, чем раньше. Но почему-то нравилась и увлекала она девушку больше. Появились новые неотложные дела: сначала училась на бетонщицу, потом на арматурщицу и бензорезчицу, закладывала первые фундаменты на стане, стройла слябинг, теперь строит цех холодного проката.

Ребята в бригаде хорошие. Как истые джентльмены, таскают за своей бензорезчицей ее тяжелую аппаратуру. Есть у Ани учителя, есть и ученики. Иногда советуются не только по производственным, но и по сердечным вопросам. Одного она даже в шутку называет «сынком».

Частенько приходят «джентльмены» из других бригад. И Яковец перекочевывает на время на их участок — помочь. По-дружески.

Давно «заработан» стаж. Школьные подруги стали студентками, в больших аудиториях слушают лекции профессоров. А у Ани свой профессор — бригадир Василий Вяликов. И своя аудитория — ударная комсомольская стройка.

Грубеют руки. Она уже не кажется себе смешной в неуклюжей спецовке. С медициной покончено. Только стройка! Сейчас эта, потом другая.

Однажды, когда Аня возвращалась в общежитие, на дороге ее догнал грузовик. Шофер распахнул дверцу:

— Садись, подвезу!

Забралась в кабину. Тяжело плюхнулась на сиденье. Дорога неблизкая, разговорились, познакомились. Шофера звали Анатолием. Парень красивый, вроде бы не глупый, обходительный. С той поры Аня часто возвращалась со стройки на «персональном» самосвале. А вечером парк, кино, танцы. Все с ним, с Анатолием. До того дня, когда он завел речь о женитьбе.

Было это в кабине самосвала, где они и познакомились. Анатолий говорил о будущем так, словно о свадьбе давно уже договорено. Аня молчала, а он входил в раж. Все убеждал, что жить они будут в достатке, поскольку профессия у него денежная. «Можно левый рейс сообразить или подмаслить учетчика — лишнюю ходку запишет. Заживем красиво».

— А ну, останови свою коляску! — Большие, грубые руки девушки сами собой сжались в кулаки.

— Ты что? Ты куда?

— Останови, говорю!

Домой Аня пришла поздно. Где-то бродила и думала, думала, думала. «Левый» рейс... Лишняя ходка... Семейное счастье... Красивая жизнь... Он называет это красивым. Разве можно жить с таким рядом? Спокойно разговаривать? Веселиться в праздники? Праздновать день рождения, наконец?..

Аня Яковец родилась 29 октября. В день рождения комсомола. Только на двадцать один год позже.

...Однажды Аня с товарищами отправилась в Донецк на областную комсомольскую конференцию. Вернулась с большой радостью и с маленькой печалью. С радостью, потому что ее избрали членом обкома; с печалью, потому что после конференции был бал, а у нее не было подходящего платья.

Сейчас в чемодане, что стоит в общежитии, лежит роскошный капроновый туалет. Он сшит специально для бала, который состоится после съезда комсомола республики. Аня Яковец — делегат этого съезда.

Она сказала, что грубеет на стройке. Я ей не поверил.

Минус восемь — плюс сто

Разговор в строительном штабе комплекса новомартеновского цеха. Говорит главный инженер треста:

— Нет, это не работа, а сплошное предынфарктное состояние. Того нет, другое задержали. Сроки срываются. Брошу, ей-богу, брошу! Лучше в дворники или сторожем на виноградник... Да, забыл рассказать про колонну.— И начинает рассказывать про опять-таки уникальную колонну.

Такой если уйдет, то заработает инфаркт. От покоя. Медицина будет посрамлена.

На стройке народ темпераментный, крутой, задорный. Такой, как главный инженер. Исключение я встретил, пожалуй, только одно — Степан Гайдай. Во всяком случае, сначала он мне показался исключением.

Первую печь новомартеновского цеха поставили на сушку. Около нее грелись сталевары. Среди сталеваров ходил сварщик с маской, сдвинутой набекрень. Медлительный человек, в художественно потрепанных парусиновых брюках. Говорил он как-то протяжно, будто беседовали мы за чашкой чая, а не на его рабочем месте.

— Спрашиваете, когда я здесь начал? Почти с самого начала. С отметки минус восемь. Чем кончил? Во-о-н там,— он указал рукой вверх.— На отметке плюс сорок один.

Я уже знал, что семьсот двадцать метров этот медлительный человек варил космическими темпами. Знал, что несколько управлений переманивали его к себе. Знал, что бригада не успевает готовить ему работу и поэтому он так вызывающе-спокойно говорит сейчас со мной, но что порой даже ночует на стройке — когда нужно, конечно.

— А как жена на это смотрит? — спрашиваю его.

Улыбается в ответ.

— Привыкла она. Говорит: «Пропишись на мартене». А я ей: «Прописался бы, да домовой книги нет». Ребята у нас тут мировые. Мастер молодой, но хваткий. Вот и работаем вместе. Труд люблю. Газету домой выписываю одну, и та «Труд». Скоро мартен наш пускать будут, приходите посмотреть.— И он неторопливо, по-медвежьи полез по лестнице вверх. Быть может, на отметку плюс сорок один. А через несколько дней ему довелось забраться еще выше.

Случилось это в день пуска первой мартеновской печи. На строительстве был праздник. Приехал оркестр. Начались танцы. Тысячи резиновых сапог трамбовали глину под звуки фокстрота. Потом митинг. Торжественные речи. Поздравления.

Тогда-то все, кто пришел на праздник, увидели две маленькие фигурки, карабкавшиеся по лестнице, что вела к вершине стометровой трубы нового мартена. И вместе с ними по трубе медленно полз вверх красный флаг ударной комсомольской стройки. Его поднимал Степан Гайдай.

Где-то грянули «ура», где-то запели, где-то засмеялись и захлопали. А вскоре из новой печи в ковши хлынула стальная река. Она озарила цех своим солнечным пламенем, взметнулась праздничным салютом искр.

Вокруг печи на нескольких ярусах стояли совсем еще молодые люди, отсветы пламени выхватывали из темноты их улыбающиеся лица. Степан Гайдай был среди них и тоже улыбался.

Почему улыбались он и тысячи его знакомых и незнакомых друзей? Потому что думали об очень хороших вещах. А это у строителей совершенно секретно.

Copyrighted material

Рабочие выходят из шахты.

В таких казармах жили старатели.

ТРАГЕДИЯ Н

В. ВЛАДИМИРОВ

В Музее революции

Пятьдесят лет назад на фотографии ленских событий был наложен запрет. Царские чиновники и жандармы пытались скрыть их от народа. Некоторые негативы погибли.

Но этих подпольных разоблачающих документов оказалось больше, чем думали каратели. Спустя много лет фотографии собрались в старинном доме Музея революции в Москве.

Активный участник ленской стачки, член РСДРП большевиков М. И. Лебедев рассказал нам о бывшем политическом ссыльном В. П. Корешкове, который жил в районе Надеждинского прииска и занимался фотографией. Он самоотверженно снимал своим немудреным «Кодаком» в апрельские дни 1912 года. За отказ выдать жандармам негативы и фотографии Корешков был выслан в другой район Сибири.

...Пожелтевшие снимки — приисковая толпа в меховых шапках, полушубках, валенках. На помосте выступает член стачкома. А вот трупы у морга...

«Лена Голдфилдс Лимитед»

В наши дни это оживленный промышленный край. Ночью кругом бесчисленные россыпи огней. Поселки и города словно вырастают один из другого вдоль Витима.

Пятьдесят лет назад этот край выглядел по-иному. Это был заброшенный угол Сибири. Сообщение шло только по Лене и Витиму — летом на пароходах, зимой на лошадях. От Бодайбо до приисков ехали по железной дороге еще пятьдесят километров, пока среди тайги не вырисовывались деревянные вышки шахт, унылые домишки, казенное питейное заведение, полицейский участок. Вдали прочный каменный дом с солидной, золоченой вывеской: «Контора Ленского Золотопромышленного Товарищества» — «Лена Голдфилдс Лимитед». Сокращенно оно называлось «Лензото».

Сюда со всей России тянулись люди в засаленных куртках и стоптанных опорках, с котомками за спиной. Это были крестьяне-бедняки или уволенные с заводов рабочие. Они шли в золотую Сибирь, где, по слухам, нужны были рабочие руки.

«Главноуправляющий» приисками, бывший старатель Белозеров был колоритной личностью. «Природный ум, сметка, нахальство, полное отсутствие нравственных качеств — дитя иркутских подонков» — такую характеристику дал ему горный исправник этого же района. Любимая поговорка Белозерова была: «У меня работа должна идти так, чтобы от лошади остались хвост и грива, а от рабочего — нос да глаза».

Никакие нормы рабочего дня здесь не соблюдались. Даже подростки работали по 10 часов в сутки. Оценка дневного заработка определялась на глаз, по произволу смотрителя, который «ошибался» в пользу хозяев или брал взятки. Многие рабочие трудились в мокрых забоях, где с креплений лила вода. В конце смены выходили на сорокаградусный мороз мокрые с головы до ног и бежали за два километра в казарму.

Зарплату выдавали не деньгами, а купонами, которые в лавках «Лензото» обменивались на продукты. Делалось это для того якобы, чтобы защитить работников от торговцев, которые дерут втридорога. Но в лавке товарищества по купонам выдавались испорченная конина, хлеб, выпеченный с навозом, тухлая рыба.

Над рабочими тяготел второй пункт договора о найме: «Рабочие обязуются исполнять всякую порученную работу, повинуясь беспрекословно указаниям служащих, руководящих работами». Это означало добровольную каторгу.

В 1911—1912 годах на ленских приисках трудилось свыше восьми тысяч таких «каторжников». Над всем этим миром сияли золотые буквы «Ленского Золотопромышленного Товарищества», которое получало в год по 5—6 миллионов рублей чистой прибыли.

«Ленское Золотопромышленное Товарищество» в 1908 году заключило соглашение с лондонскими банкирами во главе с лордом Гаррисом. Акции общества, основанного на каторжном труде, распространялись среди британских финансовых тузов. В России главными акционерами были петербургские банкиры, Международный Банк, Русско-Азиатский Банк, граф Витте, министр торговли и промышленности Тимашев, вдова Александра III Мария Федоровна и прочие и прочие...

«Не пойду на работу»

29 февраля 1912 года на Андреевском прииске «Лензото» возникла стачка.

Повод был чисто экономический: в продовольственной лавке по купонам всучивали рабочим тухлое мясо.

Старатели прекратили работу и подали прошения. Просили улучшить снабжение, расплачиваться деньгами по действительному заработку. Указывали, что в лавке нужного товара зачастую вовсе нет и приходится брать что попало. Просили расширить больницу, чтобы доктор не выписывал на работу полубольных людей. Просили не вычитать из жалованья за пребывание в больнице.

В приисковом управлении слуги Белозерова возмутились: крамола! Вывесили объявление — кто в течение трех дней не станет на работу, будет уволен. Тогда забастовали все прииски. Был избран центральный стачечный комитет. Руководящую группу этого комитета назвали «Центральное Бюро» (ЦБ). Председателем его стал ссыльный большевик П. Н. Баташев, заместителем — Г. В. Черепахин, тоже большевик, приговоренный к каторге по делу о вооруженном восстании в Ростове. Позже в ЦБ вошли А. И. Петухов, М. И. Лебедев и другие революционеры.

Требования были выставлены умеренные: увеличить зарплату на 10—30 процентов и платить ее деньгами, улучшить жилищные условия и медицинское обслуживание, ввести восьмичасовой рабочий день, запретить труд подростков, озаботиться снабжением овощами от цинги и т. п.

Администрация немедленно ответила отказом. Рабочим был поставлен ультиматум — прекратить забастовку до 6 марта, тогда правление подумает о переговорах.

На приисках было несколько маловеров, которые предсказывали провал забастовки. Нашлись и меньшевики, которые призывали к капитуляции. Тогда большевики добились всеобщего голосования. Были поставлены рядом две бочки. На одной — надпись «Пойду на работу», на другой — «Не пойду на работу». Рабочие выстроились в очередь, и каждый бросал камень в ту или другую бочку.

Камни стучали, падая в бочки, и чем дальше, тем большая уверенность вселялась в членов стачкома. Результат оказался превосходным — в «Пойду» было опущено всего 17 камней. Соседняя бочка была набита до краев.

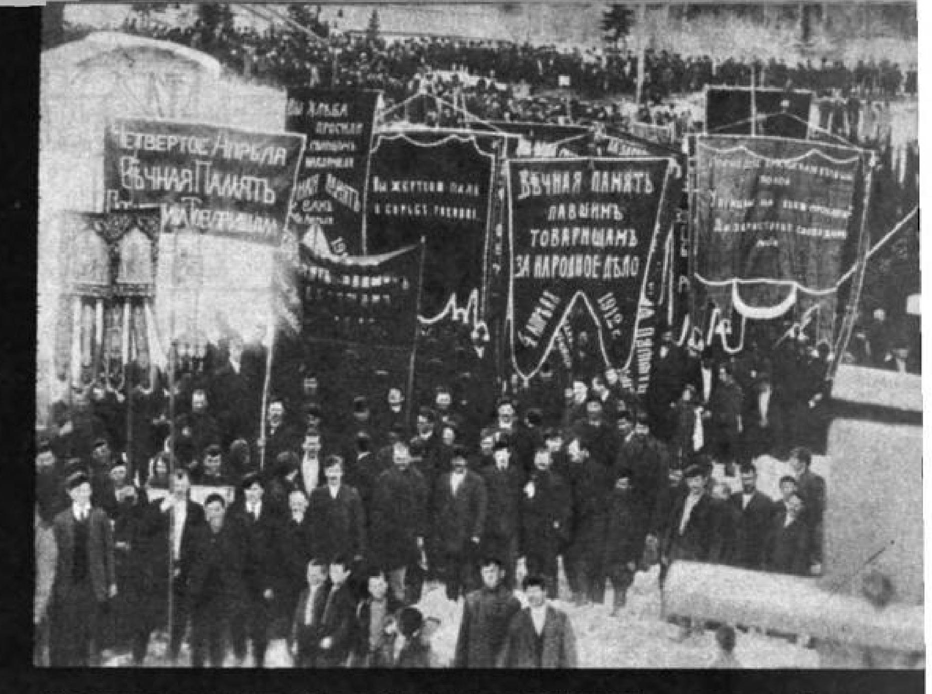
Во вторник 6 марта ни один человек не вышел на работу.

На приисках воцарилась тишина. Ни пьяных, ни гармошки, ни празднощатающихся. Никогда еще в царстве «Лензото» не видели такого порядка. У рабочих были суровые лица. Опытные приисковые надзиратели докладывали начальству, что дело серьезное...

В это время у мирового судьи собралось 1 199 исков правления

Copyrighted material

Морг Липаевской больницы не мог вместить трупы расстрелянных. Фото из фонда Музея Революции.


Траурная демонстрация рабочих Феодосиевского прииска «Лензото» в одну из годовщин ленского расстрела. Редкий снимок из фондов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

А РЕКЕ ЛЕНЕ

о выселении рабочих из бараков, и он начал выселять людей, обрекая их на смерть от голода и холода.

ЦБ посылало телеграмму за телеграммой: генерал-губернатору, в горное управление, в Государственную думу, в правление «Лензото». Ответа не было.

В конце марта на приисках появился жандармский ротмистр Трещенков, профессиональный палач. Были вызваны солдаты.

В ночь на 4 апреля арестовали членов стачечных комитетов на приисках.

Вы жертвою пали...

4 апреля огромная толпа рабочих рекой потекла на Надеждинский прииск, где жил прокурор. Большевики предвидели трагический конец этого похода. Лебедев, Милков и другие члены стачкома пытались объяснить рабочим, что прокурор и полиция затеяли провокацию. Но среди недавних крестьян еще жили наивные представления о походе «всем миром» за правдой. Толпа двинулась стихийно. Тогда большевики пошли вместе с рабочими.

На другом берегу ручья Аканак в ранних сумерках выделялась на фоне снега темно-серая шеренга людей. Это была рота солдат под командой штабс-капитана Лепина. При ней находился Трещенков.

Толпа приблизилась к замерзшему ручью.

— Господин штабс-капитан,— сказал ротмистр,— даю вам полномочие остановить бунтовщиков!

Штабс-капитан приложил руку в перчатке к козырьку.

— Рота, к плечу! — закричал он.— Сигнал!

Хрипло заиграл горн, сорвался... опять заиграл.

Окружной горный инженер Тульчинский сбежал с насыпи.

— Ребята,— кричал он,— стойте! Если остановитесь — стрелять не будут!

Первые его слова до головы колонны не дошли. Послышалось только «стрелять не будут».

— Идем, ребята! — крикнул кто-то.— Чего на них смотреть!

И тут штабс-капитан поспешно скомандовал:

— Рота, пли!

Неподвижная серая шеренга опоясалась огнем. В передних рядах кто-то охнул, заплакала женщина. Сзади кричали:

— Вперед, не останавливаться!

Бухнул еще один залп. Еще один...

Голос штабс-капитана потонул в хлопанье винтовок. Теперь солдаты вели огонь «пачками». Толпа начала растекаться по сторонам, задние остались на месте.

— Еще пли! — истерически кричал Трещенков.

Но солдаты прекратили огонь. У кого, может быть, патроны кончились, а кто и не в состоянии был больше разряжать винтовку в безоружных людей.

На пустыре осталась груда тел. Два часа место расстрела было оцеплено. Только к ночи пустили родственников. Подбежали женщины, начались причитания.

Через несколько часов по приискам скрипели возы с убитыми и ранеными. Больниц не хватало. 12 часов раненым не оказывали помощи.

Рано утром 5 апреля ЦБ отправило телеграмму в Петербург — Председателю Совета Министров. Подписал ее «избранный рабочих «Лензото» раненый Михаил Лебедев».

В тот же день Трещенков вывесил объявление: «Предупреждаю, что всякие сборища будут мною рассеяны... Для каких-либо переговоров предлагаю выбрать по два человека от прииска, но благонадежных, а не главарей».

Никто, однако, не явился для переговоров, а главари остались в подполье. Жандармский террор — «107 убитых и 83 человека раненых при 789 выпущенных патронах», по данным штабс-капитана Лепина,— не мог сломить волю ленских рабочих.

На самом деле, как сообщалось в телеграмме подпольного ЦБ в Государственную думу, убитых было 250 человек, а раненых — 270.

С непомерной наглостью Трещенков объявил родственникам убитых: «Хоронить можете, но если только хоть один человек начнет говорить речь или если кто-либо из толпы запоет, я открою огонь по всем. Вы будете оцеплены солдатами. Тогда придется всех хоронить».

Хоронили в вечно мерзлой земле. Вереница сосновых гробов плыла на плечах толпы. Все молчали.

В это время Трещенков и его подручные заняты были сочинением «версии», которая помогла бы им обелить себя. В наших руках донесение «начальника Бодайбинской местной команды» Лепина от 8 апреля 1912 года, хранящееся в Центральном военно-историческом архиве. Из донесения следует, что рабочие «Лензото» были чуть ли не первоклассными тактиками. Они якобы вели операцию против войск по сложному плану, имевшему целью постепенное окружение и уничтожение пехотной роты, и последним этапом была атака на строй роты с фронта, фланга и тыла. После первого залпа толпа якобы «с криком «ура!» — кинулась на войска»...

Нет сомнений, что этот документ создан под диктовку Трещенкова. Он распорядился конфисковать фотоснимки, засыпать золой пятна крови и разбросать среди мертвых колья, кирпичи и камни, чтобы инсценировать «попытку вооруженного нападения на власть».

«Так было, но так не будет»

В десятках городов рабочие ответили на ленскую трагедию забастовками, митингами и демонстрациями. До трехсот тысяч рабочих участвовали в движении протеста.

11 апреля в Думе выступил министр внутренних дел Макаров. «Так было и так будет впредь!»,— сказал министр.

На Витим была послана сенатская комиссия во главе с членом Государственного Совета С. Манухиным. Пытались склонить забастовщиков к переговорам. Но до приисков дошли уже вести о подъеме рабочего движения во всей России.

После многих месяцев забастовки рабочие «Лензото» так и не сдались. Все они, несколько тысяч человек, уехали с приисков.

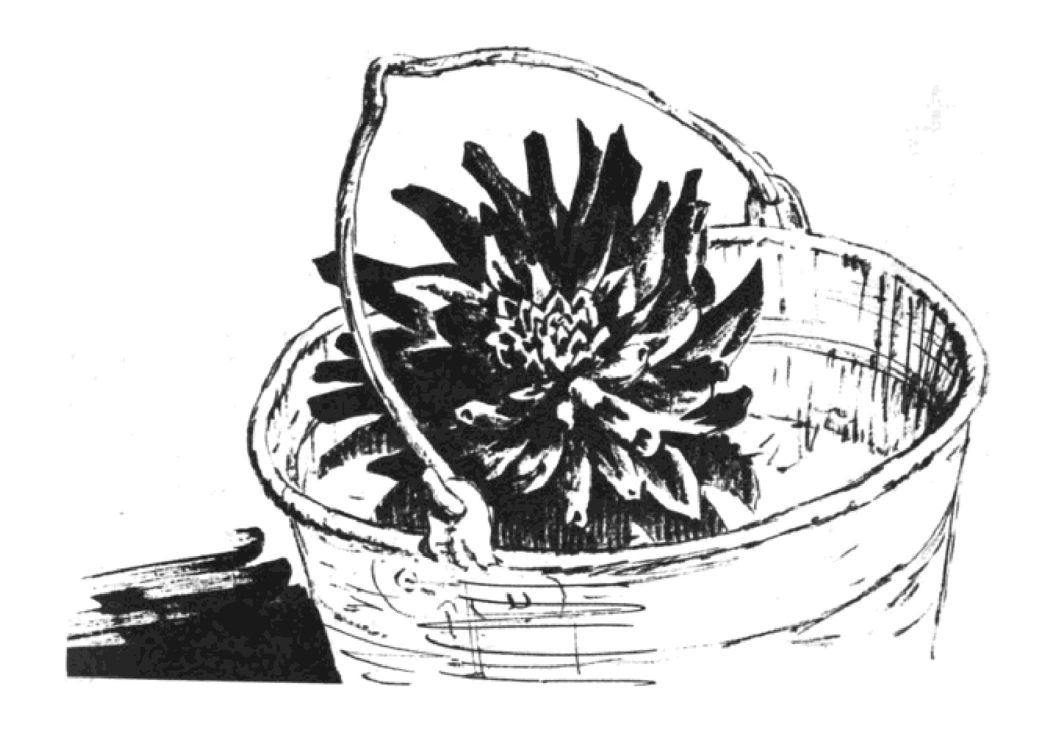
В 1913 году социал-демократы в Думе вновь внесли запрос о ленском расстреле. Он был разобран только через год. На трибуну поднялся большевик М. К. Муранов: «Апрельские ленские дни в Петербурге можно сравнить по силе движения пролетариата только с октябрьскими днями 1905 года, с теми днями, которые привели к созданию этой Думы, и этот протест рабочих разразился самой могучей волной после того, как министр Макаров заявил в этой самой зале, что «так было, так и будет». На эти слова министра пролетариат всей России сказал: «Так было, но так не будет»... От министра до палача всего один шаг». Последние слова в стенограмме Думы зачеркнуты.

В эти дни в Петербурге, по данным охранного отделения, бастовало 63 692 человека.

В. И. Ленин, отмечая этот новый этап рабочего движения, писал: «Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс».

Copyrighted material

СЕРЕБРЯНЫЙ МОСТ



Николай ГОЛОЩАПОВ

Рассказ

Рисунки О. КОРОВИНА

1

Бригада уезжала в полдень.

К автобусной остановке шли гурьбой. Сквозная пустынная улица казалась белой от зноя. Зной сушил гортани, ребята шагали молча и тяжеловато. Андрюшка Зайцев плелся впереди, тянул равнодушно:

Там в гавани, далекой гавани,
Там корабли зажгли свои огни...

Деревянный, с близкими окраинами городок не вызывал любопытства. Они шли по нему, будто старожилы, не оглядывая дома, на которых красовались резные наличники, ажурные, кружевные подзоры, а на окнах млели сквозь тюль огоньки герани. У каждого дома — сиреневый палисад, кустистый и блеклый от пыли, с желтоствольными акациями, с тополями, густо метелившими в июне пуховыми хлопьями: нельзя бывает открыть окон. У палисадов хохлились куры, глаза их застилала белая пленка.

Все было знакомым, словно бы виденным до приезда, и оттого, наверно, Платону Бахрушеву казалось, что городок не подвластен времени, напоен густой и тягучей дремой и дрему эту источают темные, сморщенные бревна вековых крестовиков, хотя подкатывалась середина лета, и белесые, горбатые улицы томились с утра и до самого вечера под пустым и блестящим небом.

Странно было думать, что где-то за горами, похожими на верблюжьи горбы, стальные пути громыхающих поездов и города, серебряные в зное и бронзовые от меркнущего предвечерья.

Там в гавани, далекой гавани,
Там корабли зажгли свои огни...

Андрюшка тянул тоненько и раздумчиво, не слушая себя. На перекрестке он свернул к Громотухе — ледяной речушке с галечным дном и гнутым стеклом воды там, где выступают зеленые камни, с берегами в оторочке желтой пены. Ребята направились следом и, когда остановились на берегу, посмотрели, как Громотуха, залитая светом, качает блики на швеллерах узкого подвесного моста. Мост был еще не крашен — в лишаистом налете ржавчины, синих жгутах электросварочных швов — и все-таки выглядел легким, почти невесомым. Иллюзию невесомости создавали двухдюймовые растяжки. По ленивой дуге они шли над рекой и стремительно сбегали от трубчатых столбов к швеллерам. Андрюшка поцокал языком, будто дивился на дело чужих рук.

— Вот это геометрия! — Он ступил пружинисто на металлический настил, и под его тяжелым шагом мост по-живому вздрогнул, а от стальной подковки на каблуке покатился легкий, певучий гуд. Андрюшка рассмеялся, покрутил пальцем у виска.

— А твой совнархоз, Платоша, на уровне. От сердца к сердцу напрямик, с материка на материк!..

Ребята рассмеялись, словно сказанное Андреем имело еще и другой, понятный только для них смысл, а Платон нахмурился, подошел к помощнику и опять заговорил о том же, о чем они договорились еще в гостинице:

— Приеду в понедельник. Дело не оставишь. Ты и сам понимаешь отлично.— Он чуть сердился, будто ждал возражения.

— Понимает, бригадир, он все понимает,— ответил за помощника веселый Зайцев и опять запел:

Я буду ждать, я буду Билли верной,
Пусть Билли крепче ставит паруса...

Все опять рассмеялись необидно, а помощник не возразил, улыбнулся молча. Платон Бахрушев совсем сердито посмотрел на Зайцева. Тот достал пачку «Севера», протянул ее всем:

— Пошабашим на прощание.

Все закурили, потоптались еще около моста, потрогали накаленные за день гайки растяжек, решили: будет стоять!

Помощник первым бросил окурок под каблук и, словно ввинчивая его, основательно втер в землю.

— А директор ничего, мужик свойский. Любит только на пушку брать. Да это ничего, думаю...— Он хотел еще что-то сказать, но не сказал, а только взглянул на новую заводскую трубу.

— Откуда ты про директора знаешь? — спросил Бахрушев.

— Да так... узнавал.— Помощник улыбнулся и неожиданно добавил: — А на цацу плюнь. Проживешь не хуже.

Андрюшка Зайцев притопывал на мосту, и мост гудел легко и певуче.

— Перестань пасничать! — крикнул помощник ему так, словно рядом уже не было бригадира.

Подошел кургузый автобус к остановке, и все бросились бегом, будто спохватившись и обрадовавшись, что можно уехать, быстро вошли, подталкивая друг друга в спины. Зайцев высунулся из окна, поискал глазами Бахрушева и крикнул: «Привет Ирочке!» Платон представил, как они там, в автобусе, все опять засмеялись, погрозил Зайцеву кулаком и направился улицей, почти сплошь затянутой конотопкой.

Он пересек площадь с узким четырехгранным обелиском, коновязью невдалеке, лохматой от лошадиных зубов, остановился около старухи, сидящей на приступке магазина. В ногах старухи стояло ведро, в нем плавали лепестки и два бордовых, почти совсем черных георгина. Платон склонился над ведром, из которого пахнуло стоялым духом теплой воды и скисшей зелени, поинтересовался:

— Отторговалась, Куприяновна?

— Пустое дело, милок. Пять букетиков за день — вся и торговля.

— Ну-ну, известны твои пять букетиков. Георгины-то почем?

— Продавала по полтиннику, а тебе, так и быть, по тридцать пущу.

— Дай-ка тот, что побордовее.

— Брал бы уж оба. Куда другой-то: не выбрасывать же.

Бахрушев добродушно усмехнулся:

— Продашь завтра.

— Разве что завтра,— быстро согласилась она и стала сливать воду из ведра.

А Платон свернул в проулок и вышел к тупику со щелистым забором, обвитым рыжей колючей проволокой. У ладного пятистенка подергал за ремешок щеколду калитки. Подождал. Пахло мятой. Зашаркали тяжелые шаги, щелкнула задвижка — и в притворе Платон увидел круглое, подпухшее от сна лицо Ири-

Copyrighted material

ниной соседки. Она осоловело посмотрела на Бахрушева, сдерживая зевок, сказала:

— А ее нету. С командировки не вернулась еще. И дома никого.— Увидела, как Платон перекатывает в пальцах хрусткий стебель георгина, усмехнулась: — А это, парень, ни к чему. Свои в палисаднике есть. Да и обувь ты бьешь напрасно: все равно уедешь. Много вас, командировочных.— Она захлопнула калитку.

Платон постоял еще в раздумье и пошел в гостиницу. По центральной улице проплыл, покачиваясь, кургузый автобус, и кинувшаяся наперерез ему собачонка задохнулась в пыли, жалобно тявкнула и убралась в подворотню. Тянулись каменные лабазы, со створчатыми дверями и такими же ставнями, почему-то сплошь покрашенными в темно-зеленый цвет. На этой улице он впервые встретил Ирину. Она шла навстречу, предзакатное солнце просвечивало ее волосы, и они, легкие, казались воздушными и светились сами. Он невольно замедлил шаг. Ирина заторопилась и прошла как-то скованно, оттягивая носок узкой светлой туфли к земле. Тогда он не успел даже толком разглядеть ее удлиненного, скуластого лица с большим ртом, а только мельком взглянул в глаза, которые тоже были как бы пронизаны светом, точно тяжелая, черная вишня.

С той встречи Платон и зажил в светлом ожидании радости. Вечерами он прогуливался по центральной улице, а по утрам просыпался ясным и легким, спрашивал себя: «Что же случилось?» — улыбался и не находил ответа. Просыпался рано от хриплой и звонкой переголосицы петухов, надрывавшихся на весь городок, и, еще не открыв глаз, искал лицом солнце, теплое и щекочущее кожу.

Кровать Платона стояла у самого окна, он тянулся к нему, толкал створки и видел внизу глухой чистенький дворик, наполовину скрытый тесовым навесом, сияющий окнами флигелек, в котором жила старуха с одинокой дочерью.

Старуха с подоткнутым подолом по утрам кормила кур. Оглашенно кудахтая, те устремлялись к ее темным босым ногам, сухим и подевичьи маленьким. Она бросала из подола зерно, громко кричала: «Тише вы, окаянные!» — наливала в деревянное корытце воду и скрывалась в полутемных сенях, где в это время умывалась дочь.

Дочь, такая же поджарая, как и мать, каждое утро в глубине сеней мылась до пояса. Когда она склонялась под струей рукомойника, Бахрушев смотрел на ее узкую и подвижную спину с глубокой ложбинкой, на округлые, розоватые на косточке локти и небольшие, крепкие пястья плещущих воду рук. Он уже знал, что она, крепко растеревшись полотенцем, мелькнет в кухонном окне, а вскоре выйдет из флигелька с голубой сумкой, вдоль которой белыми крупными буквами значилось «Аэрофлот», и не появится до самого вечера.

Платон выбрасывал ноги из-под легкого одеяла, стремительно и как-то радостно залезал в брюки, торопливо надевал рубашку и мчался на заводской пруд, сонный и дымный от призрачной молочности тумана, но уже весь сквозь этот туман голубизной и солнцем. Там бросался с осклизлых плотков вниз головой, вмиг ощущал, как под обжигающей прохладой воды из тела уходил сон, бил ногами и быстро достигал песчаного и уж совсем холодного дна. Выскакивал обратно полузадохнувшись, с вытаращенными глазами, в которых еще стыла ознобная глубинность пруда, и бросал стремительные саженки к дальним плоткам.

Он возвращался, заходил в домовитый, вкусно пропахший залец чайной, садился за столик с льняной скатертью, букетом бумажных салфеток в граненом стакане, ждал, когда принесут прямо на скворчащей сковородке глазунью с тающими кусочками сала, сметану с сахаром, чай. Все это съедал и выпивал за пять минут и спешил на улицу. А спешить было некуда — ребята только начинали умываться... И все это время где-то глубоко внутри жила в нем радость. Он опять думал: «Что же происходит?» Но было только утро, дымный пруд, старуха с темными, маленькими ногами и бестолковым хороводом кур и была еще ее одинокая дочь с узкой обнаженной спиной.

Ирину он встретил через неделю у кинотеатра.

До окошечка кассы оставалось два человека, когда Платон, оглянувшись, увидел ее в конце очереди. Его подтолкнули, он шагнул, наклоняясь к зарешеченному проему, и взял два билета. Протягивая Ирине бумажку в лиловых штемпелях, коротко сказал:

— Это вам.— И зачем-то соврал: — Билетов уже нет, а картина отличная.

Ирина слабо улыбнулась, и он обрадовался: не отказалась!

В полночь начался ливень без взблеска молний, без грома. Платон с Ириной сидели на хлипких перильцах крыльца. Прислушиваясь к водопадному шуму, Ирина спросила:

— Как же вы пойдете?.. Теперь до самого утра будет лить.

Платон свесился с перил, сунул руку в упругий поток воды.

— А я разденусь, прыгну — и вынырну у гостиницы.

— Я же серьезно спрашиваю,—сказала Ирина с легкой укоризной.

Он взял ее за кисти, подержал на весу.

— Наверно, твоя рука должна быть крылом,— непонятно рассмеялся и поднес ладонь к губам — ощутил все ту же сырость ливня и слабое тепло кожи, пахнущей горьковато.

Ирина притихла, отодвинулась в угол, а потом скользнула за дверь.

— Подождите. Я сейчас.

Вернулась она нескоро, молча потянула Платона за рукав в пахучую кромешную тьму сеней. Открыла боковую дверь, за которой колебалось желтое пламя свечи, пояснила:

— Это у нас чулан, но здесь чисто. Проходите. Утром я вас разбужу.

Платон шагнул в каморку. В маленькое, без стекла окошечко залетали брызги. За стеной брякнула накидка, брошенная на пробой. Платон толкнулся обратно плечом, но услышал за дверью тихий смех:

— Не буянить. Спокойной ночи.— И она ушла.

Он взъерошил волосы, двумя ударами поднял подушку к потолку, бодро и некстати запел:

Я люблю тебя, жизнь,
И, по-моему, это взаимно...

Суматошно забилась вокруг свечи мохнатая бабочка, и тень ее прыгающими пятнами заслоняла стены. Мерцала запотевшая узкогорлая кринка с молоком, прикрытая краюхой хлеба...

В постели Платон ворочался и все не мог уснуть. Зарывался головой в подушку и, вспоминая, улыбался тому, как Ирина вначале притихла, отодвинулась в угол, а потом скользнула за дверь и долго не возвращалась, как она ввела его в боковушку и, ни о чем не спрашивая, закрыла на пробой: «Здесь чисто, утром вас разбужу»... Ему думалось тогда, что Ирина в ту ночь должна была видеть самые детские сны — легкие и светлые. Обязательно легкие... Потом он обжигал спички и принимался чертить на сигаретной пачке; утром он должен был дать ответ: будут они с ребятами строить мост через Громотуху или нет? Каждый год на мелководье перебрасывали с берега на берег хлюпающие доски, а когда начинались дожди, доски сносило. Вот и к утру доски снесет, как обычно. И когда парни вечером пойдут во Дворец культуры, они опять будут разуваться, закатывать брюки выше колен и на руках переносить своих подружек. В городке смеются: не одну пару повенчала Громотуха... Платон сжег все спички. Из окошечка все так же летели брызги, а за стеной до утра стоял мерный, неопадающий шум ливня...

Наутро Бахрушев, будто не замечая хитроватых перемигиваний ребят, сказал как бы между прочим:

— Будем строить.

Зайцев подозрительно покосился, глянул на замолкших монтажников.

— Тебя ночью уговорили, бригадир?

Бахрушев не ответил. Зайцев рассердился, с издевкой спросил:

— Опять философия о жизни на земле?..

Платон стоял, засунув руки в карманы, покачивался с носка на пятку и улыбался.

— Что ты молчишь, как Будда? Я деньги приехал колотить. Какой я мостостроитель? Мое дело — сменить заводскую трубу.

— Подожди, не паникуй, Андрюха.— Платон был добродушен и миролюбив: он давно знал Зайцева.— Мост будет отличный. Прямо как в Москве. Я уже придумал.— Он потряс пустой сигаретной пачкой и добавил: — Людей надо радовать. Понимаешь, Заяц ты этакий!.. Надо их радовать!..

— Эх ты! — Зайцев крутанул пальцем у виска и безнадежно махнул рукой.— Блаженный...

И вот мост построен. Бахрушев добьется у коммерческого директора алюминиевой краски — мост станет серебряным, тогда он приведет к нему Ирину.

2

Гостиница горкомхоза занимала верх двухэтажного дома. Бахрушев поднялся по скрипучим, окантованным полосками железа ступеням и вошел в прохладный после улицы коридор. Стучали костяшками домино. Дежурная — щупленькая женщина в юбочке с разрезом — говорила по телефону: сыпала все те же, что и утром и в полдень, короткие, странные фразы.

— Кошмар! — воскликнула она, мило улыбаясь Бахрушеву.— Ужас какой! Что?.. Нет, не стреляют. Это домино... Боже мой, глупости! Доми-но-о, доми-но-о,— вдруг запела и засмеялась она.

Бахрушев приостановился и неожиданно для себя положил вдруг на ее столик тяжелый георгин и, не глядя, как она восхищенно вскинула скобочки бровей, пошел на стреляющие звуки, думая: «Все-таки нет худа без добра. Сколько хлопот прибавится бедной женщине, окажись в городе АТС».

В комнате брился Василий Семенович. Он вытягивал перед зеркальцем шею и со скрежетом скреб массивные, будто кованые челюсти. За столом пристроились «мушкетеры» — три неудачливых снабженца. Били с маху чер-

ными костяшками, и в комнате не замирал сухой треск, подобный выстрелам. Мушкетеры давно прижились, и Василий Семенович любил им говорить: «Вы так и водку разучитесь пить». Те хмуро отмалчивались.

Бахрушев выдвинул из-под кровати чемодан и достал паспорт и командировочное удостоверение.

Вошел знаток копировальных станков — длинный, костлявый парень с острым и печальным носом, весело вскинул руку:

— Привет ихтиозаврам!

Василий Семенович скосил глаза и страдальчески произнес:

— Милое ископаемое, скажите вы этим рыцарям кооперации, что в наш век космических кораблей транжирить время — сущее самоубийство.

— Мушкетеры, слышите?

Снабженцы стукнули еще по разу, переглянулись и стали медленно и нехотя подниматься из-за стола. Парень весело рассмеялся:

— Они не безнадежны.

Василий Семенович прочистил мизинцем ухо и устало вздохнул:

— Только это и утешает.

Все были в сборе. Не пришел только молчаливый старик, занимавший угловую кровать. Он был совсем стар; седые, короткой стрижки волосы отливали уже крепкой желтизной, а сухая кожа свисала со щек складками. Старик любил домовитость — на угловой тумбочке всегда в одном и том же порядке лежала массажная щетка для волос, стоял флакон «Шипра» и в плексигласовой подставке — фотография молодой улыбающейся женщины. Когда Василий Семенович впервые увидел фотографию, он строго произнес:

— Отныне, товарищи, в нашей комнате чтоб ни единого слова по Волге-матушке.

И было неясно: то ли он по-своему издевался над молчаливым человеком, или говорил серьезно.

По вечерам старик приходил последним и пил чай. Аккуратно раскладывал на коленях салфетку, ел тонкий бутерброд с сыром и подолгу смотрел в лицо женщины, помаргивая увлажненными глазами. Выпивал он два стакана некрепкого чаю, стряхивал крошки в полоскательницу, укладывал салфетку по устоявшимся складкам и ложился в постель, натягивая одеяло до ушей, заросших пучками волос. Держался старик так, словно жил в пустой комнате, и это немного обижало всех и отталкивало от него.

Из раскрытого окна несло нагретым железом крыш. Платон выглянул. Внизу, в чистеньком дворике, босоногая старуха подкладывала щепки под задымленный таганок и, стоя на коленях, дула, багровея темным лицом. Под окнами флигелька цвели анютины глазки, бархатистый зев, на отшибе сбился в кучу буйный, белоголовый с прозеленью душистый табак.

Василий Семенович задал свой обычный вопрос:

— Ну как, рыцари, сообразим по маленькой?

Мушкетеры промолчали. Платон быстро вышел, намереваясь непременно застать коммерческого директора сегодня.

Тесноватая приемная была пуста, но за дверью слышался голос, и Бахрушев решительно шагнул в длинный и узкий, словно коридор, кабинет директора. Узкоплечий человек с большой, наголо выбритой головой говорил по телефону и часто кашлял. Кашель был надсадный, со звоном, словно треснуло что-то в его горле. Он натужно клонился к столу, и тогда багровела жилистая шея, вспухали на впалых висках вены и тонко розовело глянцевое широкое темя. Платон спокойно и прочно сел на стул. Единственное окно выходило на север, солнце не заглядывало круглый день, и оттого в непрогретых углах кирпичных метровых стен таился промозглый дух, оставшийся, казалось, от затяжной весны.

Директор бросил трубку и на просьбу Платона только неприязненно фыркнул. Бахрушев достал сигарету и, выжидая, закурил. Сигарета оказалась слабой набивки, и он, снимая с кончика языка табак, поморщился.

— Что ты гримасничаешь? — не выдержал наконец директор, но опять закашлял и сжал губы, стараясь сдержать горячие, щекочущие толчки в горле. Глаза его наполнились влагой, он смотрел сквозь эту влагу на Бахрушева напряженно и зло, потом задышал с сипом, как загнанный, откидываясь на спинку стула, заговорил насмешливо и устало:

— Алюминиевой краски захотел. Тоже мне, сказочник нашелся: серебряный мост подарить решил... Я на тебя еще в суд подам! Швеллеры украл, а двухдюймовый прут?! Все это, знаешь, чем пахнет? Не знаешь, так я скажу. Небо в клеточку видел, нет? Увидишь! Увидишь, мой милый сказочник...

Директор двинул стулом и потянулся с граненым стаканом к сифону. Бахрушев, спокойно улыбаясь, следил за его сухой кистью — разговор складывался так, как ему и предсказывал помощник. Как можно мягче сказал:

— Швеллеры ваши, Евграф Силиверстович, крапивой заросли. Обстрекались ребята, пока их вытащили. До второго пришествия бы им храниться, а тут польза людям.— Как и директор, он старался говорить чуть насмешливо и спокойно.

— Надо еще уточнить, о каких людях ты думал. В нашем городке, как на ладони, все видно. Твое дело — трубу было поставить. За это спасибо. А ты — мост, да еще с выкрутасами. Двухдюймовый прут на растяжки пустил... Мы еще кое-кому накрутим тут хвост! Как пить дать, выговорок схватят!

Бахрушев весело рассмеялся и подумал: «Перепуган он, что ли? Мутит воду, как каракатица». Тот блеснул на него из-под бровастого подлобья:

— Над чем смеешься?

— Весело. Юмор процветает.— И, разглядывая меркнущий, уходящий под пепел уголек сигареты, заботливо добавил: — Температура у вас, Граф Силиверстович. В постель вам надо. Водки с перцем — и в постель.— Он поднял глаза, оглядывая кабинет.— В этом склепе вы окончательно себя доконаете.

Теперь рассмеялся директор.

— Подлизываешься. Полагаешь, растрогаюсь.

— Да нет, Граф Силиверстович. О людях по себе не судят.— Бахрушев поднялся.— Я в завком пошел. Говорят, в промкомбинате есть такая краска. Обещали помочь.

— Побираться решили?

— А что делать? — Бахрушев простодушно улыбался.

— Гордости у вас нет, вот и решили попрошайничать. К чужому дяде бежать... Эх, не такими мы были.— Он открыто взглянул на Бахрушева и признался: — Всыпать я хотел тебе за швеллеры. Жаль, не удалось. Знал бы, как своевольничать. Да ладно. Забирай свою краску и топай, пожалуйста, не позорь наш завод. Надоел ты мне.

— Да и вы мне вроде радости не доставили.—И они смотрели друг на друга открыто, сжимая подрагивающие от улыбок губы. Бахрушев взял подписанное требование на краску и помахал им в воздухе.

— А все-таки вы хороший человек. Пугать вот только любите.

Директор махнул рукой:

— Иди, иди... Больше ничего не выпросишь.— И, когда Бахрушев был у двери, крикнул вслед: — Зайди в малярный цех. Пусть дадут людей и сегодня же покрасят твой мост.

Малярам Бахрушев обрадовался, и когда шел с ними до моста — с двумя молчаливыми парнями в негнущихся от краски и потому точно железных штанах, громко шаркающих при каждом шаге,— то предложил им сигареты и почему-то вдруг вспомнил о своей бригаде — какие в ней, оказывается, хорошие ребята, как они умеют работать, если надо. Парни закурили по сигарете и тут же закашлялись.

— Трава,— сказал один из них.

— Смерть мухам,— вежливо уточнил второй и достал из кармана своих железных штанов пачку «Прибоя».

Бахрушев замолчал и только у моста спросил:

— К ночи покрасите?

Парни вприщур, оценивающе глянули вдоль настила.

— Раньше успеем.

Платон подождал, надеясь еще что-нибудь услышать, но маляры молча потащили ведро с краской на другой берег, и он решил вернуться в гостиницу. Пошел низким травянистым берегом в сторону заводского пруда, миновал бревенчатую запруду в зеленой пряже шелковицы. От запруды потянулись приколы, дощатые плотки, огрузшие в воду. На теплой луженой глади пруда уже выстраивались вдалеке лодки рыбаков.

Дела были закончены, и ему подумалось, что, может быть, оставался он совсем без толку — мост покрасили бы и без него, если бы сочли нужным. И не обязательно алюминиевой краской... Он сел на землю. От воды не было свежести. Пахло нагретой пылью. Даже сейчас, когда дневной жар спадал, припекало шею и лопатки и было жарко оттого, что в воздухе все еще стояла глухота дня. Мост был виден, и Платон все посматривал на него, стараясь представить, каким он будет после покраски — серебряным и совсем воздушным. Может, люди, приезжающие сюда по делам разной важности, уехав, станут лучше помнить этот городок, темный и деревянный. Да и жители полюбят его. А может, и нет. Иринина соседка, наверно, до старости будет равнодушно и тяжело топать по его гулкому настилу. Не всякая ведь жизнь делает чутким сердце человека...

Платон поднялся. На закате оплавлялась синева гор, и пруд до краев заливало малиновым светом. Контуры рыбачьих лодок становились чернее и четче. Бахрушев свернул на центральную улицу. К вечеру в городке начинало сладко пахнуть березовым дымом, у ворот судачили на скамеечках женщины, и постепенно наступала такая тишина, что звук щеколды доносился с окраины...

3

Утро выдалось чистое, с родниковой прозрачностью воздуха, с высоким сквозным дымом сизых облаков. Когда Бахрушев, толкнув створку, свесился из окна и глотнул полной грудью, у него заколотилось сердце, и он прикрыл глаза. Где-то брякнуло и зазвенело, покатившись, ведро, потом послышался тонкий железный скрип ведерных дужек о крючки коромысла.

Во дворе флигелька босоногая старуха пропалывала грядки. Квохча, бродили по двору куры. Царственно вышагивал золотой петух с платиновым хвостом. Из сеней послышалось требовательное:

— Мама, оставь, пожалуйста, я все сама сделаю.

Дочь выскочила в купальнике, и старуха испуганно замахала руками:

— Куда, бесстыдница, вот ожгу крапивой, узнаешь!..

Бахрушев, посмеиваясь, стал одеваться. Когда он вышел из гостиницы, в тени влажно серел непросохший от росы песок. У магазина из ведра Куприяновны торчали метровые стебли гладиолусов. Люди входили и выходили, не задерживаясь около старухи, и только парень в спортивной клетчатой рубашке навыпуск нетерпеливо топтался возле, сжимая тоненькое запястье девчушки, которая сердито выговаривала:

— Да ты что, бабушка! Полтинник за цветочки! Два цветка — полкило мяса.

Куприяновна отвечала смиренно и медоточиво:

— Краса от них, миленькая,— душе благость. А не хошь — неволить не буду. Не доросла, значит, до настоящего понимания.

— То-то я вижу, ты уж очень доросла. Вот и живодерствуешь. Обираешь простого человека.

Парень тянул девчушку:

— Оставь ее, божью коровку.

Куприяновна уже не слушала. Она увидела Бахрушева и зачастила:

— Не засти, не засти света другим. Сама не берешь,— добрым людям не мешай.

Бахрушев долго выбирал первозданной свежести и белизны гладиолусы, вытянул два и завернул их в газету. Парень, сердито пошептавшись с девчушкой, нахмуренный, склонился над ведром. Платон сунул цветы под мышку, словно банный веник, и взглянул на часы — шел только десятый час.

Он промял заметную тропинку в траве вдоль щелистого забора, пока решился дернуть за ремешок щеколды. Ирина встретила по-будничному, без улыбки, провела в горницу с высокой кроватью, к которой можно приставлять для удобства лестницу-стремянку, взяла, ви-

Copyrighted material

димо, недочитанное письмо. Платон положил перед ней цветы, тихонько присел на краешек стула и терпеливо поглядывал на сосредоточенное лицо Ирины, на фольговых голубков в простенке, запрятанных под стекло, и все ждал... Ирина прочитала и долго смотрела в окно, заставленное геранью и горшочками алоэ, потом обронила:

— Скоро брат приедет. С женой и сыном.— Вздохнула, скучно спросила: — Куда пойдем-то?

Платон пожал плечами, и она будто пожаловалась:

— Шить мне надо. А то ходим, ходим... Так и жизнь пройдет.

В обед, когда все глохло от жара, они шли в городской сад. В тягостном молчании дошли до сада, побродили по аллее с горячей зеленью лип, заглянули в пыльную и гулкую от пустоты раковину эстрады, потом присели на веранде буфета у балюстрады за столиком с мраморной доской. Ирина ела пирожное, запивала его теплым малиновым напитком. Платон цедил сквозь зубы из литой кружки хлебный квас, сладковатый от солода, но ядреный и настолько холодный, что немело горло. За буфетной стойкой щелкала семечки женщина. Кожура падала на высокую грудь, копилась там и с тихим шорохом скатывалась на мокрую столешницу. Бахрушев отвел глаза от буфетчицы и заговорил, словно затосковал о налаженном уюте семьи:

— Покойно здесь живут люди. В домах пахнет печеным хлебом и щами, в горницах безлюдно, прохладно, фикусы в кадках с этакими отштампованными листьями с ладонь. Стоят высокие комоды, на них духи «Ландыш», ракушки морские, оранжевые изнутри. А на полах — половики, рябые, теплые... Хорошо.

Ирина доела пирожное и, вытирая пальцы шелковым платочком, сказала просто и неожиданно, как о давно решенном:

— Вот и оставайся у нас. Жить будем. А так, что... Всю жизнь перекати-поле.

Бахрушев обиделся, грубовато ответил:

— Каждый по-своему с ума сходит.

— Ладно, если не перекати-поле, так перелетная птица. Гастролер. Все равно одно и то же. Там полгода, тут месяц, а жизнь идет.— Нервно засмеялась: — Дай-ка лучше висок — седой волос выдерну.

«Жизнь идет — не страшно. Страшно другое...» Бахрушев наклонил голову и, поморщившись от боли, пошутил:

— Вот еще полгода могу ходить юношей.

— Ходи.— Ирина отвернулась, сказала усталым голосом: — А там какая-нибудь дура вроде меня выдернет следующий.

— Зачем дура? — Платон потянулся к ней и положил руку на ее горячие и узкие плечи.— Ты и выдернешь. Поехали со мной.

За крайний столик сели мужчина и женщина. Ирина молчала, Бахрушев разглядывал столешницу, ощущая тягостность молчания. Мужчина сходил и взял розовое, льдистое мороженое. Придерживая бумажный стаканчик рукой, женщина заговорила:

— Они хотят, чтобы я взяла еще и копировальную и светокопию. Я знаю, почему они этого хотят. Но я не буду так делать...

Мужчина склонил голову с лоснящимся пробором и, едва касаясь, погладил кисть ее руки.

— Правильно, милая. Жизнь необычайно мудра тем, что рано или поздно она все ставит на свое место.

— Нет уж, по мне, так предпочтительнее самой все поставить на место,— чуть раздраженно и язвительно ответила она.

Бахрушев взглянул на Ирину. Отводя взгляд, Ирина спросила:

— Жить в большом городе? — Она сидела облокотившись, вертела в пальцах алюминиевую ложечку.— А что там — домà, камень да асфальт. Летом пекло, а зимой... Закатов — и тех не увидишь.

— Закатов?.. Там зори такие, что и по ночам не гаснут! — Платон рассмеялся: «Предпочтительнее все самому ставить...»

Ирина говорила вяло, как заученное и малоинтересное:

— Ученые говорят: пыль от асфальта и резины на легкие садится и не выдыхается обратно. А машин в городе уйма, и пыли от них столько же Да и не верю я тебе. Мечешься по земле — монтажник!..

— Не веришь?! Как же это? — Он растерянно смотрел на нее и так же растерянно думал: «Волосы солнцем пахнут и будто светятся даже, глаза блестят... И — не верит...» Почувствовал, как тяжелой и чужой стала рука, лежащая на ее плечах, убрал, стараясь заглянуть в удлиненное лицо с большим ртом.— Я же рабочий. Понимаешь? Землю кому-то надо устраивать, чтоб сподручней жить было, чтоб город ваш дымом не заволакивало, чтоб...— Он потянулся к сигарете и, ломая спичку, закурил.

Ирина сидела все так же, чуть опустив голову, и все так же машинально вертела ложечку в коротких, припухлых пальцах.

— Ты не сердись. Только что ж... Не ты, то другой с бригадой приехал бы и сделал. И... и так же бы уехал, как ты...

Мужчина и женщина прошли мимо. У нее было чуть отечное, бледное лицо, а шаг — упругий и легкий.

— Не могу я. Мать у меня. У ней куры здесь. Корытце и то дорого... А тут вдруг— снялись и поехали. Да и куда? Куда?..

Бахрушев провел рукой по глазам. Он пристально и удивленно, словно заново, посмотрел на Ирину: «Как же это она решилась приютить меня в дождь?..»

— Нет, мотаться за тобой по земле я не хочу. Она, земля-то, вон какая... Жизни не хватит, чтобы объехать ее вот так, как ты. Не только устроить. Нет, не для нас это с мамой...

За стойкой, все так же безучастно ко всему, щелкала семечки буфетчица — сыпалась с ее высокой груди кожура на мокрую столешницу. И сейчас Бахрушеву все это показалось странным: и то, что за буфетной стойкой женщина была ко всему нема — подать, взять деньги, и все,— и то, что она так ловко и машинально щелкала, оставляя кожуру на губах... Он сидел и думал, что все эти доводы Ирины — ерунда. Ерунда именно потому, что они слишком продуманны и трезвы. Когда любовь, тогда все, весь мир, вся земля ею заполняется и никакие куры, никакое корыто, ничего... Все — любовь.

Он не знал, о чем еще можно говорить, да и говорить ничего не хотелось, потому сказал:

— Я сегодня уезжаю. Вечером.

Она вздрогнула и поспешно ответила:

— Да-да, я знаю. Вернее, догадываюсь.

Расстались они на площади, около узкого, четырехгранного обелиска. Куприяновна сидела теперь у низкой кованой оградки, и клиновидная тень обелиска острым концом упиралась в ее широкую, крепкую спину. Бахрушев, не оглядываясь, быстро дошел до гостиницы, махом поднялся по скрипучим, окантованным полосками железа ступеням, порывисто открыл дверь номера.

За столом сидел Василий Семенович и мушкетеры. Перед ними стояла початая бутылка «Столичной». Знаток копировальных станков читал газету, пристроившись боком тут же, около стола. Он поднял голову и, заговорщически подмигнув, обрадованно сообщил:

— Они уже в плотных слоях атмосферы — третью бутылку глушат.

Бахрушев махнул рукой.

— Сгорят.— И постарался боком протиснуться между кроватями и спинками стульев.

Его ухватил увесистой и горячей рукой Василий Семенович, потянул к себе.

— Садись! Выпьем за мост,— с ухмылкой восхищенно погрозил вдруг мосластым пальцем: — Мудрец ты рода человеческого!

Платон вдруг вспомнил: так и не сводил он Ирину к мосту. Да теперь все равно. Она ведь не заговорила даже об этом. Он мягко высвободил рукав.

— Настроение не праздничное. Извини.— И стал укладывать чемодан.

Знаток копировальных станков, не поднимая головы, шуршал газетой, а Василий Семенович строго спрашивал мушкетеров.

— Снабженец — кто? — Его крупные глаза от водки стали воловьими, и смотрел он тяжело, не мигая.— Снабженец — это талант. А снабжение — высшая математика. Дважды два тут не пойдет...

Бахрушев прихлопнул крышку чемодана, поставил его в ноги и сел на кровать. С поездами, говорят, иногда бывают крушения, и сегодня ночью, наверно, такое случится... В окно тянулся длинными прядями табачный дым. Василий Семенович, упершись в стол сильной грудью, разбросил локти ширококостных рук и все говорил и говорил помалкивающим, улыбающимся ему снабженцам:

— Профессия ваша исключительная. Прямо уникальная. На инженера вот можно выучиться, а снабженцем надо родиться. Да, родиться!

Парень восхищенно покрутил головой.

— Вот дает! — Он растянул тонкие бледные губы под острым печальным носом, согласился: — Конечно, надо родиться. Для вас даже институты не созданы.

— Вот именно.— Василий Семенович долго нюхал хлебную корочку, трудно жевал жесткую красную колбасу.— Институты не научат такому делу. Вот у него,— он кивнул через плечо на поднявшегося Платона,— все просто: приехал с бригадой, поставил трубу, захотел — сварганил мост. Пожалуйста! Даже прокурор спасибо скажет. А у вас нет. У вас такие формулы встречаются, что посложнее пифагоровых штанов. Не задачка с одним неизвестным, а сама высшая математика!..

— Без интегральных вычислений не обойдешься.— Парень опять крутнул головой и посочувствовал: — Жаль только, совнархозы вам подрезали крылья. Но вы живучи!

— Они живучи! — вскинул голову Василий Семенович.

Бахрушев подумал, что лучше будет побыть

Copyrighted material

на вокзале. Протискиваясь мимо стола, он увидел: хотя и по-воловьи потяжелел взгляд Василия Семеновича, но он не был пьян. Он просто потешался над мушкетерами.

В коридоре у столика дежурной Платон остановился, доставая из газеты толстый том. Как-то в книжном магазине с погребным полумраком, где даже яркие плакаты утрачивали свою невыцветшую свежесть, он увидел словарь русского языка — толстенный том в ледериновом переплете. Вспомнил дежурную, как она, вытягивая трубочкой накрашенные губы, сладко тянет в телефонную трубочку: «У-у-жас»...— купил этот том, и потом они весь вечер смеялись с Ириной над его покупкой и над тем, как будет ошеломлена дежурная при виде такого странного подарка. И сейчас, выкладывая его на стол, неловко улыбнулся, мысленно ругая себя за дурацкий поступок, но все же сказал:

— Это вам. Читайте — бывает полезно,— и, видя, как удивленно и благодарно округлились ее глаза, быстро повернулся от стола, краснея и не слушая ответного лепета, и спустился по лестнице.

С севера ползли облака — размывчато-синие снизу, с ослепительно снеговыми, шевелящимися клубами на солнце. Бахрушев стоял у автобусной остановки и смотрел на мост. Вчера около него долго топтались ребята, трогали гайки растяжек, а на заводскую трубу, поставленную взамен прежней, изрешеченной от прогара у самого борова, взглянули только мельком, словно не ради нее приезжали они сюда, и в автобус сели довольные собой. Андрюшка дивился на мост, как на дело чужих рук: «Геометрия!»... Да, случается в жизни геометрия... Сегодня мост серебрился от алюминиевой краски и казался воздушным. Надо было все-таки привести к нему Ирину...

К остановке подошел с чемоданчиком старик, занимавший в номере угловую кровать.

— Уезжаете? — спросил он.

Платон молча кивнул, взглянув на него. Щеки старика были в мелкой и тонкой сетке красных жилок и с первого взгляда казались румяными.

— А я был у вашего моста. Да-а...— и неожиданно спросил: — Вы не москвич?.. Странно. Я почему-то думал — москвич. А я вот специально перед дорогой завернул. Слышал — говорили, а самому взглянуть все не было времени. Дела. Некогда подумать о чем-то другом, всю жизнь — разные дела.

— Да, да,— поддакивал Бахрушев, опасаясь, что он окажется попутчиком.

— Живем часто, как заведенный механизм,— слегка покашливая, говорил старик.— Но... вот я побыл у вашего моста; в общем-то не ахти что, а захотелось вдруг куда-нибудь поехать — куда глаза глядят — и почувствовать, знаете, этакую раскованность души. Вернешься, и, знаете, обязательно тебя чем-нибудь осенит таким вот, как у вас... Труба трубой, а тут — нате вам. Просто — от сердца...

«От сердца к сердцу напрямик»,— декламировал Андрюшка. Не получилось с сердцем. Геометрия... Настороженно спросил:

— А вы почему знаете, что от сердца?

Старик мелко рассмеялся:

— Я же бухгалтер-ревизор.

У остановки замер кургузый автобус, и шофер откинул дверцу. Наклоняясь к чемодану, Бахрушев увидел, как по низкому травянистому берегу к мосту шли двое. Она крепко опиралась на полусогнутую руку мужчины, и Платон невольно подался вперед: в ее осанке, некрупном шаге было что-то удивительно знакомое. Но шла вроде бы не Ирина. Сколько раз вот так он будет вздрагивать...

Из автобуса крикнул шофер:

— Ты уснул там, приятель?..

Бахрушев заторопился, неловко протолкнул чемодан в автобус и, когда сел, высунулся в окно. Те, двое, подошли к мосту и остановились. Наверно, они направлялись в верхнюю часть города, где был Дворец культуры и часто выступали приезжие артисты. Из-за тучи скользнуло солнце, и его первый луч ударил в Громотуху, зажигая ее горячими бликами и ослепительными искрами, и словно прошил мост. И мост будто качнулся в этом луче... Бахрушев окончательно разглядел, что это была не Ирина.

Челябинск.

Молодость

Евг. МАРКИН

В ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Г. Титову

Молодость
уходит
в мирозданье...
«До свиданья, люди!
Я лечу...»

Самые нелегкие заданья
юношам крылатым по плечу.
И они уходят курсом верным,
на прощанье жен своих обняв...

Посмотри, планета:
вот он, Герман!
Как он молод,
новый космонавт!
Как приветлив взгляд его открытый!
Русские спокойные черты...

Молодость
выходит
на орбиту,
на орбиту дерзостной мечты.
Это нам, плечистым и упрямым,
судьбы открывателей даны.
Мы из тех, кто росными утрами
поднимал просторы целины.

Мы из тех,
кто к звездам отдаленным
поведет корабль еще не раз...
И следят за нами удивленно
даже те,
кто мало верил в нас,
кто твердил, что шаг у нас непрочен,
кто привык заученно корить
наши вкусы,
поиски...

А впрочем,
стоит ли об этом говорить!
Уходя в космические шири,
расправляет молодость крыла,
чтоб свершить
невиданные в мире,
самые великие дела.
А сегодня
мы на новом старте.
И не потому ли
в звездный час
ты,
Коммунистическая партия,
сыновьями
называешь нас.

КУРСАНТЫ

Помнишь эту дату, старина?
«Газик» на обочине проселка,
дым костра,
лесная сторона,
да кричит в ложбине перепелка.
За палаткой — желтая стерня
с одиноким колосом усатым...
И сидели около огня
молодые, крепкие курсанты.
Как они похожи на солдат,
тех, что у днестровской переправы
ровно двадцать лет тому назад
падали в некошеные травы!
А теперь
под своды тишины,
чтоб отметить годовщину эту,

к ним пришел не ветеран войны,
к ним пришли рязанские поэты.
В час, когда густела синева,
мы читали трепетно и просто
самые заветные слова
о весне, невестах и березках.
Потому что вкопанный в снега,
скрытый ли осокою густою,
первым
поднимался
на врага
вспомнивший про самое святое.
Значит, память сердца не слаба!
На плацу, в бою и в карауле
нам нужны заветные слова,
как в затворах дремлющие пули.

Ленская быль

Евгений ГОЛЬСКИЙ

Лена, Лена!
Солнечные блики
и живые тени облаков...

Не спуская глаз с нее, великой,
уношусь я в глубь ее веков.
И, минуя с нею все невзгоды —
дикий голод,
кандалы
и тьму,—
подхожу к двенадцатому году,
как к большому горю своему.

Да, не где-то,
а вот здесь, на Лене,
может, возле яра вон того,
царские жандармы в исступленье
расстреляли деда моего.
И хотя мне слезы давят горло,
ни одной слезы не пороню,
потому что мной владеет гордость
за мою достойную родню.
Я еще восславлю непременно
каждого героя-земляка!..

Лена, Лена!
Ты ли это, Лена,
и твои ли это берега?
Ни избушек, латанных корою
и до самых труб заросших мхом,
ни острогов, обагренных кровью,
а дома добротные кругом!
И бегут к ней тропы и дороги,
хлестко прорываясь напролом
через пади,
долы
и отроги,
сквозь слежалый серый бурелом.
Да огни, заполонив собою
прииски,
поселки,
рудники,
навсегда слились
с большой судьбою
этой исторической реки.
Как они светлы, ее излуки!
Как на ней лучи зари горят!..

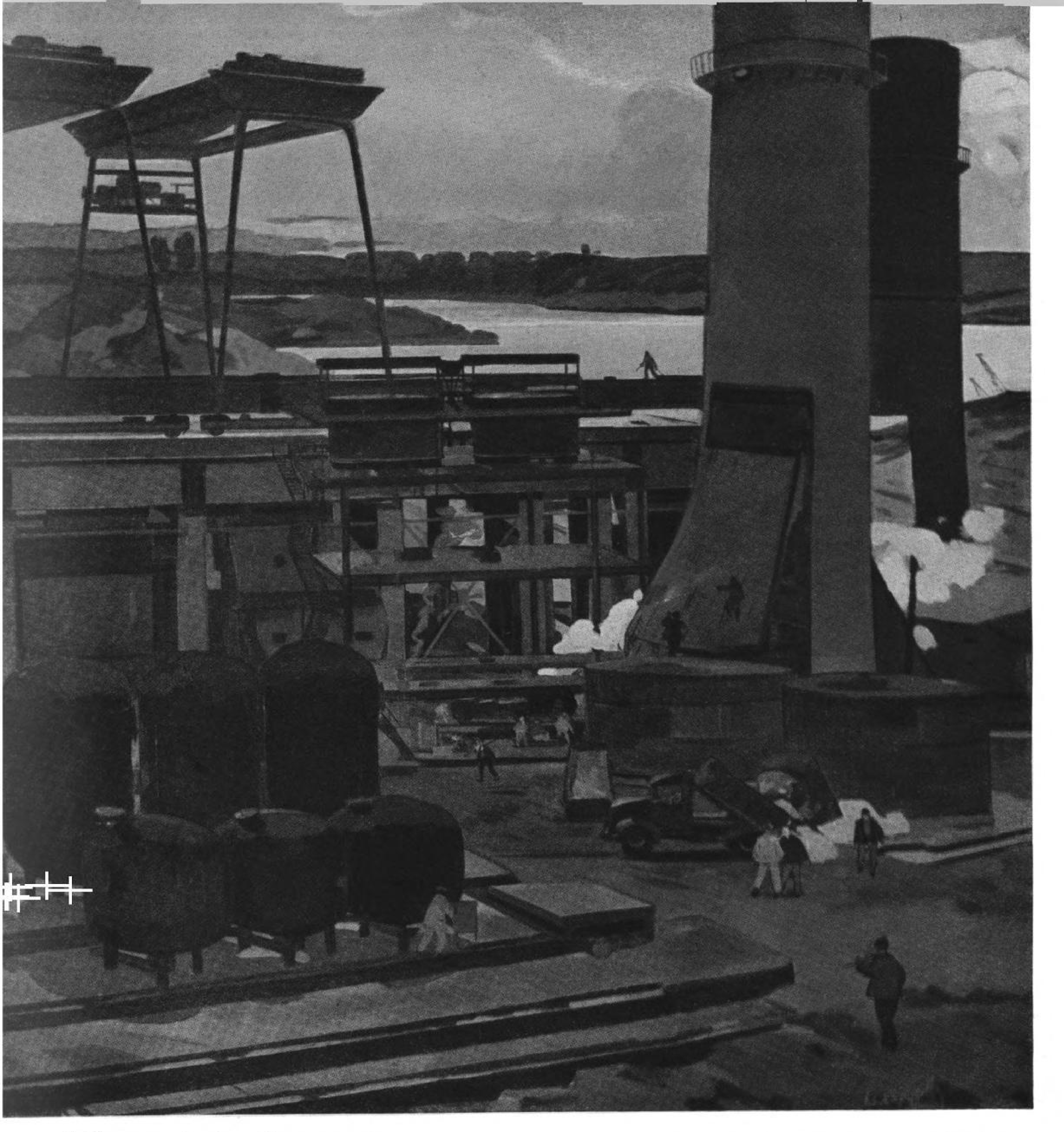
Дед расстрелян,
но живые внуки
жизнь на Лене новую творят!

Copyrighted material

А. Попов (Одесса). ДОРОГА В НОВЫЙ ПОРТ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Copyrighted material



Н. Абдурахманов (Баку). СТРОЙКА СЕМИЛЕТКИ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Copyrighted material

ХОЧУ Я ЖИЗНЬ ПОНЯТЬ ВСЕРЬЕЗ...

Велик соблазн, говоря о Николае Асееве, еще раз порассуждать о молодости поэта. Можно, конечно, оговориться, что эта молодость — понятие не возрастное, а социальное, что Асеев — певец нового строя, но ведь и строю скоро будет полвека, а это уже не молодость, а скорее зрелость. Факты упрямо не желают укладываться в милые сердцу схемы. Как всегда в таких случаях, выручает сам поэт:

Мой друг, ты не льсти, не хитри,
Что голос мой все еще молод...
Мне стукнет уж семьдесят три,
Нелегок он, времени молот...

Эти стихи поэт напечатал совсем недавно; шутливые, с лукавинкой, они всерьез выразили отношение автора к тем многочисленным статьям, в которых любовно и детально обсуждался вопрос о поэтической молодости Николая Асеева. Даже статьи о его последней книге «Лад», выдвинутой на соискание Ленинской премии, упорно говорят о том же.

«Всё труднее передвигаться, все дрожливей перо в руке...» — с болью признается поэт.

А в самом деле, если не молодость, тогда что же? В чем тогда обаяние асеевского «Лада»?

Почти полвека назад вышла первая книга поэта — «Зор». Недавно вышел сборник стихов последних лет — «Лад». Они очень близки по характеру, эти названия: Зор и Лад. Асеев так и остался кудесником поэтических речений, «повелителем светлых словес»; он, словно играючи, обнажает первозданный смысл слова, прислушивается к его звучанию, наслаждаясь, ставит его в один ряд, потом в другой, и вот вы, уже очарованные, будто впервые слышите его:

Сахарно-морожено
(аж снег скрипит);
все поле завороженно,
сверкает — спит.

Чудесный мир, творимый поэтом «из света и добра», не отгорожен от тревог и бурь двадцатого века. Автора «Лада» волнует судьба революционной Кубы и милитаристское безумие над Рейном, последняя песня испанского поэта Гарсиа Лорки и борьба за разоружение.

Очень часто сердце разрывается,
только гул не слышен от разрыва.

Нет, совсем не в молодости тут дело! «Можно утверждать прямо противоположное вразрез с ходячим мнением, будто юношеский возраст с его пылом и жаром является наилучшим возрастом для поэтического творчества — в качестве наиболее зрелой поры можно выставить старческий возраст, если он еще умеет сохранить энергию созерцания и чувства». Утверждая эту мысль, Гегель вспоминал старца Гомера, создавшего «Илиаду», и Гете, который на восемьдесят третьем году закончил вторую часть «Фауста».

Так что не всякая хорошая поэзия молода (впрочем, и не всякая молодая поэзия хороша). Гораздо важнее здесь точность взгляда и накал поэтического чувства.

Асеев учит многому, хотя он меньше всего любит учить. Он учит жизни не прописными истинами и не холодными наставлениями. Поэтическая проповедь «Лада» прежде всего сердечна. Она далека от расплывчатого мягкосердечия; она требовательно взывает к совести, к разуму, к чувству.

Хочу я жизнь понять всерьез:
наклон колосьев и берез,
хочу почувствовать их вес
и что их тянет в синь небес,
чтобы строка была верна,
как возрождение зерна.

Трудно сразу сказать, в чем тайна асеевского «Лада», при чтении его испытываешь какое-то пронзительное чувство полета, ощущение такой высоты, когда исчезает все мелочное, обыденное и остается самое важное, нужное. Когда обычные слова становятся великими, а простые чувства — возвышенными. Эта нравственная высота асеевской поэзии, очевидно, близка состоянию, испытанному Гагариным и Титовым.

Ведь не случайно Луна, быстро, рожками вперед, проплывавшая мимо иллюминатора «Востока-2», напомнила Герману Титову гоголевскую «Ночь перед рождеством». «Сверкающий в темноте месяц чудился настолько близким, что казалось, стоит открыть иллюминатор и можно будет достать его рукой и положить в мешок...»

Космонавт на трехсоткилометровой высоте думал о Земле, о соотечественниках; ему хотелось увидеть их за работой, в лабораториях, у доменных и мартеновских печей, пожать им руки... И еще герой-летчик мечтал побывать на Луне и привезти на землю мешок лунных камней.

То, чего пока не может космонавтика, делают поэты. И не исключено, что третий советский космонавт, прилунившись у моря Мечты, наизусть прочтет асеевские строки:

Вот такое счастье по плечу нам —
мыслью осветить пространства те,
чтобы мир предстал живым и
юным,
а не страшным мраком в пустоте.

Откуда у старого поэта это заразительное ощущение вечной свежести жизни? Опять ссылаться на молодость духа, нерастраченный жар юности? Но это не объяснение. А откуда молодость духа, этот пылкий и в то же время умудренный годами взгляд на действительность?

...и, нет,— не только чувства зной
повелевает в жизни мной;
я вижу каждодневный ход
людских усилий и забот.

Вот где источник неотвратимой силы поэзии «Лада»: она по духу своему связана с миллионами тружеников земли! Как-то в разговоре Николай Николаевич Асеев между прочим сказал о своем творческом самочувствии:

— Все зависит от тех людей, которые каждое утро встают по заводскому гудку, и ритм их жизни, их труда определяет нашу работоспособность, нашу силу...

Почти одновременно с «Ладом» вышла книга статей Асеева «Зачем и кому нужна поэзия». Автор отвечает на эти вопросы и своим «Ладом», всем своим творчеством. Его поэзия нужна людям: она борется за то, «чтобы всем бы хватало одеяла и ласки, чтобы каждый был доброй судьбою отмечен, чтобы мир этот дьявольский стал человечен!»

Так же, как неощутим переход к новому состоянию в космическом полете, так незаметно происходит обогащение нашей поэзии новыми, незнакомыми ей ранее чувствами и образами. И как хорошо, что новую мелодию века услышал старейший поэт и повел за собой целую плеяду молодых спутников!

В. ВОРОНОВ

Николай Асеев. Лад. Стихи последних лет. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1961. 151 стр.

ОБОЖЖЕННОЕ ЖАРОМ СЕРДЦА

Когда я читал роман Владимира Фоменко «Память земли», печатавшийся в прошлом году в «Новом мире», мне вспомнилось, как много лет назад знакомый литератор сказал по поводу только что вышедшей тогда книжки фоменковских очерков, что Фоменко пишет... словно глину копает. Сказал он это в осуждение, потому что ему нравилась проза легкая и блестящая, как изделия из пластических масс. А я подумал о том, как тяжел труд глинокопа и какие прочные и звонкие вещи получаются из обожженной глины. И еще мне пришло тогда в голову, что материал этот, вероятно, первый, каким овладели люди: недаром ведь, когда человек задумался над тем, откуда он взялся на земле, то сочинил легенду об Адаме, вылепленном из глины. Наконец, глинаподревнерусски будет «зьдъ», и отсюда происходят такие коренные слова, как «здание», «созидание»... Так не оставить ли пластмассу техникам, а художник, подобно господу богу, пускай копает тяжелую и сырую первобытную глину, лепит из нее и обжигает ее жаром сердца!

Долго, лет восемь, должно быть, писал Фоменко свой роман — точнее сказать, только первую книгу его.

Сюжет ее сводится к тому, о чем уже писали в те годы, когда строилось знаменитое Цимлянское море,— речь идет о переселении из затопляемого района. Необходимость оставить богатое донское займище, кормившее людей, кинуть еще от прадедов доставшиеся дома представлялась в ту пору чрезвычайно любопытной коллизией, позволяющей показать, как освобождается крестьянин от остатков косной, собственнической психологии. Такого рода взгляд, надо честно сказать, очень похож на то, как говорит о предстоящем событии один из персонажей романа, председатель райисполкома Орлов: «О переселении разглашать не стоит, чтоб не началось гнилых разговорчиков».

Бюрократически бессердечное: «гнилые разговорчики»,— когда хутору Кореновскому, где происходят изображаемые писателем события, предстоит исчезнуть навеки, и рядом с этим, произнесенное здесь же, на свадьбе, куда случайно попал Орлов, бюрократически покровительственное: «Умеет повеселиться русский народ»,— да ведь это недоверие пополам с лестью определяет не только существо иных деятелей печальной памяти времен, но и существо тех литературных произведений, где деревенская жизнь, коль скоро о ней сейчас речь, рассматривалась лишь как материал, иллюстрирующий то или иное, воздвигнутое литератором, бодренькое умозаключение.

Жители хутора Кореновского для писателя Фоменко прежде всего — народ, причем не с большой буквы, когда понятие это приобретает уже некую отвлеченность, пускай и величественную, а тот самый народ, частью которого вправе назвать себя и писатель. Поэтому главнейшим достоинством романа я бы назвал народность его, и не в том смысле, что писатель достоверно изображает, так сказать, внешние особенности хуторской жизни на Дону, а в той заинтересованности, с какою он говорит о жителях маленького донского хутора, которым предстоит не только уйти отсюда, зная, что хутор исчезнет, но и раз навсегда — для себя, для детей, для внуков и правнуков — выбрать новое местожительство. Народность романа именно в том, что Фоменко положил в его основу не экономическую или техническую проблему, которые, казалось бы, так и просятся сюда, поскольку речь об огромном строительстве, но коренную, то есть касающуюся самого жизненного корня. Роман шире и глубже взятого писателем материала.

Мы очень часто, быть может, чаще, чем это нужно, говорим: борьба, завоевание... И верно, если взять новейшую историю нашей страны, скажем, последние шестьдесят лет, то все эти годы действительно прошли в борьбе.

Среди персонажей романа есть один, не принадлежащий к первостепенным,— Лавр Кузьмич Фрянсков, старый казак, балагур и мастер на все руки. Однажды вечером, где-то уж в самом конце первой книги, накануне собрания, на котором должна решиться судьба обитателей хутора, старик Фрянсков рассказывает секретарю райкома и заезжему собирателю фольклора некоему Розу историю своей жизни.

«История моя,— неторопливо, со смаком завел Фрянсков,— имеет поучительное название: «Как я всю жизнь собирался жить»... Значит, отбыл я первую империалистическую войну целиком всю. От звонка до звонка. Вернулся сюда, в родной хутор, и, хоть измученный был, как на льду крокодил, принялся производить здесь революцию. Вот этой рукой,— Фрянсков показал свою руку,— и этой самой сашкой,— кивнул он на клинок, привешенный к стене.— Произвел и думаю: теперь начну жить в полное удовольствие, поскольку все мое — и воды, и недры, и полнодержавная моя власть. «Нет, говорят, трошки потерпи. Надо провести еще борьбу с голодухой, тифом, а само главное — с бандами». «Пожалуйста»,— отвечаю. Опять вооружаюсь дорогой подругой, сашкой, теряю в бою ногу... Ну, ближе к делу. Бандитов стребили, голодуху прикончили, теперь-то уж живи! «Нет, говорят, давайте коллективизацию и пятилетки по четыре года». Дали. А тут вот он, Гитлер. Прикончили и Гитлера в его собственной берлоге... А как взяли Берлин, мы пять лет спать-отдыхать или разогнуть горб не помнили и с полной честью провели восстановительный период. Теперь-то уж во все удовольствие можно жить! «Нет, говорят, давай, Лавр Кузьмич, преобразовывай климат. Метися с хутора, а уж после начнешь жить». А мне семьдесят шесть. Завтра ни встать, ни сесть.— Очень довольный собой, Фрянсков захохотал, блестя голыми деснами».

Писатель не только понимает, что историю творит народ, но и всем сердцем чувствует, какое нелегкое это дело. И то обстоятельство, что о жизни своей, а в сущности, об истории страны, пошучивая и посмеиваясь, говорит балагур и весельчак, который не сочувствия себе ищет и не похваляется житейскими тяготами, как нищий болячками, но еще и поучает секретаря райкома, что «вся-то наша жизнь — борьба»,— это обстоятельство свидетельствует о том, как близок писатель к пониманию национального характера.

Будучи точным в главном, Фоменко точен и в любой подробности, и поэтому, читая роман, как бы переселяешься в хутор Кореновский, видишь зимние донские пейзажи, живешь в этих хатах, обоняешь запахи степи и степного жилья, разговариваешь с обитателями хутора и с наезжими людьми, из которых каждый выписан на особицу. Наслаждение, какое испытываешь от романа, объясняется любовью писателя к тому, что он взялся изобразить, и талантом, который позволил ему выразить эту свою любовь.

Ефим ДОРОШ

Владимир Фоменко. Память земли. Роман. ГИХЛ. «Роман-газета». 1961, № 20. 103 стр.

Copyrighted material

БУДНИ КОСМИЧЕСКОГО ЗАВТРА

В. ГУКОВ, Б. ТИХОНОВ

«От первых полетов человека в космос необходимо перейти к покорению космического пространства и овладению им». Этот призыв произнес не писатель-фантаст, а самый ответственный из инженеров, коммунист, Главный конструктор советских космических кораблей.

Будет трудно. Возможно, трудности окажутся безграничными, как сама вселенная. Но ведь еще необъятнее возможности самого Человека, уже сегодня вступившего на порог коммунистического будущего. С какими же проблемами столкнутся конструкторы завтрашних космических кораблей?

Самый головокружительный из спусков

Осмотрительная восточная мудрость гласит: «Прежде чем войти, поищи выход!»

Эта заповедь полностью относится и к освоению космического пространства. В будущих полетах в космос экипажу придется не только возвращаться на Землю, но и спускаться на поверхность различных планет. Тысячи и тысячи раз проверяются физико-химические свойства этих планет и окружающих их атмосфер: при любых условиях ученые должны гарантировать безопасность космонавтам.

Допустим, что тормозные двигатели отсутствуют и корабль входит в атмосферу планеты непосредственно, минуя этап пребывания на орбите. Тогда он должен войти в атмосферу так, чтобы попасть в коридор безопасного входа. Иначе аппарат сгорит.

А какую форму должен иметь аппарат, чтобы благополучно припланетиться? Конструкторы предполагают, что лучшим будет корабль, у которого носовая часть тупая, а не заостренная, как обычно у самолетов или ракет. Оказывается, острый нос корабля на сверхвысоких скоростях одевается в толстый пограничный слой атмосферного газа, который интенсивно нагревает стенки корабля и мешает отдавать тепло в атмосферу. Кроме того, через небольшие сечения конструкции отвод тепла наружу будет затруднен. Тупая носовая часть, напротив, создает сравнительно тонкий пограничный слой. Тепло интенсивно отводится через образующуюся перед кораблем атмосферную волну сжатия, и поэтому корпус аппарата нагревается слабее.

После того как скорость снизится до сравнительно малых величин, можно раскрыть парашют.

Рукопожатие на орбите

Теперь уже никто не сомневается, что в ближайшем будущем на орбиты вокруг Земли выйдут станции, на которых станут жить и трудиться ученые-исследователи. Так же, как трудятся сейчас, скажем, покорители Антарктиды... Для этого потребуется множество мощных кораблей, которые будут доставлять на орбиту большие по весу и габаритам грузы. Как это сделать?

Представим, что корабли вышли в космос. Они вполне самостоятельны. Смогут ли они в будущем взаимодействовать друг с другом?

Два космических аппарата, обращающихся на орбитах вокруг Земли, можно сблизить и соединить. Для этого следует установить на одном из них двигатель и локатор, на другом — маяк-ответчик, чтобы отличить, например, от других спутников. По сигналу включится двигатель первого корабля, который теперь начнет приближаться ко второму кораблю. Разумеется, соприкосновение кораблей произойдет мягко — при малой, практически нулевой скорости.

Что дает встреча на орбите для будущих исследователей космоса? Во-первых, она даст возможность монтировать в космосе лаборатории, которые не могут быть запущены с Земли целиком. Такие лаборатории, выгодные для целого ряда космических исследований, могут оказаться неудобными для вывода их на орбиту при помощи одной ракеты. Кроме того, для запуска собранной на Земле крупной станции-лаборатории потребовались бы неоправданно мощные и сложные ракеты-носители.

Встреча двух кораблей позволит также проводить в космосе ремонтно-спасательные работы, сменять экипажи лабораторий, снабжать их продовольствием, а главное, собирать на орбите Земли громадные ракеты-носители для полета на другие планеты.

Летающие зеркала

Полеты Юрия Гагарина и Германа Титова происходили при прямой радиосвязи: Земля — космос — Земля.

А нельзя ли и в повседневных условиях использовать для блага человека возможности, предоставляемые природой космоса? Да, можно.

Обычная земная дальность радиосвязи на ультракоротких волнах не превышает 500 километров. Виною этому — шарообразная форма Земли: ведь ультракороткие волны распространяются по прямой линии.

Между тем будущее радиосвязи именно в применении диапазона ультракоротких волн. Но как быть, если расстояние между передатчиком и приемником больше пятисот километров? Тогда прибегают к помощи эстафеты — цепочке радиорелейных станций. Для всеобщей и сквозной радиосвязи на Земле потребуется около двух тысяч ретрансляционных установок. И это при условии наиболее выгодного их взаимного расположения. Иначе число радиорелейных станций окажется значительно большим.

Но существует и другой путь. Если радиостанции поднять от земной поверхности, то их количество, необходимое для сквозной радиосвязи на УКВ, может быть сведено к минимуму — к трем.

Небесная механика подсказывает, что запущенный на высоту около тридцати шести тысяч километров над поверхностью Земли в плоскости ее экватора спутник будет иметь период обращения вокруг Земли, равный земному. Система из двадцатичетырехчасовых спутников обеспечит всеобщую радиосвязь на Земле, за исключением лишь районов ее полюсов. Эти спутники должны быть смещены относительно друг друга на 120 градусов. Каждый из них будет получать радиосигналы с Земли или от спутника-соседа, усиливать их и передавать на следующий спутник. Такая связь наземных станций и спутников напоминает систему зеркал. И тогда откроются поистине фантастические возможности связи! На Земле буквально не останется уголка, куда не проникнут ультракороткие радиоволны, несущие людям информацию, связь. Ведь такой же принцип может быть положен и в основу передачи телефонных разговоров и телевидения.

Второе рождение метеорологии

Как предсказывается погода в наше время? В различных точках земного шара находятся тысячи метеостанций. Они передают сведения о местной погоде в пункты анализа и обработки данных. На основе полученной информации и строятся прогнозы. Однако, хотя количество метеостанций продолжает возрастать, предсказание погоды все еще остается неудовлетворительным. В чем же заключается причина такого явления?

По-видимому, мы еще недостаточно знаем о физике атмосферных процессов и о важных для метеорологии явлениях на поверхности Земли. И вот оказывается, что белые пятна метеорологии будут в известной мере заполнены, если для изучения свойств нижней атмосферы и земной поверхности использовать искусственный спутник. Такие следопыты погоды осмотрят всю поверхность Земли. Этого можно добиться, запустив на полярные орбиты систему из нескольких спутников.

С помощью спутников будет изучено распределение температур по земной поверхности и распределение облачности. Исследования позволят следить, как изменяются течения в океане, состояние льдов и снежный покров. Все эти данные непосредственно относятся к синоптике, они помогут делать более точные анализы атмосферных процессов.

В последнее время внимание ученых все больше обращается на деятельность Солнца — источника энергии всех атмосферных явлений. Спутники будут посылать на Землю исчерпывающую информацию об энергетическом балансе системы Земля — атмосфера, позволят контролировать полученную от Солнца и излучаемую в мировое пространство энергию.

Есть целый ряд гипотез о наличии тесной связи между явлениями климата и биологии, с одной стороны, и активностью Солнца, с другой стороны.

Сейчас исследования с помощью спутников обнаружили тесную связь между коротковолновым и корпускулярным излучениями Солнца и параметрами верхних слоев атмосферы.

В нашей стране было объявлено о новом наступлении на космос — запуске целой серии спутников многоцелевого назначения.

Путь в космос открыт всем для всех.

— Узнать размеры планет? Нет ничего проще,— говорит спутник.

— Вас интересует состояние погоды? Измерим температуру заоблачных высот...

Copyrighted material

ОРБИТЫ ВЕКА

Голубое

Уже известно, что с орбиты
Земля казалась голубой.
Но где-то правили обиды,
и где-то шел кровавый бой.

И где-то ветер бился шало,
моря вздымая на дыбы.
И на боках земного шара
росли проклятые грибы...

О, сколько надо постоянства,
каких усилий над судьбой,
чтобы не только из
пространства
Земля предстала голубой!

Улыбки

Уже давно закончили сниженье
два русских сына голубой земли.

Уже давно вернуло притяженье
с орбит высоких чудо-корабли.

Среди земных волнений и
событий
звучат шаги героев молодых.
Но навсегда остались на орбите
улыбки
неснижаемые
их!

Одесса.

Иван РЯДЧЕНКО

16 марта 1962 года был запущен первый спутник из этой серии, 7 апреля — второй. В ближайшем будущем за ними последуют другие. Эти исследования позволят проверить правильность многих научных предположений.

Экспедиция к Луне

Советские космические корабли уже собрали довольно обширную информацию о природном спутнике Земли, сфотографировали невидимую нам сторону Луны. На поверхность Луны доставлен вымпел Союза Советских Социалистических Республик.

Это изучение, столь успешно начатое с помощью автоматов, будет продолжено в недалеком будущем и самим человеком. Сейчас трудно в точности предсказать, как оно будет происходить,— на этот счет существует много предположений.

В США, например, составлен план изучения Луны человеком— так называемый проект «Аполлон». Воспользуемся им как конкретным примером возможного хода исследования Луны. Оговоримся, что слово «план» нельзя понимать буквально — даже сравнительно более простые американские планы исследования космоса оказывались не всегда состоятельными. Очевидно, что и в этот проект как в отношении техники, так и в отношении сроков жизнь внесет свои коррективы.

На первом этапе осуществления проекта «Аполлон» предполагается запустить на орбиту вокруг Земли аппарат весом до десяти тонн с целью проверки системы и всех ее элементов, на втором этапе — совершить облет Луны на корабле с экипажем из трех человек и вернуть корабль на Землю. В заключение, на третьем этапе,— послать в космос аппарат, который сможет мягко прилуниться, а затем возвратиться в точно назначенный район нашей планеты. Такова в нескольких словах сущность американского плана. Не следует обманываться кажущейся его простотой — в нем каждый элемент связан со сложной и большой работой, с необходимостью преодоления громадных трудностей.

Например, для мягкого прилунения нужна малая конечная скорость (меньше, чем при спуске человека на Землю с парашютом) — порядка 4,5 м/сек. Чтобы снизить скорость, придется включить тормозные двигатели, создавать тягу в сторону, обратную первоначальному движению. Для этого необходимы и точная ориентация, и знание места посадки, и многое другое.

Но вот однажды на поверхность Луны ступит нога человека и начнется освоение лунной целины. Наш природный спутник интересен как естественный заповедник — музей с уникальными экспонатами. Очень многое и важное расскажут они о происхождении Луны, а возможно, и Земли. У Луны практически отсутствует атмосфера. Вода и ветер не уничтожают следы движений лунной коры, вулканической деятельности. Бесспорно, Луна станет лабораторией экспериментальных исследований. Ее горы и моря зовут ныне беспокойных искателей так же, как несколько десятилетий тому назад звали белые пятна на картах континентов нашей планеты.

К Марсу и Венере

Многое из того, что сказано о Луне, характерно и для двух наших соседей — Марса и Венеры. Их освоение поможет решить задачи, волнующие ученых сотни лет, но главное — поставят новые, еще более важные проблемы. Обе планеты в отличие от Луны наделены атмосферой. Возможно, что на Венере и Марсе есть биологическая жизнь. (Кстати сказать, не исключена возможность существования некоторых простейших форм жизни и на Луне.)

Первый шаг к изучению Венеры уже сделан. Советская Межпланетная автоматическая станция стартовала к Венере с тяжелого спутника Земли. Почему не сразу с поверхности Земли? Потому что имеется возможность экономии топлива.

При полете к другим планетам важнейшим фактором является экономия топлива. Почти весь путь — а он измеряется многими миллионами километров — аппарат будет лететь при включенных двигателях по эллиптической орбите вокруг Солнца. Нужно только выбрать наилучшую траекторию, учитывая быстроту сближения, наименьшую затрату топлива. Время полета по наиболее экономичным траекториям составляет к Венере 146 дней, к Марсу — 260 дней.

Нельзя ли это время сократить, не увеличивая веса топлива? Можно, если заменить двигатели на химическом топливе ионными. Выполненные за рубежом исследования подводят к такому выводу, что ионные двигатели, очевидно, сократят запасы топлива в 20—30 раз; они создадут очень малую тягу, но зато непрерывно действующую длительное время. В результате работы ионных двигателей корабль будет лететь к планете-цели уже не по эллипсу, а по спирали и может достигнуть Марса в 50 дней, а Венеры — всего в 30 дней.

Еще о перспективах

20 марта 1962 года Н. С. Хрущев направил послание Президенту Кеннеди с предложением совместного освоения космоса. Все человечество хотело бы видеть советских и американских ученых, работающих рука об руку при осуществлении многих проектов «вплоть до совместного создания космических кораблей для проникновения на другие планеты — Луну, Венеру, Марс...».

В день первого полета человека в космос, год назад, мир услышал обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Правительства Советского Союза:

«...Нам, советским людям, строящим коммунизм, выпала честь первыми проникнуть в космос. Победы в освоении космоса мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле. Наши достижения и открытия мы ставим не на службу войне, а на службу мира и безопасности народов».

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ КОСМОНАВТИКА

ИНДЕЙЦЫ— КОСМОНАВТАМ

Для питания космонавтов требуется высококалорийная пища с рациональным соотношением белков, жиров, углеводов и витаминов. По исследованиям ряда ученых, одним из лучших «космических» меню является пеммикан — пища североамериканских индейцев. Это паста из сушеного мяса, жира и соков ягод.

ЧТО ЖЕ ЭТО!

На Луне насчитывается около 20 кратеров, где, по наблюдениям ряда ученых, обнаружены быстро меняющиеся в размерах пятна.

В зависимости от освещения солнечными лучами эти пятна разрастаются в разгар лунного дня и блекнут к вечеру. Могут ли это быть низшие формы растительности?

Очевидно, на этот вопрос ответит нам первый космонавт, вступивший на поверхность Луны.

ВЕЛИКИЙ СОН

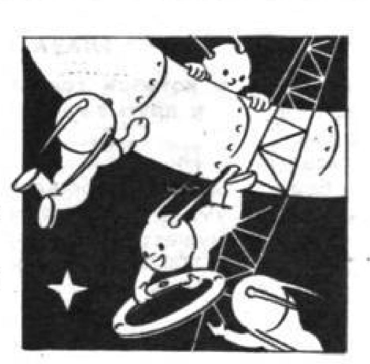
Некоторые ученые считают, что наступило время овладения анабиозом живого организма — состоянием замедления всех биологических процессов.

В полетах к далеким мирам, если организм человека не будет погружен в анабиоз, потребуется колоссальный запас продуктов.

ХОТИТЕ В КОСМОС! БРОСАЙТЕ КУРИТЬ!

В условиях невесомости в кабине корабля практически невозможно закурить. Зажженная спичка или зажигалка погаснет, как только израсходуется слой кислорода вокруг пламени. Горячий воздух не будет подниматься вверх и уступать место холодному, свежему воздуху, поскольку газы остаются невесомыми в любом состоянии.

Скоро космические фоторепортеры доберутся до Венеры...



«А мы монтажники-высотники.
И с высоты вам шлем привет»..

Несколько таких любознательных спутников могут обеспечить всеобщую радиосвязь на Земле.

Рисунки М. Ушаца.

Copyrighted material

ТАЙНА ЗОЛОТОГО ПЕТУШКА

История необычайная, но в основе своей подлинная, рассказанная

Борисом ЛАСКИНЫМ

и иллюстрированная

Евгением ВЕДЕРНИКОВЫМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, содержащая рассказ об интересной находке

В погожий зимний день в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда» пришла жительница Иркутска Александра Федоровна Столярова. С трудно скрываемым волнением она сказала:

— Накануне праздника я купила петушка. Стала я его потрошить и вдруг, к моему удивлению, в его зобе обнаружила самородок золота, по форме напоминающий зерно кукурузы. Вот он, этот самородок...

В редакции воцарилась тишина. Самородок переходил из рук в руки.

— Товарищи,— сказал сотрудник сельскохозяйственного отдела,— известно, что птицы для лучшего пищеварения склевывают мелкие камешки, песок. Таким путем, вне всякого сомнения, и попал в зоб петушка самородок...

— Логично,— сказал заведующий отделом информации,— но где, в каком месте это случилось?

— Скорей всего, там, где таится золото,— сказал литсотрудник редакции, и глаза его загорелись голубым огнем.— В Иркутской области много мест, где таится золото.

— Мудро! — кивнул заведующий отделом информации.— Мы должны установить, где откармливался этот петушок. Так мы сможем найти новое золотое месторождение, случайно обнаруженное петушком!

— Здоровая идея!—сказали сотрудники.

Однако столь разумно намеченные пути поисков оборвались уже на первых шагах. Следы потерялись на тарной базе. Из магазина № 14, где был куплен золотоносный петушок, сообщили, что ящики из-под битой птицы, на которых указывается адрес поставщика, сданы на тарную базу.

Так последнее местожительство петушка скрыла непроницаемая завеса тайны.

ГЛАВА ВТОРАЯ, повествующая о пользе путешествий

Дорога из Москвы до Иркутска на самолете «ТУ-104» занимает шесть часов. Сидя в салоне реактивного лайнера, мы торопливо листали справочники, стараясь узнать возможно больше об Иркутской области, куда мы вылетели буквально в тот же день, когда прочитали заметку в «Восточно-Сибирской правде», излагающую события, описанные в предыдущей главе.

Когда самолет приземлился на Иркутском аэродроме, вместе с первой же порцией свежего, морозного воздуха мы почувствовали необыкновенный прилив бодрости и уверенности в том, что поиски наши должны увенчаться успехом.

В светлом номере гостиницы «Центральная», разложив на столе карту области, мы разработали подробный план предстоящей операции. Было принято решение ограничить сферу действия: Иркутск и районы в радиусе ста километров. Эту территорию мы обвели красным карандашом и приступили к делу.

Начали мы с ресторана. Предусмотрительно отказавшись от рыбных блюд, мы заказали лапшу с курицей и жареную курицу с рисом. Сосредоточенно съев первое и столь же обстоятельно разделавшись со вторым, мы ощутили легкое разочарование: никаких следов золота. Легкомысленное намерение одного из нас дополнить обед порцией жареного омуля было тут же отклонено, ибо это действие могло отвлечь наше внимание от главного.

Закончив обед и расплачиваясь с официанткой, мы спросили:

— Не случалось ли вам находить в подаваемых на столики куриных блюдах золото в самородках или в виде песка?

— Нет, пока не попадалось,— ответила она.— Между прочим, не вы первые об этом спрашиваете.

Этот ответ заставил нас вздрогнуть. Мы переглянулись. По-видимому, кто-то, кроме нас, посвятил себя разгадке тайны иркутского золотого петушка.

— Приходите к нам обедать, может, вам и посчастливится,— сказала официантка и отошла.

Придя в номер и кратко посовещавшись, мы поняли, что на ресторан рассчитывать не приходится. Процент удачи здесь совершенно ничтожен, тем более, что жареного петушка, которого едим мы, предварительно потрошит кто-то другой.

— Начнем с другого конца! — решили мы и, не сговариваясь, протянули руки к лежащей на столике телефонной книге города Иркутска.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой говорится об алмазах и других немаловажных вещах

Ничто так не возвышает человека в собственных глазах, как умение признавать свои ошибки и мужественно исправлять их. Эта мысль посетила нас в то время, когда из телефонной трубки раздавались гудки низкого тембра. На другом конце провода медлили с ответом, давая нам возможность подумать о том, что, начиная поиски, нам не следует уподобляться сыщику-самоучке, который, углубляясь в мелочи, не видит рядом большого, главного и более интересного. В момент, когда мысль эта получила свое завершение, в трубке раздался голос:

— Одинцов слушает!

— Здравствуйте, Михаил Михайлович!.. Не сможете ли вы нас принять?

— У вас что-нибудь срочное?

Мы ответили не сразу. Было два варианта ответа. «Нам необходимо с вами немедленно встретиться. Мы пролетели пять тысяч километров, чтобы тайна золотого петушка перестала быть тайной!» Это был первый вариант. И второй: «Нас интересуют актуальные проблемы геологии».

Первый вариант отпал сразу. Услышав такое, доктор геолого-минералогических наук Одинцов решил бы, что имеет дело с несерьезными людьми, одержимыми страстью к детективу. Второй вариант ответа прозвучал бы излишне сухо. И потому был найден третий вариант:

— Мы просто хотим с вами познакомиться.

И вот перед нами плечистый человек в голубой тенниске. Если поверить седым вискам, ему можно было дать на вид лет пятьдесят, или, как говорят в Иркутске, полсотни. Но седину явно не следовало брать в расчет: очень уж молодо светились его глаза.

Постучав палкой по ноге, закованной в гипс, Одинцов виновато улыбнулся.

— Был в тайге на охоте, оступился — и вот результат.

Михаил Михайлович взял со стола газету.

— Читали заметку о золотом петушке?

Мы невольно переглянулись. Очень уж было неожиданно, что Одинцов первым заговорил об этом.

— Вот что такое сибирские недра! Даже петухи, не имеющие отношения к геологии, и те золото находят...

Мы молчали, ожидая, что Одинцов продолжит разговор на остро

Copyrighted material

интересующую нас тему, но, отложив газету, он внимательно посмотрел на нас и сказал:

— Вы пришли ко мне, значит, вас, по-видимому, интересует геология?

— Да, в частности — полезные ископаемые. Золото, например...

— Ну, о золоте что говорить!.. Актуальней, мне думается, будет разговор об алмазах.

— Золото, видимо, обнаружить легче? — с надеждой спросили мы.

— Я же говорил: золото умудрился найти даже петух. Алмаз же в кимберлите, в породе, обнаруживается простым глазом, если он крупный, а мелкий помогает разглядеть рентген. Под действием рентгеновских лучей алмазы светятся. Этакое загадочное голубоватое свечение.

— Интересно...

— Геология, поверьте мне,— дело серьезное. Некоторые представляют себе, что геология — труд одиночек. Нет. Это всегда коллективные усилия. Иногда весьма трудно сказать, кто открыл. Один находит одно, другой — другое. Часто само открытие — последнее звено в очень длинной цепи.

Михаил Михайлович закурил.

— Вы знаете, на днях у нас произошло важное открытие. Доказана алмазоносность Иркутской области. Иногда даже песня способна правильно ориентировать геолога. «Кто ищет, тот всегда найдет».

— Да, но это нелегко.

— А разве я говорю, что легко! Всякое бывает. Возьмите этот случай с петушком. Казалось бы, просто — найти место, где разгуливал и клевал петушок. Найти, порыться, глядишь—и наткнешься на россыпь.

— Но как найти это место?

Вопрос был задан со столь страстным желанием немедленно услышать точный и исчерпывающий ответ, что Одинцов с комичной беспомощностью развел руками.

— Кабы я знал, кабы я ведал!

— Нелегко геологу сидеть в гипсе!

— Да уж... Дела много, только поспевать! Работаем над составлением карты геологических прогнозов для поисков рудных месторождений. Изучаем инженерно-геологические условия берегов будущего Братского моря.

Рассказывая, Михаил Михайлович время от времени поглядывал на нас, словно желая проверить, не угас ли интерес к его рассказу.

А нам было интересно!

— Мы очень рады, что познакомились, что застали вас дома.

— Меня б не застали — поговорили бы с женой, с Ольгой Витальевной. Она бы меня заменила.

— А что, ваша супруга тоже работает в этой области?

— Да, она минералог в Геологическом управлении.

— А вдруг бы и ее дома не было?

— С сестрой бы поговорили. Она у меня палеоботаник.

— А если бы ее дома не оказалось?..

— Сын есть, Костя.

— Неужели и Костя тоже?..

— А как же! Он геофизик. Изучает физические свойства горных пород. Так что на базе моей семьи можно сколотить комплексную геологическую экспедицию. В общем, когда собираемся за чайным столом, нам есть о чем поговорить!..

— Всем семейством геологии служите.

— Так точно.

— А что вы делали в годы войны?

— Был возле Мамы.

— Шутите. Не верится что-то. Вы следопыт, охотник, сибиряк — и вдруг...

— Так уж получилось.

— Маму не могли оставить?

— Не мог. Не имел права.

Михаил Михайлович засмеялся.

— Мы с вами о разных мамах толкуем. Я говорю о реке Маме. В войну послали меня разведывать месторождения слюды на Маме. Нужна была слюда для моторов, для электро- и радиоаппаратуры. Свое дело сделали. Не подвела нас Мама!..

Беседа наша подходила к концу, и, уже прощаясь, мы решили задать последний вопрос:

— Михаил Михайлович, что вы все-таки думаете об этой загадочной истории с золотым петушком?

Одинцов на мгновение задумался.

— Вот что,— сказал он,— поезжайте-ка вы в Слюдянку.

— Вы думаете?

— Поезжайте, не пожалеете. Желаю вам успеха.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

содержащая ряд наблюдений, но не добавляющая ничего нового о золотом петушке

Итак, мы едем в Слюдянку!

Вьется лентой дорога. За окном вагона проплывают лесистые склоны. И вдруг вдали показывается полоска Байкала. Мгновение — и озера уже не видно. Вот оно снова блеснуло и тут же исчезло. Байкал как бы подготавливает эффект. Внимание! Сияет солнце, и возникает Байкал во всем своем величии. И вдруг на соседнем пути проносится встречный состав цистерн. Перед глазами в стремительном чередовании тень от цистерны и вспышка отраженного озером солнца. Тень — вспышка — грохот колес! Тень — вспышка—грохот колес! И все это вместе, как салют в честь красоты сибирской природы.

Восхищенные увиденным, мы невольно делаем паузу и явственно слышим суровые голоса отдельных читателей:

— Начинается!..

— Сюжет отступил на задний план.

— Надо плести интригу, а не пейзажами любоваться!..

Здесь мы на минутку откладываем перо и говорим:

— Дорогие друзья читатели! Поймите нас правильно. Мы впервые в жизни увидели Сибирь, ее дивную природу, ее добрых и сильных людей. Так как же мы можем бесстрастно и молча плутать по тропинке сюжета, не подымая глаз на вершины гор, на укрощенные реки, на славные дела сибиряков!

Поймите нас правильно... А что касается сюжета — не сомневайтесь. Все пойдет своим чередом.

Вокзал в Слюдянке построен из мрамора. Это неожиданно и красиво. Потом мы увидели старую баню. Она тоже из мрамора, совсем как в древнем Риме. Впрочем, не совсем. Труба, венчающая здание, изрыгает клубы черного дыма. О слюдянской бане нам сказали, что она работает на себя. Любознательный приезжий останавливается перед баней, и, когда убеждается, что она действительно из мрамора, ему приходится знакомиться с баней уже изнутри, то есть, попросту говоря, смывать с себя копоть, приобретенную во время созерцания бани снаружи.

О том, что Слюдянка — важный центр горнодобывающей промышленности, мы узнали еще в Иркутске, но никто не сказал нам, что здесь добывается золото. Почему же М. М. Одинцов посоветовал нам поехать именно сюда?

Секретарь Слюдянского райкома партии Василий Владимирович Лазаренко встретил нас со свойственным сибирякам радушием.

— Беседовать будем не в кабинете. Приглашаю вас в минералогический музей. Он у нас прямо здесь, в райкоме.

В застекленных шкафах и витринах лежали образцы: слюда, графит, базальты, лазурит, белый и розовый мрамор...

Мы внимательно разглядывали экспонаты, а Лазаренко давал пояснения:

— Главное наше богатство — слюда-флогопит. Шахты у нас самые глубокие в области. Но мы перешли и на открытый способ добычи. Что сказать о нашей слюде? Во-первых, она дешевая. Качественная. Обладает высокой жаропрочностью...

Лазаренко сделал паузу и добавил:

— И в космосе, между прочим, побывала наша слюда.

По тому, как это было сказано, мы догадались, что это отнюдь не между прочим, а весьма важно.

Мы ходим вдоль витрин и стендов, слушая Лазаренко, поражаясь тому, с какой точностью и знанием дела говорил он о богатом хозяйстве района. О геологии он говорил, как геолог. О строительстве, как строитель. Об охоте, как охотник. В прошлом железнодорожный мастер, он окончил техникум, а потом заочно Иркутский университет.

— В музее у нас тесновато и не столько от посетителей, сколько от экспонатов. Давайте выйдем на оперативный простор. Едем на Перевал!..

По дороге Лазаренко как бы продолжает экскурсию, но за стеклами машины уже не экспонаты — там высятся отроги Хамар-Дабана и в дымке синеет Байкал.

Лазаренко делает знак шоферу, тот слегка тормозит.

— Теперь смотрите сюда. Это Култук. Рыбацкий колхоз. Местные рыбаки дружат с чехословацкими товарищами. Чехи ездят к нам, наши к ним. Вот и сейчас председатель колхоза Виктор Гаврилович Демин в Праге. Мы им знамя послали, оно стало у них переходящим. Переписываемся, подарками обмениваемся. Недавно отправили чехословацким ребятишкам живого медвежонка.

Дорога сворачивает влево, и мы въезжаем под арку.

— Предприятие коммунистического труда «Перевал»,— объявляет Лазаренко.

Слева и справа видны новые, аккуратные дома. Это поселок горняков «Перевала».

Мы ненадолго задерживаемся у административного корпуса и оттуда вместе с директором «Перевала» Александром Михайловичем Шиловым едем в горы.

— Для начала угостим вас хорошим воздухом,— улыбается Шилов.

Сдобренный морозом, горный воздух чист и прозрачен. Окутанная дымом Слюдянка остается далеко внизу.

— Александр Михайлович, расскажи товарищам о «Перевале»,— просит Лазаренко.

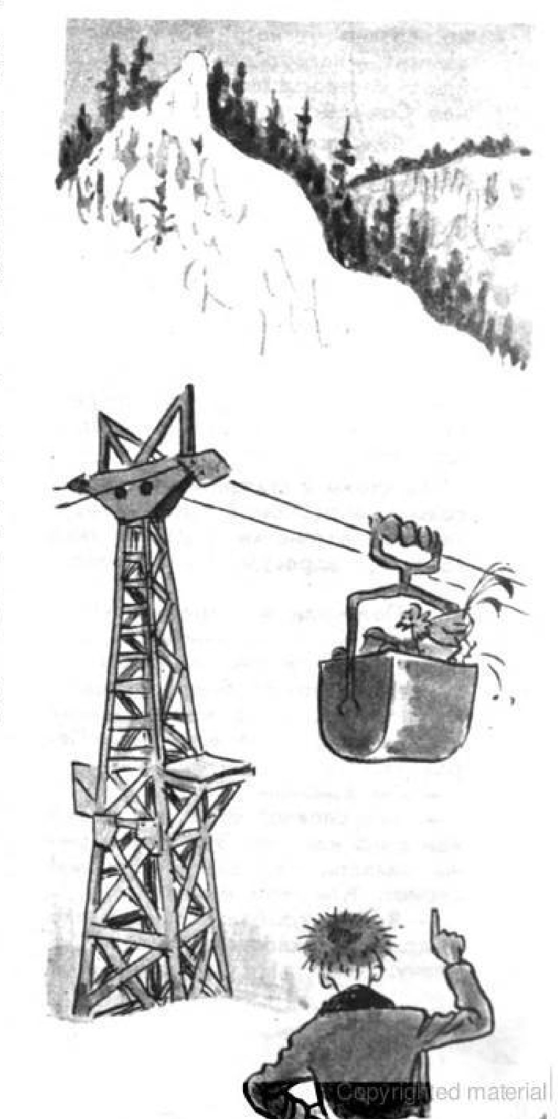
— А что рассказывать? Добываем мрамор, дробим его, отгружаем цементникам. Все.

— Скромность — лучшее украшение руководителя. А ты все-таки расскажи. Хотя бы кратко.

Шилов некоторое время молчит.

— Не знаю, с чего начать. Ну, скажем, так. Когда приняли карьер, работало у нас тысяча сто человек, а сегодня у нас, как думаете, сколько?

— Две тысячи,— говорим мы,



не задумываясь. Нам хочется доставить Шилову удовольствие.

Шилов качает головой.

— Нет.

— Три тысячи!

Шилов испытующе смотрит на нас — не шутим ли мы? — и подчеркнуто спокойно говорит:

— На сегодняшний день у нас работает 660 человек.

— Сократили добычу?

— Увеличили добычу.

— В чем же дело?

— В механизации.

Шилов улыбается. Он доволен. Довольны и мы — наш план удался. Шилов получил удовольствие.

— В 1963 году полностью упраздним ручной труд. Что еще сказать? Перешли на работу единой сменой. То есть по принципу: один за всех и все за одного. Вводим промышленное телевидение — опять часть рабочих высвободим. У нас каждый четвертый — рационализатор. Боремся за то, чтоб был каждый третий. Вот так. Таким путем.

Взяв последний подъем, машина останавливается, и мы выходим. Сперва мы молчим, потом медленно оглядываемся по сторонам, потом смотрим вниз, разводим руками и говорим, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Товарищи!..

Захваченные красотой пейзажа, мы повторяем:

— Товарищи!..

— Вот так мы и живем,— весело говорит Шилов.— Тысячный горизонт.

Поодаль, шагах в десяти, гора белоснежного мрамора. Экскаватор вгрызается в гору. Кажется, что он откусывает гигантские куски сахара. Но сам он этот сахар не ест. Он великодушно отдает его людям. «На-а!..» — рычит экскаватор, опуская челюсть, и в кузов самосвала летят тяжелые искрящиеся глыбы.

Проводив взглядом груженый самосвал, Шилов смотрит вниз.

— Установить бы атомный реактор,— он обращается к Лазаренко, словно от него это только и зависит,— нагреть бы Байкал до плюс восемнадцати, и не надо нам Сочи. Верно я говорю?

— Безусловно, — соглашается Лазаренко,— лично я за.

Спускаемся ниже. В уступах работают экскаваторы, идут чередой самосвалы. В стороне бурильщики готовят скважину для взрывчатки.

— В доме отдыха с трех до пяти тихий час,— говорит Шилов,— а у нас режим другой. К трем часам здесь не будет ни людей, ни техники. У нас взрывы с трех до пяти.

Мы стоим у стальной мачты. Высоко в морозном воздухе плывут тяжелые вагонетки, и Шилов тихо говорит, адресуясь к Лазаренко:

— Получили мы знамя — «Коллективу коммунистического труда»... Нужно, я считаю, чтобы это знамя из бархата было. И самое главное, чтобы на нем название предприятия было выткано: «Перевал».

— Ты думаешь?..

— Безусловно! Ведь это знамя нам дано навечно. Это ведь, можно сказать, гвардейское знамя! Верно?.. Как твое мнение?..

— Я за,— улыбается Лазаренко и дружески хлопает Шилова по плечу.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

повествующая об осторожности соболя и о загадочном телефонном звонке

То, что случилось в тот же день, тремя часами позже, было настолько неожиданно, что, признаемся честно, мы даже растерялись.

Впрочем, расскажем все по порядку.

Попрощавшись с Лазаренко и Шиловым, мы поехали в село Култук, где в Байкальском зверопромхозе встретились с охотниками.

Александр Шарпинский окончил охотоведческий факультет Иркутского сельскохозяйственного института и работает в зверопромхозе. Места для охоты здесь хорошие. Вблизи — гора Комар, тайга, охотничьи места. Подальше, в верховьях реки Снежной, охота еще богаче. А самые лучшие угодья — по берегам реки Иркут. В прошлом году большой был урожай кедровых орехов, грызунов много развелось, а грызун — корм для соболя, да и орехи-паданка лежат до июня. Потому и соболя нынче много. Самая драгоценная добыча в тайге — соболь. Когда в Ленинграде на международном пушном аукционе произносится это слово, в зале наступает тишина: Его Величество Соболь!..

В прошлом году охотник А. Жернаков добыл сто двадцать соболей. В этом году за первый месяц сезона слесарь рудника Петр Свинаренко принес двадцать восемь шкурок баргузинского соболя. Красота шкурки! Одна в одну!..

А вот пришел охотник — шофер со строительства целлюлозного комбината Анатолий Прокопенко. Он явился за капканами. К слову говоря, поймать соболя в капкан — дело не простое. Соболь хитер и осторожен. Очень осторожен.

— Вот куплю сейчас капканы,— говорит молодой охотник,— приду домой, буду их день в кипятке варить, чтоб от металла и смазки духу не осталось. Но это еще не все. После капкан буду хвоей натирать...

Когда идешь соболя добывать, все надо учесть. И снега слой требуется срезать аккуратно, и установить капкан бережно, и чурку к нему подвязать. Попадет соболь лапкой в капкан и начнет таскать его, а за ним чурка потянется. Далеко зверь не уйдет. А намертво к дереву нельзя капкан привязывать. Зверь лапку в капкане оставит да и уйдет. Вот характер!

— Охота — дело серьезное,— подтверждает Прокопенко.— Пошли мы как-то в тайгу с Иннокентием Ивановичем Поповым, он бригадиром в депо работает. И можете представить — медведицу взяли и двух медвежат. Одного медвежонка в киноэкспедицию сдали, в артисты. Он, значит, в искусство пошел, а второй, извините, на закуску...

Пока шла наша беседа, заготовитель Наталья Ивановна Сорокопикова принимала от охотников пушнину.

— Полюбуйтесь! — Наталья Ивановна встряхивает в руке прекрасную шкурку.— Соболь имеет семь цветовых вариаций. Вот он, самый что ни на есть ценный темный соболь. Красавец!.. В прошлом году наш зверопромхоз был экспонирован на Выставке достижений народного хозяйства. Отборную пушнину показали. А в этом году план у нас такой: добыть в сезон тысячу сто соболей. Мы уже более полтысячи шкурок отгрузили Иркутской пушной базе...

Открывается дверь. С большой связкой беличьих шкурок входит бородатый охотник.

— Еще один товарищ прибыл,— приветливо говорит Шарпинский,— крупный мастер по добыче золота.

— Что?.. Здесь и золото добывают?..— с душевным трепетом спрашиваем мы.

— Конечно,—серьезно отвечает Шарпинский.— Про пушнину так и говорят: мягкое золото.

— Ах, в этом смысле? — Мы разочарованно вздыхаем.

— Будет свободное время, приезжайте поохотиться,—говорит на прощание Шарпинский.

«А мы и приехали охотиться. Но не на соболя и не на белку»,— мысленно отвечаем мы, а вслух говорим:

— Большое спасибо. Ни пуха вам, ни пера!..

Из зверопромхоза мы отправились обратно в Слюдянку, где рассчитывали переночевать в местной гостинице. Приехали. Протянули дежурной паспорта.

— Здравствуйте. Нам нужен номер.

— Боже мой!.. Наконец-то вы здесь!

Это нас удивило. Мы никому не сообщали о намерении остановиться в гостинице.

В эту секунду раздался телефонный звонок. Дежурная сняла трубку.

— Гостиница... Да, они здесь.

То, что произошло в дальнейшем, совсем не походило на разговор. Это был монолог. Мы слушали, а из трубки звучал властный женский голос:

— Срочно возвращайтесь в Иркутск. Завтра в четыре часа дня будьте на набережной Ангары в районе парка, правей бетонного причала. Там вы встретите моржей. Поговорите с ними, но не задавайте им вопросов, связанных с тем делом, ради которого вы прилетели в Иркутск. Все, что вам нужно, вы узнаете там же от человека в черной папахе.

Мы были озадачены. Более того, мы растерялись. Все это было странно и загадочно. Четыре часа. Набережная Ангары. Моржи. Человек в черной папахе...

— Что с вами? Вы побледнели,— удивилась дежурная.

— Ничего. Номер нам не нужен. Мы уезжаем! Прощайте!..

Окончание следует.

ЮБИЛЕЙНАЯ МАРКА

Годовщине победы творческого гения советского народа посвящена новая почтовая марка. На ней изображен устремившийся ввысь космический корабль. Памятный текст гласит: «Годовщина первого полета человека в космос». Марка имеет купон с изображением земного шара, опоясанного орбитой, на которой приведена знаменательная дата. Ниже дано факсимиле Ю. А. Гагарина.

Марка создана впервые дебютирующим в этом виде графики коллективом художников Лесегри (Б. Лебедев, Л. Сергеев, М. Гринберг).

М. МИЛЬКИН

Утка на дереве

Ранним утром мы шли на катере по Куйбышевскому морю вдоль подножия Жигулевских гор. Вдруг перед нами поднялась дикая утка и скрылась в прибрежных зарослях. Удивившись, что утка не села, как обычно, на воду, мы направились к берегу. Здесь мы обнаружили в развилке дуба, на высоте около четырех метров, гнездо.

О. БУЗЫЦКОВ
Севастополь.

Иногда кряквы выводят своих птенцов в чужих гнездах, например, вороньих, если они расположены невысоко от земли или над водой. Птенцы этой утки без всякого вреда для себя прыгают из гнезда на землю или прямо в воду.

Лиса - акробат

Среди нависших кустов белой цепочкой протянулся лисий след. Собаки, увидя его, рванулись вперед и быстро скрылись в лесу. Мы остановились. И вдруг, словно чего-то испугавшись, вдалеке взвизгнула Песня: «Ай! Ай!». Сейчас же загремел зычный бас Гула: «Гау! Гау!» Зашумел, загудел лес!

Вблизи была широкая канава. И когда гон стал приближаться, мы с братом поспешили к ней: перепрыгнуть канаву лиса не могла. Вот наконец среди кустов мелькнула огненная лисья шубка. Лиса бежала прямо на меня. «А ведь придется тебе свою шубу нам подарить»,— подумал я.

И вот лиса направилась прямо к канаве. Гляжу я и не верю своим глазам: лиса переходит канаву... по воздуху. С лаем прибежали собаки. Пометались, повизжали с досады, но через быстрый водосток плыть не решились. Поспешили и мы. И что же? Через канаву лежит гладкая жердь толщиной в руку, покрытая снегом, а на ней — частые шаги лисицы.

Не лиса, а длинннохвостый акробат!

Н. НИКОЛЬСКИЙ

Copyrighted material

Вместо букета.
— Это все, что я мог достать.
Рисунок М. Ушаца.

–Скучна-а-а...

Рисунок В. Воеводина.

Почему мы так говорим

ГРИПП

В конце первой мировой войны распространившаяся по всем странам эпидемия гриппа унесла 20 миллионов жизней из 500 миллионов заболевших. Страшную болезнь назвали тогда «испанкой», так как первые печатные сведения о ней появились в Испании. До этой войны болезнь называли инфлюэнцей (от латинского инфлюэре — втекать, проникать). А теперь, как и встарь, ее называют гриппом.

Грипп возбуждается не одним видом вируса и протекает не всегда одинаково. Понятно, почему болезнь называли «испанкой», но откуда слово «грипп»? В прошлом веке считали, что слово образовано от французского «гриппе» — царапать (когтями), схватывать. Но историк немецкого языка ученый А. Бах установил, что слово это появилось во время эпидемии 1782 года в немецком языке и образовано от русского слова «хрип».

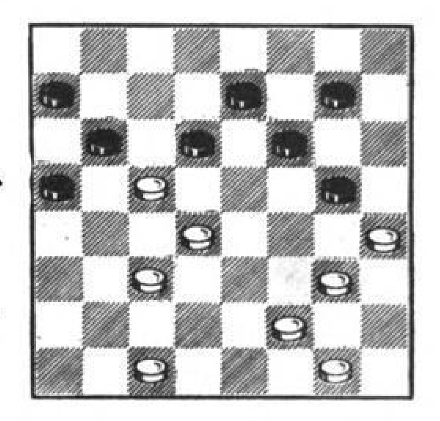
Стоит отметить, что в современном французском языке есть слово сходное по звучанию — «гриппаж», означающее «хрипы в радио».

И. УРАЗОВ

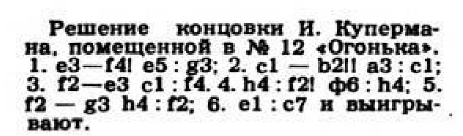
Шашки

Под редакцией мастера
Г. Я. Торчинского

Концовка
М. Галкин (Москва)
Белые начинают и выигрывают. →



●



Решение концовки И. Купермана, помещенной в № 12 «Огонька». 1. e3—f4! e5 : g3; 2. c1 — b2!! a3 : c1; 3. f2—e3 c1 : f4. 4. h4 : f2! ф6 : h4; 5. f2 — g3 h4 : f2; 6. e1 : c7 и выигрывают.

После выступления «Огонька»

«ОДНОФАМИЛЕЦ С ПРЕТЕНЗИЯМИ»

Редакция получила много откликов на фельетон А. Трубниковой «Однофамилец с претензиями» (№ 46 за 1961 год). «Меня крайне возмутила наглость горе-папаши Спиридонова, который бросил троих малолетних детей на попечение жены, где-то скрывался, а почувствовав свою старость, обратился в суд, чтобы дети платили ему алименты»,— пишет тов. Поповиченко из гор. Коммунарска. «Я сам отец семейства и мне 75 лет, но тем не менее я против решения судьи»,— поддерживает Н. Ф. Киселев из Свердловска. Даже С. А. Чинейкин, проживающий в Башкирии, возмущается присуждением Спиридонову алиментов. Почему «даже Чинейкин»? А потому, что С. А. Чинейкин откровенно признается: «Фельетон именно потому и затронул меня, что в число подобных «героев» вхожу и я. В последние годы я плачу алименты, но полностью себя обвиняю в том, что не платил в прошлом. В старости никаких ходатайств о взыскании алиментов возбуждать не буду».

Оренбургский областной суд уведомил редакцию, что «дело по иску Спиридонова М. П. к детям Спиридоновым о взыскании алиментов в суде прекращено». Следует небольшое пояснение: «по просьбе истца Спиридонова». Видимо, Спиридонова, как говорится, совесть заела.

Редакция надеется, что при разработке нового законодательства о семье и браке будут учтены пожелания читателей о соответствующей поправке к статье гражданского кодекса.

Для дома

НОВЫЕ СВЕТИЛЬНИКИ

Чтобы в комнате стало уютно, мебель группируется обычно как бы отдельными «уголками». Понятно, что каждый такой «уголок» должен быть освещен в соответствии с его назначением. Общая для всей комнаты люстра или большой абажур, какой бы формы они ни были, сразу покажутся малоудобными и некрасивыми. Гораздо целесообразнее будут выглядеть отдельные световые точки, устроенные там, где они непосредственно нужны.

Добиваясь наибольшего «зрительного комфорта», сектор осветительной арматуры ЦНИИЭП и конструкторское бюро таллинского завода «Эстонпласт» создали светильники, форма которых хорошо гармонирует с новой современной мебелью, рисунком декоративных тканей, предметами прикладного искусства.

Завод «Красный май» приступил к промышленному изготовлению этих светильников.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Пролив, соединяющий Адриатическое и Ионическое моря. 7. Воодушевление, подъем. 8. Птица семейства синиц. 9. Подливка к кушанью. 10. Специальность ученого. 11. Деталь гранаты. 13. Чемпион мира по скоростному бегу на коньках. 16. Сходство, соответствие. 18. Обещание, договор, требующий безусловного выполнения. 19. Тригонометрическая функция. 22. Стихотворение, в котором начальные буквы строк составляют слово, фразу. 25. Вокальное произведение. 26. Мазь для обуви. 27. Пещера. 28. Приток реки Усы. 29. Курорт в Бурятской АССР. 30. Местное наречие, говор.

По вертикали:

1. Итальянский композитор. 2. Сельскохозяйственное орудие. 3. Северная оконечность Европы. 4. Родоначальник башкирской литературы. 6. Многолетнее растение. 9. Украинский поэт XVIII века. 12. Художник, изображающий животных. 14. Виноградный черенок. 15. Оттенок. 16. Буква греческого алфавита. 17. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 20. Организатор первого советского кукольного театра. 21. Форма поощрения. 23. Музыкальное произведение. 24. Африканское животное семейства кошачьих.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

5. Монтевидео. 8. Кокарда. 9. Толстой. 11. Нота. 13. Дилемма. 15. Грамота. 17. Рапира. 19. Шест. 20. Кокс. 21. Стабилизатор. 22. Осип. 24. Быль. 25. Сводка. 28. Караван. 30. Разница. 31. Луна. 32. Глюкоза. 33. Миндаль. 34. Готовальня.

По вертикали:

1. Коврига. 2. Страница. 3. «Диктатор». 4. Шезлонг. 6. Конверт. 7. Потомак. 10. Универсиада. 12. Артикуляция. 14. Мастика. 16. Реформа. 17. Ребус. 18. Анапа. 23. Правило. 24. Бинокль. 26. Варламов. 27. Карамель. 29. Носорог. 30. Равнина.

На первой странице обложки: Флаг их победы (см. в номере репортаж О. Куприна и Г. Копосова).
Фото Г. Копосова.
На последней странице обложки: Новые светильники.
Фото И. Тункеля.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00456. Подписано к печати 11/IV 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 552. Заказ № 1002.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

Сегодня в Театре Миниатюр «Огонька» выступает известный мастер оригинального жанра, заслуженный артист Грузинской ССР ДИК ЧИТОШВИЛИ.

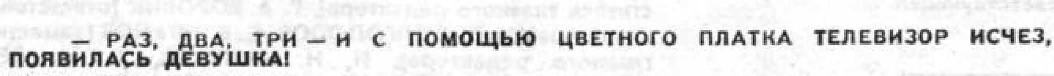
Посмотрите, пожалуйста, как ловко и четко он работает, как эффектно показывает различные иллюзионные трюки и фокусы.

Вы видите в руках у Дика Читошвили шарики.

ТМО ЛОВКОСТЬ РУК И

— РАЗ, ДВА, ТРИ — И С ПОМОЩЬЮ ЦВЕТНОГО ПЛАТКА ТЕЛЕВИЗОР ИСЧЕЗ, ПОЯВИЛАСЬ ДЕВУШКА!

Прекрасное выступление: АРТИСТ ОЦЕНЕН ЗРИТЕЛЯМИ ПО ДОСТОИНСТВУ!



Граждане М. И. Числов и К. М. Никитина занимались частным промыслом: изготовляли из газового полотна цветные платки и расписные шарфы.

РАЗ, ДВА, ТРИ — И С ПОМОЩЬЮ ЦВЕТНЫХ ПЛАТКОВ У НИХ ПОЯВИЛИСЬ ТЕЛЕВИЗОРЫ, ДАЧА В ПОДМОСКОВЬЕ И АВТОМОБИЛЬ.

Каждый из вышеназванных мастеров жульнических трюков и уголовных фокусов тоже ОЦЕНЕН ПО ДОСТОИНСТВУ.

Copyrighted material

ГДЕ ЖЕ ШАРИКИ?..

— Подумаешь, фокус! — сказал малоуважаемый гражданин Ф. В. Верниковский, который работал на фабрике, изготовляющей дробь для охотничьих ружей, и в один прекрасный день похитил тонну дроби.

ГДЕ ЖЕ ШАРИКИ?..

Дробь была реализована через охотничий магазин, а вырученные суммы исчезли в кармане гражданина Верниковского.

II СОРТ

I СОРТ

ВЗМАХ РУКИ — И ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО С РЫБОЙ?

В ловких руках иллюзиониста ваза с золотыми рыбками исчезла...

Но жил-был в Москве некто Квитницкий. Не так давно он заведовал мясо-рыбным отделом московского «Гастронома» № 26 и, судя по трудовой книжке, никакого отношения к оригинальному иллюзионному жанру не имел. Однако, когда в его отдел привозили свежую рыбу, он выкидывал всевозможные опасные трюки.

ВЗМАХ РУКИ — И ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО С РЫБОЙ?

В результате таких трюков В. П. Квитницкий и его дружки за короткое время похитили двадцать шесть тысяч рублей.

Перед нами снова Дик Читошвили. Нарисованная ваза «ожила».

КАКОЙ НЕОЖИДАННЫЙ СЮРПРИЗ!

А на московской фабрике, выпускающей вафельные торты «Сюрприз», работали бывший главный инженер А. А. Разина и другие бывшие расхитители государственной собственности. Они из материалов, отпускаемых на изготовление десяти тортов, изготовляли... четырнадцать! Так было похищено 48 299 тортов на сумму свыше десяти тысяч рублей.

Нет, не зря при виде выпущенного ими торта покупатели восклицали:

— КАКОЙ НЕОЖИДАННЫЙ «СЮРПРИЗ»!

ЛИ ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

ОТ РЕДАКЦИИ. В связи с тем, что эти граждане, оцененные советским судом по достоинству, в данное время находятся вне Москвы, сыграть их роли в нашем Театре Миниатюр любезно согласился народный артист РСФСР ВЛАДИМИР ЛЕПКО.

Яков ЗИСКИНД

Фото О. КНОРРИНГА.

Copyrighted material

Цена номера 30 коп.